

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№12 2010

Повесть:

Антон Фарб
«ИЗНАНКА МИРОВ»

Рассказы:

Олег Силин
«СУЕТА ВОКРУГ МЕШКА»

Антон Тудаков
«УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН
ДРАКОН!»

Критика:

Сергей Шикарев
«ОТЧАЯНИЕ»
И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРЕГА
ИГАНА»

Денис Чекалов
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЖЕЙМСА БОНДА
И ДОКТОРА ВАТСОНА»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 12 (88) 2010

1. Антон Фарб	/ ИЗНАНКА МИРОВ	4
2. Олег Силин	/ СУЕТА ВОКРУГ МЕШКА	82
3. Татьяна Адаменко	/ ГРОХОЧУЩИЙ ПРИЗРАК	107
4. Антон Тудаков	/ УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ДРАКОН!	117
5. Алексей Ропьяк	/ КАЧЕЛИ.	125
6. Кир Луковкин	/ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.	132
7. Марианна Язева	/ БУДНИ СТОН-ГОРОДА.	138
8. Юрий Погуляй	/ НАВЕРНОЕ, ОНИ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ.	143
9. Ден Княжич	/ ПОТОМУ ЧТО МАГ	148
10. Андрей Новосёлов	/ КУРЬЕР	153

Детская страничка

11. Александр Подольский/ ПОВЕЛИТЕЛИ МЕЛКОВ	154
---	-----

Критика

12. Алексей Караваев	/ ВСЁ, ЧТО ВЫ ДУМАЛИ О КРИТИКЕ, НО	
	БОЯЛИСЬ КАЗАТЬ	160
13. Ольга Коцюбанская	/ ФЕНТЕЗИ КАК ВЫБОР МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ	
	ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПОБЕЖДЕННЫХ.	178

Рецензии и отзывы

14. Сергей Шикарев	/ «Отчаяние» И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРЕГА ИГАНА . . .	185
15. Денис Чекалов	/ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖЕЙМСА БОНДА И ДОКТОРА	
	ВАТСОНА	182

Кинопортал

16. Лев Гурский	/ МЯСНИКИ, СУПЕРАГЕНТЫ И СНОВИДЦЫ.	196
-----------------	--	-----

17. Павел Бойко / ГАРРИ ПОТТЕР И ЩЕДРЫЕ ПРОДЮСЕРСКИЕ ДАРЫ . 200

Репортаж

18. Сергей Лапач, Сергей Пальцун / ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ДНИ НОЯБРЯ 206

Opus mixtum

19. Марина Комиссаренко 216

АНТОН ФАРБ

ИЗНАНКА МИРОВ

НИФЛЬХЕЙМ

В Нифльхейме шел снег. Крупные лохматые снежинки кружились в морозном воздухе, медленно опускаясь на город и покрывая пушистым ковром узкие улочки и островерхие черепичные крыши. Город спал. В домах не горели окна, на широких мостовых и в извилистых переулках не было никакого движения, и даже тоненькие столбики дыма из печных труб казались нарисованными на ночном небе. Единственным, что оживляло эту картину, были крупные хлопья снега...

Я встряхнул тяжелый стеклянный шар, утопив миниатюрный Нифльхейм в снежном буране, и поставил его обратно на полку между Асгардом и Муспельхеймом, навсегда заключенными в плен из горного хрусталя. Когда видишь такое, поневоле задумываешься: а что, если и те миры, что мы привыкли считать настоящими, тоже стоят на полке в какой-нибудь сувенирной лавке?..

В эту маленькую и жарко протопленную лавочку я зашел просто так, из любви к неожиданным поступкам: очень уж тепло и уютно светила ее витрина в вечернем полумраке зимних улиц. Я не собирался ничего покупать — мне надо было как-то убить полчаса до встречи с Сунильд, и я, чтобы не торчать на морозе, рассеяно бродил вдоль полок, разглядывая игрушечных мастодонтов, маленьких викингов, нэцке из моржовой кости, обтянутые кожей плоские фляги, пресс-папье и прочие бесполезные штучки, которые должны были бы напоминать заезжему туристу о славном и сонном городе Нифльхейм.

Сегодня был мой последний день в этом мире, и, как всегда в такие дни, мной овладело то странное настроение, которое не было ни тоской расставания, ни предвкушением путешествия, а чем-то средним, грустным и радостным одновременно, и еще чуточку суетливым — все время хотелось проверить карманы, не забыл ли я чего... Такое настроение можно было бы назвать чемоданным, но чемоданов-то у меня и не было: я всегда путешествую налегке.

Вот и сейчас все мои пожитки уместались в карманах новой кожаной куртки. Бумажник, записная книжка, авторучка, складной нож, зажигалка и паспорт. Все. В бумажнике было полторы сотни крон и кредитная карточка

сеннаарского банка, а в паспорте — виза в Сеннаар. Не хватало только билета на экспресс, и именно ради него я и шел на встречу с Сунильд.

Я поддернул рукав куртки и поглядел на часы. У меня было еще пятнадцать минут, и спертый воздух лавки мне уже надоел. Колокольчики над дверью прощально звякнули мне вслед.

В Нифльхейме шел снег. Он шел уже месяц, и собирался идти еще долго, погребая под высокими синеватыми сугробами мостовые и первые этажи домов. Скоро город станет приземистым, будто бы придавленным серым зимним небом, и крыши исчезнут под массивными снежными шапками, и жители перестанут ездить на санях и начнут рыть туннели сквозь снег. А потом начнутся метели, бураны и суровые морозы, город впадет в зимнюю спячку, и все это продлится целых восемь месяцев.

Радовало только одно: меня здесь уже не будет. Я поднял воротник куртки, натянул перчатки и запагал по заснеженной улочке по направлению к Ульгу.

Морозный воздух пощипывал щеки, и ресницы моментально заиндевели от дыхания, которое превращалось в иней раньше, чем успевало стать паром. И ведь по местным меркам, это был даже еще не мороз — так, первые заморозки...

Был ранний вечер, но на улицах не было ни души. Под ногами похрустывал снег, тихо шипели газовые фонари, и высоко в фиолетовом небе висели две луны: кроваво-красный Хугин и зеленоватый Мунин. Я вспомнил, что по местным повериям ночь двойного полнолуния считается колдовской: в такую ночь на улицы выходят маньяки, а еще на такие ночи приходится пик самоубийств. Последнее, впрочем, более характерно для середины и конца зимы, когда беспросветная тоска становится невыносимой даже для местных... Я бы никогда не смог здесь жить.

Мы условились встретиться с Сунильд на горбатом мосту через Ульг. Я пришел первым; подойдя к парапету, я окинул взглядом замерзшую реку. Толстый слой льда с лиловыми прожилками был похож на мраморную плиту. Возле гранитной набережной ледяные тиски сковали засыпанную снегом баржу с углем. Над рекой было даже холодней, чем на улицах — здесь гулял резкий порывистый ветер, и от промерзшего Ульга тянуло вековым холодом. Вдалеке, над излучиной реки, высилась обледелая громада Чертога.

Я стащил перчатку, сгреб с парапета горсть колючего снега, подождал, пока он не станет мокрым и липким в моей ладони, а потом со всей силы швырнул этот холодный комочек в сторону Чертога.

— Так ты их не достанешь, — прозвучал за моей спиной голос Сунильда.

Я обернулся. Высокая, стройная, элегантная Сунильд всегда передвигалась бесшумно, как снежный барс. Она даже была чем-то похожа на эту большую кошку: тот же пепельный цвет волос, те же зеленые глаза, тот же хищный характер.

— Их вообще нельзя достать, — сказала она. — От них можно только убежать.

— Ты принесла? — спросил я.

Сунильда покачала головой.

— Он держит конверт при себе. Всегда. Но зато я принесла вот это.

Она вытащила из сумочки большой черный предмет. Это был увесистый парабеллум.

— Он сейчас в таверне «Фенрис». Это недалеко отсюда...

— Я знаю, — перебил я. — Зачем это? — Я поднял на ладони парабеллум.

Сунильда печально улыбнулась.

— Неужели ты думаешь, что он отдаст тебе билеты просто так? — Она сделала шаг вперед и провела рукой по моей щеке. Ладонка у нее была теплая и ласковая. — Это наш с тобой шанс, любимый. Нам нельзя его упустить. — Зеленые глаза Сунильды смотрели на меня с надеждой.

Я молча засунул парабеллум в карман.

— На вокзале, — сказала она. — Я буду ждать тебя там.

У входа в таверну мерз мастодонт, запряженный в волокушу с дровами. Мастодонт был старый, его бурые с проседью космы свалились в сосульки, а подпиленные бивни были темно-желтого цвета. Дыхание его вырывалось из груди с астматическим свистом и мутным облаком окутывало фонарь над входом в таверну. На вывеске под фонарем был грубо намалеван волк, грызущий головку сыра.

В самой таверне было темно, жарко и шумно. На стенах чадили факелы, а в камине размером с дверной проем весело похлохало, потрескивая, целое бревно. Над огнем медленно вращался вертел с насаженной на него кабаньей тушей. Туша истекала жиром и вонью горелого мяса.

Здесьшние завсегдатаи славились тем, что каждый вечер с какой-то странной утрюмой целеустремленностью напивались до состояния берсерков, после чего начинали крушить друг другу челюсти. В тот момент, когда я спустился в зал по каменной лестнице, там как раз назревало две-три хороших драки. Обойдя задир дальней дорогой, я пересек задымленное помещение и попал в полутемный коридор, куда выходили двери отдельных кабинетов.

Тут на меня налетел рыжебородый дверг, ростом мне по пояс, зато в полтора раза шире меня в плечах. Я благоразумно уступил карлику дорогу. Бородатый недомерок проворчал что-то надменное и потопал в сторону сортира. На квадратных плечах дверга лежала массивная золотая цепь, обозначающая принадлежность хозяина к высшим иерархам Чертога. Я недоуменно хмыкнул (такая шишка — и в такой дыре?) и толкнул первую попавшуюся дверь.

Мне повезло: за столом, уставленным тарелками с обглоданными

костьми, пустыми бутылками из-под водки и кружками с недопитым пивом, восседал пьяный Торквилл ван дер Браан с кожаной нащепкой на левом глазу.

— А, сыщик, — сказал он, сально ухмыльнувшись. — Ну, как там моя женушка? Еще не наставила мне рога?

Я притворил за собой дверь и огляделся. Торквилл был один в кабинете, но на столе было две кружки и две тарелки. Значит... значит, его собутыльником был рыжий дверг из Чертога, который пошел отлить и мог в любую секунду вернуться.

— Погоди, — нахмурил единственный глаз Торквилл. — Ты что тут делаешь? Это она тебя подослала?

Я вытащил парабеллум и направил его на Торквилла.

— Билеты, — сказал я. — Отдай их мне.

Торквилл вдруг захохотал, оскалив желтые зубы.

— Идиот, — сказал он. — Купился? «Уедем вместе, любимый», а, сыщик?

— Просто отдай их. — Я щелкнул предохранителем.

И тут он как-то очень трезво и зло сказал:

— А у меня только один билет. Всегда был только один билет. И я его тебе не отдам. Ни тебе, ни ей. Понял, сыщик?

Я кивнул и выстрелил прямо в кожаную нащепку, прикрывавшую пустую глазницу.

Вокзал Настронд был самым большим сооружением в Нифльхейме — если, конечно, не считать Чертога. Сюда прибывали поезда со всех концов мира: составы с заключенными из Свартальвхейма, эшелоны с продовольствием из Мидгарда, бронепоезда из Нидавеллира, товарняки из Химинбьёрга, роскошные пульмановские вагоны из Вингольва и забитые беженцами теплушки из Ванахейма... Отсюда же раз в неделю отправлялся похоронный поезд в Хель.

А еще — хотя мало кто из обитателей Нифльхейма об этом знал, и еще меньше было тех, кто мог этим воспользоваться — через вокзал Настронда проходил экспресс «Уроборос», на котором (при наличии билета, разумеется) можно было покинуть не только столицу, но и весь этот стылый мир.

Людей на перроне практически не было — оно и понятно, ведь обычно «Уроборос» следует через Нифльхейм без остановки. Однако сегодня ему придется остановиться и подобрать пассажира. Или даже двух...

Вторым пассажиром мог быть двухметровый белокурый амбал с чугунной челюстью, восседающий на двух чемоданах — на вид типичный викинг из местных, огромный, урюмый и лохматый в своей песцовой шубе; только из-под шубы виднелся кафтан с багряным крестом монсальватского рыцаря на груди. Судя по тому, как густо были припорошены снегом шуба, волосы и даже брови рыцаря, он сидел на перроне уже давно. Оставалось только гадать, каким ветром его занесло в такую дыру, как Нифльхейм; хотя странствующих рыцарей Монсальвата можно встретить

и в куда более диких местах... Люди они фанатичные и опасные, и держаться от них надо подальше. Я не горел желанием завязывать дорожное знакомство, пускай мы оба и оказались в Настронде по одной и той же причине...

Как и Сунильда.

Она стояла у скамейки: цигейковый воротник поднят, матерчатый саквояж у ноги, кулачки спрятаны в меховой муфте, щечки румяные от мороза...

— Ты принес? — спросила она.

Ответить мне помешал протяжный паровозный гудок. Вдалеке показался столб белого дыма, под которым угадывался силуэт локомотива.

— Да, — сказал я, смотря мимо Сунильды на приближающийся экспресс.

— Отдай его мне, — властно сказала она.

«Его». Она знала.

— Нет, — сказал я.

Сунильда высвободила одну руку из муфты. Никелированный браунинг был похож на игрушку.

— Отдай! — сказала она.

Я продолжал смотреть на «Уроборос». Локомотив начал тормозить у самого перрона, постанывая, как умирающий мастодонт, и сбрасывая струи отработанного пара.

Сунильда вытянула руку и направила браунинг мне в лицо.

В этот момент локомотив обдал нас холодным паром — как будто пушной зверь пробежал между колен, задев лохматым боком; я шагнул вперед, выбил браунинг и ударил ее кулаком в живот. Сунильда согнулась вдвое, споткнулась о собственный саквояж и упала, а я ухватился за поручень проезжающего вагона и на ходу прыгнул на подножку.

Обернувшись, я увидел, как Сунильда ползает на четвереньках, пытаясь отыскать в снегу браунинг, а от здания вокзала к ней бегут рыжебородый дверг с золотой цепью и два гримтурса с резиновыми дубинками.

Я отвернулся и пошел искать свободное купе.

ПЕРЕХОД

Стены купе отделаны красным деревом из Тимбукту, а диван обшит тжебесским сафьяном. Перестука колес практически не слышно, и только по легкому покачиванию коньяка в бокале можно понять, что поезд движется. Я отдергиваю шторы и наблюдаю, как проносятся за окном однообразные Серые Равнины. Пробую коньяк. Он пахнет ванилью. Благородный напиток родом из Тартесса, а вот хрустальный бокал явно был сделан в благополучно покинутом мной Нифльхейме.

В путешествии на «Уроборосе» есть свои прелести.

Я проверяю нагрудный карман куртки (билет на месте; это важно — безбилетников кондуктор просто сбрасывает с экспресса), встаю и выхожу из купе. В коридоре стоит высокая брюнетка в зеленом платье с глубоким декольте. У нее

пресыщенно-утомленный взгляд, как у всех уроженцев небесного города Амаравати. Она явно не прочь скрасить дорожную скуку случайным знакомством.

Но всему свое время. До Сеннаара ехать трое суток, через подводный туннель под Рлехом, пустыню Руб-эль-Кхали и тропические леса Астлана. Я голоден и иду в вагон-ресторан.

В тамбуре я натыкаюсь на Сунильд, и меня бьют по голове. Я падаю, но не теряю сознания. Рыцарь из Монсальвата — дубина стоеросовая, благородный остолоп! — неумело меня обыскивает, отбивает парабеллум.

— Не то, Арнульф! — шипит Сунильд. — Мне нужен билет!

Я пытаюсь что-то сказать, но выходит только стон. Перед глазами пелена, все расплывается в розовой дымке. Успеваю увидеть, как ловкая ручка Сунильд выуживает из моего кармана билет.

А потом Арнульф распахивает дверь и под оглушающий грохот колес выбрасывает меня из поезда.

ГИННОМ

Я вышел из деревни еще затемно, и, когда взобрался на гору, рассвет только занимался. Я запыхался, и весь был покрыт мелкой, как пудра, известковой пылью. Идти по змеиной тропе и при дневном свете непросто, а уж ночью, когда мелкие камни осыпаются под ногами, и не видишь куда ступаешь — в десять раз сложнее.

Но пейзаж, открывающийся с вершины, стоил таких усилий. У самого горизонта небо быстро розовело, и над кромкой Соляного моря наливалась красная полоска зарн. В предрассветных сумерках океан был похож на плоское матовое стекло.

Прямо передо мной лежала, как на ладони, долина Гинном. Я видел деревушку, из которой я вышел: десяток крытых пальмовыми ветками хижин, загоны для скота и двор для собраний; видел руины городов Мильком и Кемош; видел чудовищные воронки от ядерных взрывов на севере и столбы дыма от моавитянских жертвенников на востоке. На заметенной песком автострате все так же ржавели остовы грузовиков и бронетранспортеров, опрокинутых ударной волной в момент Холокоста, а в русле пересохшей реки копошились гигантские скорпионы.

Если бы у меня был бинокль, отсюда я смог бы рассмотреть и два разграбленных мной убежища: одно — в заброшенном карьере, где один такой скорпион чуть было не застал меня врасплох, и второе, замаскированное под храм, в котором я впервые увидел педусов.

На вершине горы было ветрено; я затянул пояс кожанки, сбросил с плеч почти пустой рюкзак, вытащил ракетницу, проверил патрон и начал ждать.

От выветривания глыба известняка стала пористой и выпербленной.

Когда первый луч красного солнца скользнул по ее поверхности, она на какой-то миг вдруг стала похожа на череп...

Маленькое и сморщенное, как апельсин, солнце всплывало из глубин Соляного моря, озаряя Гинном холодными неласковыми лучами. Даже солнце в этом мире было старым и умирающим.

Именно поэтому шедусы каждое утро выбирались наружу, чтобы поклониться остывающему светилу... Если, конечно, старик не соврал, и под этой горой действительно есть еще одно убежище, и в нем живут шедусы, которые по ночам воруют детей и приносят их в жертву своим богам.

Красный диск уже почти оторвался от горизонта, когда земля под ногами вдруг задрожала. Пыль взметнулась в воздух, и с жалобным взвизгом открылся круглый люк. С того места, где я сидел, было видно оборванную герметичную прокладку, свисавшую с люка, и скобы внутри колодца.

Я взял ракетницу на изготовку. У меня было всего два патрона, а убить шедуса не так-то просто... Сперва из люка показалась костлявая лапа, похожая на куриную, а потом — лысая шишковидная голова, вся в каком-то зеленоватом лишайнике.

Выбравшись из люка, шедус встал на колени и запрокинул голову к небу. Когда он с утробным клекотом начал отбивать поклоны, я всадил ему осветительную ракету прямо между лопаток. Шедус упал, как подрубленный. Я перезарядил ракетницу и подошел поближе.

Ракета все еще тлела в шедусе, озаряя грудную клетку мутанта лиловым светом, и от трупа исходило зловоние горящей плоти.

Я вытащил из армейского рюкзака репшнур и стал привязывать его к скобе в колодце.

Здесь все было покрытой той же известковой пылью; она попадала в убежище так же, как и я, через вентиляционные колодцы, взломанные шедусами. Пыль лежала повсюду: на полу (испещренная трехпалыми отпечатками шедусов), на разбитых мониторах системы климат-контроля, на поворотных механизмах герметичных дверей, на толстых гидравлических кабелях и на все еще работающих плафонах дневного света... Неоновые трубки громко гудели и то и дело гасли, а с третьего уровня были и вовсе разбиты вдребезги.

Когда под ногами захрустело битое стекло, я достал и согнул до хруста химический осветитель. В призрачном голубом свете я проверил содержимое рюкзака. У меня оставалось метров десять репшнура и четыре осветителя из тех, что я нашел в первом убежище, таблетки для дезинфекции воды, плоскогубцы, ломик, галогенный фонарь и счетчик Гейгера со склада второго убежища, сухой паек из армейского рундука Авигодора, ракетница с одним патроном оттуда же. Негусто. И непохоже, что в этом подземелье найдется что-то полезное... Слишком уж все здесь запущено, заброшено и разгромлено.

На всякий случай я включил счетчик Гейгера. Он сразу тревожно затрещал: фоновая радиация была на два порядка выше нормы. Странно... Что эти ублюдки сюда притащили?

Ублюдки напомнили о себе глухим клекотом и стенаниями где-то совсем рядом. Чертыхнувшись, я быстро нырнул в ближайшую дверь. Шедусы тупы и неповоротливы; их присутствие проще всего переждать, но мне как-то не хотелось ловить лишние рентгены...

Комнатка, в которой я прятался, была обставлена по-спартански: койка, стол, стул и стенной шкаф. Я поднял осветитель повыше и огляделся. На продавленной койке мирно лежал скелет в истлевшем комбинезоне. На стене над койкой висела, прижатая магнитом, выцветшая открытка с горным пейзажем Шангри-Ла, а на столе лежали стопки книг.

За дверью раздались клекот и гортанное пощелкивание шедуса. Не обращая на него внимания, я полистал книги. Какая-то техническая документация, рукописный журнал и томик стихов. Все на незнакомом мне языке, буквы похожи на червячков. Я сгреб книги в рюкзак. Старик будет доволен.

Шедус за дверью стих — видимо, поковылял дальше. Я собрался было уходить, но решил забрать открытку. И тут я это и услышал: тоненький, как комариный писк, детский плач. Он доносился из-за стены, на которой висела открытка.

Я вышел в коридор: рядом с комнатой, где я прятался, была шахта лифта. Я отжал дверь с помощью ломика и заклинил плоскогубцами. Детский плач доносился снизу. Размотав остатки репшура, я привязал один конец к двери, а второй пропустил под левым бедром и перекинул через правое плечо. Потом переломил и бросил в шахту еще один осветитель, и быстрым дюльфером спустился вниз.

Счетчик здесь затрещал так отчаянно, что его пришлось выключить. Младенец, синюшный, но еще живой, всхлипывал на каменной плите, покрытой коркой засохшей крови. А рядом... Я включил фонарь, и мощный луч света вырвал из темноты продолговатый цилиндр со знаком радиационной опасности на боку.

Чтобы попасть к Авигдору, мне пришлось минут сорок дожидаться окончания вечерней молитвы. Вокруг меня суетились женщины, забитые туповатые существа, расплывшиеся от постоянных родов, носились стаи детей, никем не пересчитанные и никому, по сути, не нужные — кроме шедусов с их дикими ритуалами, бродил кругами местный сумасшедший (тот самый, что не так давно призывал побить чужака — то есть меня — камнями), и только умница Ребекка, дочка старика, догадалась притащить мне амфору с вином.

Я бы предпочел пиво, а еще лучше — пиво после ванной, уж очень хотелось смыть с себя пыль, радиацию и омерзительный запах смерти, который преследовал меня с самого убежища... Но вместо ванны я сидел у входа в

молеальный шатер и жадно пил теплое и терпкое вино, пока мужчины племени не разошлись. Тогда Авигдор позвал меня внутрь.

— Показывай! — потребовал он.

Я высыпал из рюкзака все книги. Бормоча себе под нос что-то про мерзость и богохульство, Авигдор принялся листать трофеи. Старейшина племени был одет в грязный засаленный балахон, в его длинной и спутанной седой бороде застряли крошки еды, а костлявые пальцы терзали бумагу с какой-то иступленной ненавистью...

— Сегодня будет славный костер, — возбужденно проговорил он. — Закон гласит, что мерзость надо предавать огню.

— Деньги, — напомнил я.

— Ах да, — засуетился Авигдор. — Деньги... всегда только за деньги, да, Картафил?

Этой кличкой старик называл меня с первого дня, а я не возражал, пока он расплачивался за трофеи золотом. Нифльхеймские кроны этот тупица сжег на костре вместе с моим паспортом («мерзость!»), а от сеннаарской кредитки в этом мире толку было немного. А золото — оно всегда золото...

Отсчитав мое вознаграждение, Авигдор спросил, понизив голос до шепота:

— Ты видел... ритуал?

— Шедуса? — нарочито громко уточнил я. Авигдора передернуло. — Видел. Я принес ребенка.

— Да-да, — пробормотал Авигдор. Плевать ему было на ребенка. — Значит, ты... спукался на дно колодца?

— Колодца? — спросил я.

Взгляд старика стал отсутствующим.

— Закон учит, что бесы... шедусы поклоняются не только солнцу. Что на дне самого глубокого колодца они приносят жертвы Сосуу Гнева, страшному оружию возмездия, — Авигдор, похоже, начинал входить в проповеднический раж, — которое позволит нашему народу воздать сполна врагам за все их злодеяния...

Этот старый маразматик даже не знал, кем были эти враги, и кто сбросил бомбы: летающие крепости из Сеннаара, цепелины из Тхебеса, драконы из Шангри-Ла — или это был сугубо внутренний конфликт, когда схлестнулись какой-нибудь Мильком с Кемошем, и превратили мир в атомное пепелище... Я так и не смог этого выяснить, а туземцы даже и не пытались. Племя, приютившее меня, выстроило из своего невежества целую религию, обиженную и озлобленную, где главной целью было возмездие незнамо кому... Хрен тебе, а не атомную бомбу, подумал я, и тут в шатер вошла Ребекка.

— Отец, — несмело сказала он. — Знахарка говорит, что ребенок... — она запнулась под тяжелым взглядом отца, но продолжила: — ...ребенок, которого принес Картафил. Этот ребенок... нечист. Что нам делать, отец?

Авидгор гневно смерил взглядом дочь, встал в величественную позу и изрек:

— Закон гласит: нечистых детей, у которых неправильное число пальцев на ногах или руках, растет хвост или рога, или есть какие иные признаки нечистоты, следует побивать камнями...

По вечерам я приходил на побережье и долго смотрел на горизонт. В Соляном море не бывает волн, оно всегда безжизненно спокойно, вода в нем горькая и нет рыб; только легкий бриз заставляет морщиться его упругую поверхность. Если очень долго плыть по нему, можно попасть в Предвечный Океан, который — как и Серые Равнины, и Небесный Эфир, и Великая Река, и тайные тропы Агарты — не принадлежит ни одному миру, но соединяет их все...

К сожалению, всей древесины Гиннома не хватило бы даже на самую утлую лодчонку. И в убежищах я не нашел ничего, что помогло бы мне выбраться из этого мертвого мира... Похоже, я застрял тут надолго. Может быть, навсегда. При мысли о том, что я до самой старости буду приходить на побережье, смотреть на море и мечтать о несбыточном, тихо выживая из ума, на меня накатывало тоскливое оцепенение, побороть которое можно было только с помощью бурной, хотя и бессмысленной, деятельности.

На побережье у меня был тайник. Тут я копил авидгорово золото, сюда же припрятал атомную бомбу. К ней надо будет раздобыть свинцовый ящик, а то мое золото начнет светиться в темноте... Я как раз заканчивал засыпать бомбу песком, когда услышал шуршание гальки.

— Здравствуй, Картафил.

Это была Ребекка, отчаянная умничка Ребекка, не побоявшаяся вечером прийти одна на берег Соляного моря и — самое страшное преступление с точки зрения ее отца — заговорить с чужаком.

— Добрый вечер, Ребекка, — сказал я.

Глазницы у нее были — как у газели: большие, темные, красивые. И сама она была как газель, с изящной фигуркой и очаровательной грацией жеребенка. А еще у нее были волшебные руки... Это ведь она меня выходила после падения с экспресса. Хотя иногда, в такие бесконечно длинные и одинокие вечера, я жалел, что выжил.

— Ты... ты хороший человек, Картафил, — запинаясь, сказала Ребекка. — Жаль, что ты не из нашего племени и не чтить наш Закон. Это очень важно: чтить Закон. Это то, что делает нас лучшими.

— Лучшими из кого? — спросил я.

— Просто — лучшими! Нам будет даровано возмездие. Только мы останемся в мире после него. Не будет ни аммонитов, ни моавитян, ни... — Ребекка осеклась при виде моей грустной улыбки.

— Видишь ли, девочка, — сказал я, — есть и другие миры, кроме этого. Теперь был ее черед улыбаться снисходительно.

— Ты хороший человек, Картафил... — повторила она.

— Тут ты ошибаешься, — сказал я.

— Хороший, — с нажимом сказала она. — И будь ты из нашего племени, ты бы мог...

Она вдруг побледнела, улыбка сбежала с ее лица, а глазницы уставились куда-то за меня, в море. Я обернулся и, с трудом веря в свою удачу, потащил из-за пояса ракетницу.

На фоне бордового солнечного диска, опускающегося в Соляное море, чернели паруса галеона с Тортуги.

ПЕРЕХОД

Океан штормит. Галеон «Аегба» то и дело зарывается бушпритом в волну, палубу захлестывает зеленоватой водой, она пенится у основания мачт и через шпигаты устремляется обратно за борт. Небо, мутновато-расплывчатое, как и бывает во время Перехода, затянуто тяжелыми, иссиня-черными тучами, и ветер бросает мне в лицо соленые брызги Предвечного Океана.

Капитан Фробишер по прозвищу Идальго нервничает. Отдав приказы сборищу матросов откровенно разбойничьей наружности, которое именуется командой «Аегбы», он поднимается на ют, вытаскивает подозрительную трубу и напряженно всматривается в горизонт.

Я стою рядом, застегнув куртку на все пуговицы и потуже затянув ремень. Одной рукой я держусь за ванты бизань-мачты, чтобы не упасть из-за качки, а другой перебираю в кармане золотые монеты.

— Кракен? — спрашиваю я.

Идальго молча качает головой, не отрываясь от подозрительной трубы.

— Буканьеры из Монсальвата?

У Фробишера есть каперский патент, но он подписан губернатором Тортуги и дает право грабить суда любого мира. Для фанатиков из Монсальвата это не документ.

— Далеко еще до Тортуги? — я предпринимаю еще одну попытку разговорить капитана.

Боцман свистит в свою дудку, и матросы проворно, как обезьяны, взбираются на мачты.

— Мы идем не на Тортугу, — говорит Идальго и поворачивается ко мне.

Он красив до смазливости: ямочки на подбородке, длинные вьющиеся волосы каштанового оттенка, лихие усы и эспаньолка... Даже шрам через бровь его не портит. Пронзительно голубые глаза глядят надменно и насмешливо. Такие нравятся женщинам.

— Не на Тортугу? — спрашиваю я.

— Остров в блокаде, — коротко отвечает Идальго. — Субмарины из Рльеха топят каперские суда. А у нас кончились глубинные бомбы и испорчен эхолот. Поэтому мы идем в Ирам. Там я возьму груз у местных контрабандистов и продам тебя в рабство. Если, конечно, тебе нечем будет расплатиться за дорогу.

Я начинаю нервно брэнчать монетами в кармане. Ирам в три раза дальше, чем Тортуга, и золота Авидгора может и не хватить...

— Вы принимаете кредитные карточки? — спрашиваю я.
Капитан улыбается.

ИРАМ

— Ты не купец, Раххаль, — сказал Халид ибн Хастур, старший партнер торгового дома «Хастур и сыновья», перебирая толстыми пальцами черепаховые четки. — Ты авантюрист и искатель приключений. С тобой нельзя иметь дело, Раххаль, это было ясно с самого начала...

— Да, — подхватил Малик ибн Хастур, младший партнер и младший брат Халида, — это было видно, когда ты появился на Базар в своей просоленной кожанке, начал тратить радиоактивное золото и переспал с этой рыжей ведьмой Лайлой!

Малик хихикнул и, заложив большие пальцы в карманы жилета, покрутился в кресле. Я невозмутимо разглядывал братьев Хастуридов. Оба они были упитанные, холеные, с лоснящимися физиономиями и ухоженными руками. Халид был покрупнее и прятал массивное брюхо в просторных складках джелабини, а обритую голову — под белоснежной куфией. Малик, окончивший сennaарскую бизнес-школу, предпочитал костюмы-тройки и дорогие галстуки, и время от времени промокал свой мощный загривок носовым платком.

Несмотря на работающий кондиционер, в офисе было жарко.

— И хуже другое, — сказал Халид. — Ты любишь приключения больше, чем деньги...

— А это очень, очень плохо для бизнеса! — опять хихикнул Малик.

Я пожал плечами.

— Торговый дом «Хастур и сыновья» — не единственная фирма в Ираме, которая несет убытки от эмбарго на торговлю с Астланом, — сказал я равнодушно. — Я всегда могу предложить свои услуги кому-то другому...

— А что именно вы предлагаете? — раздался голос у меня за спиной.

Юсуф, юрисконсульт дома, заваривал кофе. Толстый и облезлый старик с торчащими зубами, начинавший работать еще с самим Хастуром, отцом Халида и Малика, насыпал в медную джезvu три ложечки сахара, поставил на огонь, дождался, пока сахар расплавится, потом снял, добавил только что перемолотую смесь свежесжаренных зерен кофе, залил водой, довел до кипения, снял, опять довел до кипения, бросил лимонную цедру... Этот процесс, чем-то схожий с алхимическим, так поглотил Юсуфа, что свой вопрос он задал как бы невзначай, не отрываясь от разливания кофе по чашечкам.

Я не позволил скучным интонациям Юсуфа меня обмануть. Эта старая крыса никогда и ничего не спрашивала просто так...

— У вас на складах лежат «стингеры» для армии Итцкоатля. Я берусь их доставить. Вопросы таможенного досмотра я решаю сам. Моя доля — десять процентов от суммы сделки.

— Десять процентов? — в один голос взвыли Халид и Малик, а Юсуф флегматично помешал кофе.

— Таможенный досмотр — это, конечно, хорошо, — проговорил Юсуф и понюхал свою чашечку. — А как быть с Детьми Самума в пустыне Руб-эль-Кхали?

— Тоже мои проблемы.

— Сумасшедший... — пробормотал Малик. — Погубишь себя, верблюдов и товар...

— Скажите, уважаемый, — спросил Юсуф, бросая в чашечки куски колотого льда, — а почему вы вдруг решили заняться контрабандой?

Я усмехнулся.

— Сам не знаю. Наверное, потому, что этим я еще никогда не занимался...

Тут произошло неожиданное. Юсуф растянул тонкие губы в подобие улыбки, обнажив крысиные зубы, и тоненько засмеялся.

— Хотите кофе? — отсмеявшись, спросил он.

Когда-то на месте Ирама был Город-Храм, такой громадный, что его колоннаду, окружавшую Храм по периметру, нельзя было обойти пешком за время между восходом и заходом солнца. Храм был разрушен много тысяч лет тому назад, и никто уже не помнил, кому в нем поклонялись — потому что сегодня в Ираме, Городе Тысячи Колонн, поклонялись деньгам.

Пустыня поглотила широкие ступени храмового крыльца, варвары разграбили золотые украшения и разбили мраморные кариатиды, замело песком мозаичные полы, ритуальные купальни, святилища и алтари, и между щербатой, изъезженной песчаными бурями колоннадой раскинулся пестрый Базар.

Здесь продавалось и покупалось все: хрусталь и меха из Нифльхейма, компьютеры и симулякры из Сеннаара, живые скульптуры из Амаравати, драконы из Шангри-Ла, кокаин из Теспайоканы и опиум из Ангкор Шаня, говядина из Мидгарда, ирамские ковры и асланские рабы, тартесские вина и тортугский ром, засоленное мясо гигантских кальмаров из Рльеха, красное дерево из Тимбукту, лекарства из Тифарета и святые мощи из Монсальвата, военная техника из Меггидо, трофеи из Гиннома, карты Агарты и архипелагов Предвечного Океана... Тут бродили разукрашенные шрамами наемники из Меггидо и вербовщики Безымянного Легиона, монсальватские проповедники и тхебесские проститутки, паломники из Тимбукту и флибустьеры с Торгути, беженцы из Каэр-Иса, попрошайки, гадалки, карманники и мошенники... и, разумеется, ирамские торгаши.

У жителей Ирама была одна странность, которую я начал замечать совсем недавно: их взгляд оставался тусклым и ничего не выражающим до тех пор, пока речь не заходила о деньгах. И не важно, о чем они говорили — о художественных достоинствах нового сеннаарского блокбастера, убранстве асгардских дворцов, вкусе тортугского рома или летных качествах

бойцовских драконов — все и всегда сводилось к деньгам. К стоимости, цене, бюджету, арендной плате, подоходному налогу и чистой прибыли.

Братья Хастуриды не были исключением. С одобрения Юсуфа, они подписали со мной разовый контракт на перевозку товара через пустыню Руб-эль-Кхаи, после чего перевели на мой счет двадцать тысяч дирхемов для закупки верблюдов, продовольствия, воды и рабов. Из них десять тысяч я тут же потратил на страховой полис с суммой покрытия в полмиллиона дирхемов, которые будут выплачены торговому дому «Хастур и сыновья» в случае гибели каравана. После этого Халид и Малик утратили всякий интерес к беседе. Мне выписали доверенность и накладную на получение со склада сотни зенитно-ракетных комплексов «Стингер», пожелали удачи и выставили за дверь, на солнцепек, где бурлило и клекотало людское море ирамского Базара.

Верблюдов Фуад держал в огороженном загоне по левую руку от своего шатра, а драконов — в крытом сеткой вольере прямо у входа.

— Вы только посмотрите на этого красавца! — вкрадчиво прошептал Фуад, придерживая меня за локоть. — Из личного улья далай-ламы Шангри-Ла! Четыре метра в холке, а размах крыльев...

Дракон был золотистый, с зелеными кошачьими глазами и муаровыми узорами на чешуе.

— Мне нужны верблюды, — сказал я.

Фуад разочарованно зацокал языком.

— У меня давно никто не берет верблюдов... С тех пор как Дети Самума — пусть кутрубы вырвут их гнилые сердца, а гули обглодают кости! — начали грабить караваны в пустыне, я не продал ни одного верблюда! И тут такой уважаемый человек, как вы, Раххаль ат-Танджи, отказывается от дракона императорской породы...

Я подошел к верблюжьему загону и облокотился на забор. Ближайший верблюд лежал на песке и тупо перемалывал челюстями свой вчерашний обед.

— Пятьдесят верблюдов. Дромадеры. Не старше трех лет. Пищу, воду и упряжи. Десять погонщиков. Рабов, желательно из Астлана. Охраны не надо. Оплата в дирхемах.

Фуад нахмурился. Невысокий, коренастый, с выдубленной на солнце кожей и изрезанным морщинами лицом, седыми усами и мохнатыми гусеницами бровей, Фуад был разительно непохож на обычных ирамских торгашей и уже одним этим был мне симпатичен. А если еще и учесть, что в молодости он повидал даже больше миров, чем я...

— Не обижайся, Фуад, — сказал я и хлопнул его по плечу. — Я обязательно куплю у тебя дракона. Но в другой раз. Сегодня мне нужны верблюды...

— Покупатель всегда прав, — развел руками Фуад. — Хотя сдается мне, что вы повторяете мою давнюю ошибку, уважаемый Раххаль... Пойдемте

в мой шатер и подпишем бумаги. А вечером приходите ко мне в гости, я угощу вас пахлавой и попытаюсь отговорить от задуманного.

Когда мы проходили мимо вольера, золотистый дракон поднял свою большую красивую голову и посмотрел на меня долгим испытующим взглядом.

Далеко не у всех вольных торговцев Ирама были офисы с кондиционерами, как у дома «Хастур и сыновья», и только единицы, вроде Фуада, могли похвастаться обширными загонами для зверей на окраине Базара; большинство торговцев ставили свои палатки где придется, и особо престижным считалось место у подножия одной из тысячи колонн. И хотя колонны эти были столь велики, что у основания каждой могло разместиться до сотни торговых шатров, все пространство между колоннами было заполнено лотками и развалами, где покупали и продавали, воровали и обманывали, заключали сделки на миллион и прокручивали аферы на миллиард, ссорились и дрались, ударяли по рукам и отмечали удачные контракты, кричали и торговались, сплетничали и рассказывали анекдоты, просили милостыню и срезали кошельки, обводили вокруг пальца и попадали впросак, обвешивали и обсчитывали, гадали и наводили порчу, удовлетворяли половые потребности, ели, пили, спали и справляли нужду не отходя от лотка — другими словами, вели коммерческую деятельность более пяти миллионов человек.

Из всей этой многоликой и алчной толпы в данный момент мне нужна была только одна женщина, известная на Базаре как ведьма Лайлы.

Бизнес Лайлы (весьма далекий, несмотря на ее прозвище, от обычных ведьмовских промыслов вроде гаданий на хрустальном шаре) приносил ей доход, достаточный для того, чтобы вместо палатки обитать внутри полой Башни Мертвых Имен — циклопических размеров сооружения, стены которого от основания и до самой вершины были покрыты непонятными петроглифами.

Никакой вывески над входом в Башню не было; те, кто прибегал к услугам Лайлы, и так знали, что они могут здесь получить и сколько за это придется заплатить. Хрустальных шаров, приворотных зелий и амулетов внутри тоже не наблюдалось; зато здесь были сennaарский ноутбук, цветной лазерный принтер, сканер, ксерокс и древний каменный алтарь с разложенными на нем каучуковыми заготовками для печатей и набором скальпелей.

— Мне нужен сертификат конечного пользователя на партию оружия, — сказал я вместо приветствия. — На гербовой бумаге с государственной печатью. Импортёр — любой, кроме Астлана, Монсальвата и Ангкор Шаня. Экспортёр — торговый дом «Хастур и сыновья». Тип товара — зенитно-ракетные комплексы «Стингер» с боекомплектom. Количество — сто штук. Дата выдачи — месяц назад. Срок действия — год.

Пальчики Лайлы забегали по клавиатуре ноутбука.

— Когда Раххаль желает получить заказ?

— Завтра утром.

Ведьма наморщила лобик.

— За срочность я плачу отдельно, — добавил я.

Лицо Лайлы — бледный треугольник, очерченный туго затянутым черным хиджабом, из-под которого выбивалась непослушная прядь огненно-рыжих волос — просветлело. Умные глаза хищно прищурились.

— Раххаль желает также получить контракт между домом «Хастур» и покупателем товара?

И в бизнесе, и в постели Лайла оставалась расчетливой и дальновидной стервой.

— Два экземпляра с живыми печатями, плюс пакет нотариально заверенных ксерокопий, — сказал я. — И еще мне нужен новый паспорт.

Лайла встала из-за компьютера и прошуршала в сторону сейфа. Когда она повернулась ко мне спиной, ее фигура — неплохая, в общем-то, фигура нестарой и вполне симпатичной (если вам нравятся акулы) женщины — полностью исчезла в черных складках бесформенной блузы и длинной, до пят, юбки.

— Гражданство? — спросила она, перебирая разноцветные бланки паспортов.

— Не имеет значения, но мне нужен безвизовый въезд в Астлан.

— Тогда Тифарет, и временный вид на жительство в Монсальвате. На имя Раххала ат-Танджи?

Я покачал головой.

— Есть некий Джованни Ботадеус, — предложила ведьма. — И паспорт, и вид на жительство. Только перекленть фотографии, проставить печати и заменить ламинат.

— Устраивает. Сколько за все?

Когда Лайла прикрыла на мгновение свои темно-синие глаза, ее лицо стало похоже на восковую маску покойника. Закончив вычисления, ведьма сказала:

— Полторы тысячи дирхемов.

Я бросил на стол мешочек с авигдоровым золотом. Кредитных карточек, как и долгих прощаний, Лайла не признавала.

— И я заберу свой свинцовый ящик, — сказал я.

Зверинец Фуада располагался на окраине Базара. Старый охотник поставил свой шатер так, чтобы до него не доносились ни гомон Базара, и ни запахи зверей, а из входного проема была видна пустыня.

Это всегда поражало меня в пустыне — она начинается вдруг. Вот ты сидишь в шатре, пьешь чай с пахлавой, а выйдешь наружу и зайдешь вон за тот бархан — и все, ты уже посреди нигде, и вокруг нет ничего, кроме песка, неба и солнца... Солнце садилось, и барханы были розовыми в его косых лучах. Сквозь откинутый полог шатра прокрался прохладный ветерок и принес с собой ласковый шепот остывающего песка...

— Угощайтесь, уважаемый Раххаль, — сказал Фуад, когда одна из его жен поднесла ко мне блюдо с пахлавой.

На полу шатра лежала мохнатая шкура нифльхеймского мастодонта, а на центральном столбе были прибиты рога буйвола из Тимбукту и висела керосиновая лампа. В ее неверном свете угадывались очертания других охотничьих трофеев Фуада, разбросанных по шатру...

Небрежным жестом Фуад отослал супругу на женскую половину шатра и сказал, наполняя кальян фруктовым табаком:

— Когда мне было столько же лет, сколько сейчас уважаемому Раххалю, я много путешествовал и еще больше охотился.

Я откусил липко-сладкой, истекающей медом пахлавой и поспешил запить ее чаем.

— Я гарпунил кракена на Тортуге, ловил живьем диких драконов в Шангри-Ла, три дня гнал вепря в Каэр-Исе, травил гончими мастодонтов в Нифльхейме и стрелял райских птиц в Амаравати, — продолжал Фуад, раскуривая кальян. — Но больше всего я мечтал о шкуре тигра из Ангкор Шаня... Но сафари в этот мир стоит дорого. И тогда я начал зарабатывать тем, что умел делать лучше всего — охотой. Я хотел скопить на сафари...

— И что? — спросил я.

Зверолов вскинул брови:

— Разве уважаемый видит здесь шкуру шаньского тигра?

Я непонимающе покачал головой.

— Я накопил уже на десять сафари, — с горечью сказал Фуад. — Только всякий раз мне подворачивался еще один выгодный контракт, прибыльная сделка и шанс заработать еще немножко денег... Я так и не убил своего тигра. И мне горько видеть, как такой молодой человек, как вы, Раххаль, покупает верблюдов вместо драконов... Конечно, караван верблюдов — это выгоднее, чем один дракон. А в Ираме все привыкли мерять выгодой...

Взгляд Фуада стал пустым, седые брови сползли к переносице, и лоб прорезали глубокие морщины.

— Я ненавижу этот город и этот Базар, Раххаль. Здесь так легко увязнуть в деньгах...

Я хмыкнул. На темно-синем, как глаза Лайлы, небе стали загораться первые звездочки. Предвкушение завтрашнего отъезда, сентиментальная речь зверолова, общая лиричность обстановки и шепот пустыни заставили меня вытащить фляжку с коньяком и наполнить чайные стаканчики.

— У меня есть тост, — сказал я. — За твоего тигра, Фуад!

— И вашего дракона, Раххаль! — улыбнулся в усы зверолов.

Старший таможенный инспектор Хаджар прищурил свои маленькие пороссячи глазки и внимательно всмотрелся в сертификат. Было пять утра, и спросонья таможенник вряд ли бы обнаружил огрехи в работе Лайлы.

— Замечательно, — зевнул Хаджар, — а где экспортная декларация и инвойс?

Я всучил ему всю стопку документов, а сам прикрикнул на смуглых асланских невольников, грузивших ракетометы:

— Осторожнее там!

«Стингеры» были упакованы в брезентовые тюки, которые рабы навьючивали на бока верблюдов. Ракеты были в зеленых цинковых ящиках, переложенные обычной соломой. Хозяин склада сновал между ящиками, пересчитывал, записывал, суетился, нервничал, помещал ящики мелом и то и дело поторапливал рабов. Наконец один из невольников — худой и очень жилистый парень, одетый в набедренную повязку и сандалии, оторвался от погрузки и на певучем асланском наречии обложил кладовщика отборным матом.

— Я все понимаю, Раххаль, — сказал Хаджар. — Но объясни мне, на кой ляд в Тимбукту зенитные комплексы?

Я мысленно выругался. Чувство юмора Лайлы не всегда было уместным.

— Мое дело — караван, — сказал я. — Кто заказывает груз, меня не касается.

— Ну да, ну да... — ухмыльнулся Хаджар, оглаживая кучую бороденку.

Его пухлые пальчики, перебиравшие документы, наткнулись на конверт. Глаза таможенника маслянисто заблестели, а щеки надулись от усердия, пока Хаджар пересчитывал купюры.

— Будем ставить пломбы? — спросил Хаджар. В Ираме продавалось и покупалось все...

Тем временем перепалка в складе грозила перерасти в потасовку: хозяин уже замахнулся на строптивого раба плетью, а у того в руке возник нож.

— Эй, парень, подойди-ка сюда! — окликнул я невольника.

Жилистый мальчишка приблизился со всем возможным достоинством, которое можно выказать в рабском опшейнике. Нож исчез так же быстро, как и появился.

— Как тебя зовут?

— Ксатмек, — вздернув подбородок, ответил паренек.

— Что ты ему сказал? — Я кивнул на хозяина склада.

— Что если он будет нас торопить, мы уроним ящики и все отправимся к праотцам! — с вызовом бросил Ксатмек, глядя мне прямо в глаза.

Асланский раб, который разбирается в ракетах... Я ухватил Ксатмека за запястье и вывернул его руку. Так и есть: предплечье обвивал пернатый змей. Лицо асландца, побелевшее от ярости, вытянулось, когда я вложил ему в ладонь ключи от опшейника.

— Возьми бурдюки и наполни их водой. И запомни, Ксатмек: если ты убежишь, станешь просто беглым рабом. А если останешься, сможешь вернуться в армию Итцкоатля. Пошевеливайся, парень! — Я хлопнул его по спине: — Я хочу, чтобы караван вышел из Ирама еще до рассвета!

ПЕРЕХОД

Мы идем по пустыне Руб-эль-Кхали тринадцатый день. Пали два верблюда, умерло четыре погонщика. Воды в бурдюках хватит еще на сутки.

С небом происходит что-то странное. Оно меняет цвет и переливается, как обычно во время Перехода, но время от времени по нему пробегают ядовитые серебристые полосы, похожие на струйки ртути. Солнце висит в зените, слепящий белый шар в косматой короне протуберанцев. Ночь не наступает уже сорок часов. Жара от песка сильнее, чем от солнца. Воздух дрожит зыбким маревом над солончаками.

Копыта верблюдов крошат соляную корку, проваливаясь по голень. Острые края соляного панциря пустыни царапают до крови ноги животным. В раны попадает соль, и верблюды протяжно и тоскливо ревут. У них гноятся глаза.

Не выдерживают даже опаленные солнцем асланцы. Их смуглая кожа облазит, и тела покрываются волдырями. Ксатмек кричит на них, запрещая обливать себя водой из бурдюков.

Наконец, солончаки пройдены. Под копытами верблюдов — белый песок, мягкий и податливый. Кое-где растет верблюжья колючка. Подъем на каждую дюну отнимает много времени. Караван замедляется. Один из погонщиков сходит с ума. Ксатмек перерезает ему горло ножом и сцедивает кровь в бурдюк.

Я впервые сам совершаю Переход. Начинаю подозревать, что заблудился между мирами. Чувствую как воняет мое немывтое тело, болит копчик, плавятся от жафы мозги. От белизны барханов начинаю слепнуть.

Горная гряда Чапультепек возникает на горизонте так неожиданно, что я принимаю ее за мираж. Когда понимаю, что это реальность, и мы почти дошли, нас окружают Дети Самума.

Их две дюжины. В черных бурнусах, перепоясанных пулеметными лентами. Верхом на лошадях и в двух джипах. Ксатмек достает нож и ощеривает красные зубы. Он пил кровь. Дети Самума смеются.

Я поднимаю руки. Спешиваюсь. Отцепляю от седла тяжелый свинцовый ящик, и мы вдвоем с асланцем тащим его к джипам...

АСТААН

До паромной пристани я добрался на лодке, а дальше пошел пешком. Было семь часов вечера, и с парома сходила толпа крестьян с плантаций. Я, в своих старых джинсах и потертой кожанке, с портфелем в руке, легко влился в этот серый поток. Крестьяне, еще недавно пасшие коз в предгорьях Чапультепека, а сегодня вынужденные по двенадцать часов в день возделывать хлопок на плантациях Монсальвата, не обратили на меня никакого внимания.

Когда-то на северном берегу озера Хочимилько была рыбацкая деревушка. Теперь рыба здесь не водилась, и домики на сваях стояли пустые,

мертвые, с темными окнами и прохудившимися крышами. Чтобы убедиться, что за мной не следят, я свернул с понтонного дебаркадера на узенькие мостки и минут пятнадцать блуждал по закоулкам деревушки. Кое-где между домиками еще висели дырявые сети. К сваям были привязаны полузатопленные пироги. От воды пахло гнилью.

На землю я сошел в зарослях тростника, держа портфель над головой и промочив ноги до колен — но зато был абсолютно уверен, что меня никто не видел. Выбравшись из болотистой почвы на асфальт, я зашагал к поселению.

Панельные бараки я обошел стороной и направился по утоптанной тропинке к окраине. Домики тут были глинобитные, некрашенные и небеленные, в загонах паслись ламы, а на огородах асланцы выращивали маис. Светила луна на беззвездном небе, в окнах домов не было ни огонька, и на узкой окраинной улочке было пусто и тихо, и только где-то совсем рядом шелестела сельва, да изредка лаяли собаки...

У нужной мне калитки я помедлил и, еще раз оглядевшись, вошел внутрь. Из собачьей будки донеслось угрожающее рычание, и выбрался, звеня цепью, уродливый пес с обвислой шкурой.

— Тихо, Тескатлипока, — сказал я и вытянул руку. — Это я.

Молосс обнюхал мою ладонь и негромко гавкнул. Тут же отворилась дверь глинобитной хижины, и в дверном проеме показался Ксатмек.

— Сколько здесь? — спросил Ксатмек, раскрыв портфель.

— Четверть миллиона тхебесских фунтов.

Ксатмек поморщился. Руки у него были в ружейном масле, а вороные волосы были схвачены на лбу плетеной тесемкой.

— Я же просил сennaарские доллары, — сказал он.

— Не привередничай. С каких пор Итцкоатль не принимает фунты?

Ксатмек захлопнул портфель и поставил его на стол. На столе лежал разобранный штурмгевер и два рожковых магазина.

— Вчера сожгли Теспайокану, — сказал он. — Звено драконов выжгло плантации хлопка вместе с крестьянами. Клан Патекаля планирует рейд возмездия на Ареймех. Итцкоатль обещал помочь ему людьми и оружием. Нам нужны доллары, что купить еще «стингеры», Раххаль!

— Во-первых, — сказал я назидательно, — не зови меня так. Во-вторых, в Теспайокане никогда не выращивали хлопок, а только коку и пейотль. И Патекаль — обычный наркоделец, а вовсе не друг революции и Итцкоатля. А в-третьих — и не перебивай меня, Ксатмек! — Ареймех — это главная опорная база рыцарей Монсальвата в горах, и там не одно звено драконов, а целый улей, с королевой и кладкой. От того, что вы собьете «стингерами» двух-трех драконов и погубите полсотни бойцов, ситуация в Теспайокане не изменится...

Ксатмек отрицательно покачал головой.

— Ты чужак, Раххаль. Ты всегда будешь чужим в нашем мире, да и в

любом другом тоже... Тебе не понять нашей борьбы. Каждый сбитый дракон, каждый уничтоженный рыцарь или инквизитор — это еще один вклад в победу повстанческой армии Итцкоатля!

Мне оставалось только горько усмехнуться. Я все время забывал, что Ксатмеку семнадцать лет...

— Кстати, о борьбе, — сказал я. — Ты подобрал кандидата?

Две недели назад возглавляемая Ксатмеком ячейка армии Итцкоатля провела дерзкий и молниеносный налет на каторгу в Кулуакане. Главным героем налета был пес породы молосс по кличке Тескатлипока, загрызший трех своих собратьев, верно служивших Монсальвату. Ксатмек и его бойцы через подкоп пробрались за колючую проволоку, вырезали охрану на вышках и проникли в бараки. Тревогу поднял отец-исповедник, принимавший в бараке последнее причастие у недавно крестившегося каннибала. Священника убили ножом, а потом под прикрытием автоматного огня из штурмгверов погнали толпу каторжников в сельву.

В результате массового побега с каторги удалось вырваться более чем двумстам повстанцам Итцкоатля, из которых Ксатмеку поручено было выбрать тронх, от силы четверых кандидатов для проведения акции по устранению Верховного инквизитора Астлана дона Хесуса де Сумарраги...

Ксатмек откинул в сторону циновку и отворил люк в погреб. Вниз вела крутая каменная лестница. В погребе было тесно. Я едва не задевал макушкой за мокрый, весь в капельках влаги, потолок. Через отдушину в стене тянуло запахами болота.

— Вот они, — сказал Ксатмек и поднял повыше потайной фонарь.

Ближе всех сидели два тощих индейца в белых полотняных рубахах. Смуглая кожа, черные волосы и фанатично горящие глаза делали их похожими на Ксатмека.

— Настоящие бойцы, — сказал Ксатмек по-ирамски. — Дрались в Чапультепеке, попали в плен. Преданы идее борьбы, ненавидят оккупантов, готовы возложить свои жизни на алтарь победы.

Другими словами, слишком тупы для такой деликатной работы.

— Дальше, — сказал я.

Пожилой мужик с огромными, как грабли, ладонями, и уродливым шрамом через все лицо. Он сидел спокойно, как скала, сложив ручищи на коленях и шуря от света глаза, похожие на морскую гальку: твердые и холодные.

— Палач клана Патекатля, — прокомментировал Ксатмек на том же ирамском. — Профессионал. Убил больше сорока человек. Принимал участие в дележе плантаций в Теспайокане. Готов работать только за деньги.

Последние бои между наркодельцами в Теспайокане закончились

полной победой клана Патекаатля двадцать лет назад. Палач был слишком старый, слишком выработанный.

— А там кто? — спросил я, указав на сгорбленный силуэт в глубине погребя.

— А, этот... — скривился Ксатмек. — Уголовник. Был рабом на галерах, бежал, попался, бит кнутом и сослан в Кулуакан. Нам не подойдет.

Я отобрал у Ксатмека фонарь и направил луч на уголовника. Сначала я даже его не узнал: обритая голова и нижняя половина лица были покрыты короткой, как лишай, щетиной, вместо одежды на нем было рваное пончо, из-под которого виднелась исполованная спина, и мало что оставалось от прежнего смазливового красавчика в этом беглом каторжнике — если не считать несломимой спеси тортугского пирата в пронзительно-голубых глазах.

— Привет, Идальго, — сказал я. — У меня есть для тебя работа.

Все утро я провел в офисе на улице Тюльпанов, подготавливая на подпись дону Сумарраге план распределения гуманитарной помощи. Потом поехал к таможенным брокерам, где отдал им два пакета документов: по первому, груз «стингеров» из Сеннаара поставлялся через посредническую ирамскую контору в Мегтидо, а по второму — партия консервов аналогичного веса направлялась в качестве гуманитарной помощи для благотворительной миссии Тифарета в Астлане. «Стингеры» выйдут из Ирама как коммерческий груз, а попадут в Астлан — как гуманитарный, после чего будут куплены Ксатмеком за четверть миллиона тхебесских фунтов у подставного дилера.

Схема была проста до гениальности: тхебесская разведка «Дхути» передавала через меня огромные суммы наличности для поддержки повстанческой армии Итцкоатля, а я, благодаря торговому дому «Хастур и сыновья», перекачивал десять процентов себе в карман, впрочем, не особенно торопясь перечислять остальные девяносто братьям Халиду и Малику. Были у меня определенные прогнозы касательно будущего всего Ирама и Хастуридов в частности...

От брокеров я поехал в свой любимый ресторанчик на бульваре Орхидей, где обычно обедал за столиком в углу открытой террасы. Сегодня я выбрал порцию рулетов-энчиладос с красным перцем и гуакамолем, лепешки-кейсадильос с авокадо в сальсе, а на сладкое — крошечные пирожки эмпанадиты, и распил полбутылки темно-красного, чуть терпковатого карменера.

Перила террасы были обвиты диким виноградом, столики покрыты белоснежными скатертями, а из зала ресторана доносилась негромкая гитарная мелодия. По бульвару Орхидей прохаживались мулаточки, не слишком обремененные одеждой, священники, превратившие в своих черных сутанах, рыцари Монсальвата в начищенных кирасах, носильщики в широкополых сомбреро, лоточники, продававшие буррито и апельсиновый сок со льдом, мальчишки со

щетками для обуви, готовые навести глянец на сапоги благородных донов всего за пару медяков... Даже не верилось, что через час, когда солнце поднимется в зенит и выпалит с улиц Астлана последние остатки утренней свежести, бульвар полностью опустеет, и тогда наступит священное время сиесты.

Я заказал чашечку горячего шоколада со специями и принялся раскуривать тонкую панателлу, когда мой обед был безнадежно испорчен появлением Ипусета.

— Здравствуйте, дон Ботадеус, — сказал он, без приглашения присаживаясь на плетеный стул.

Пресс-атташе посольства Тхебеса в Астлане был плюгавеньким, подловатым и туповатым человечком с глазками навывкате и заискивающим голоском. Это, однако, не мешало ему быть резидентом «Дхути» и главным источником денег для армии Итцкоатля.

— И вам того же, Ипусет, — сказал я и выдохнул ему в лицо облако ароматного дыма.

У шпиона заслезились глаза, и он судорожно закашлялся, умудряясь при этом сохранять подобострастную улыбочку.

— Как продвигаются дела у миссии Тифарета? Надеюсь, жертвоприношения благородных людей достигают своей цели, и крестьяне Теспайоканы будут спасены от голодной смерти?

— Я доставил деньги, если вас это интересует, — поморщившись, сказал я.

— Отрадно слышать, — сказал тхебессец. — Я знал, что могу на вас рассчитывать.

Когда этот ублюдок начинал меня вербовать (не могу сказать, что я слишком усложнял ему задачу), он нес какую-то чепуху о том, что народ Тхебеса стремится помочь революционному движению Астлана освободиться от оккупантов из Монсальвата... После вчерашнего разговора с Ксатмеком у меня родилось подозрение, что «Дхути» главным образом поддерживала клан Патекаля и защищала свои каналы поставки кокаина в Сеннаар через Тхебес, а повстанцы Итцкоатля выступали тут в роли разменной монеты.

— А что насчет нашей... гм... маленькой акции? — спросил Ипусет.

— Через неделю, — сказал я, — в Теокалли состоится аутодафе. Верховный жрец Тлалок вырежет сердца десяти еретикам и повстанцам. Среди приглашенных Сумаррага, представители дипломатических и гуманитарных миссий. Вы, кстати, тоже.

— А исполнитель?

— Упражняется в стрельбе из сарбакана.

— Замечательно, — кивнул Ипусет. — Тогда до встречи на аутодафе, дон Ботадеус...

В день аутодафе на улицах Астлана было многолюдно. Мой паланкин попал в пробку на углу проспекта Пеонов и улицы Хризантем: дорогу нам

пересекало похоронное шествие, с катафалком, оркестром, толпой наемных плакальщиков и огромными скелетами из папье-маше, которых несли родственники умершего. Шествие продвигалось так неторопливо, что мои носильщики опустили паланкин на землю и закурили, а я начал нервно поглядывать на часы. Операция, которую я готовил почти месяц, была рассчитана буквально по минутам, и будет обидно, если она сорвется из-за такой нелепой случайности...

Я прибыл к подножию ступенчатой пирамиды Теокалли с опозданием на десять минут. Фробишер уже ждал.

— Опоздываете, дон Ботадеус, — сказал он, сложив ладони перед грудью и приветствуя меня поклоном.

Чтобы его выскобленная до блеска голова не слишком бросалась в глаза, Идальго вырядился в бордовый саронг и шафранно-желтую рясу, выдавая себя за монаха из Шангри-Ла.

— Знаю, — сказал я. — Пойдем...

В каждой из четырех лестниц, ведущих на вершину Теокалли, было по триста шестьдесят пять ступеней. На каждой тридцатой была устроена небольшая площадка, где стояли рыцари Монсальвата в парадной белой форме с красными крестами на груди и со штурмгеверами наперевес, и лежали, разморенные на солнце, бурые туши молоссов, обманчиво аморфные и неподвижные.

— Тлалок уже наверху, — сказал Идальго, пока мы поднимались по лестнице. — Большинство гостей тоже. Сумаррага еще не прибыл.

— Держи, — я незаметно протянул ему кожаный портсигар. Вместо моих любимых панателл внутри было четыре дротика, смазанных кураре. Идальго настаивал на выжимке из семян клещевины (рицин убивает через неделю), но мне нужен был мгновенный эффект. — Где сарбакан?

Идальго приподнял и крутанул молитвенный барабан.

— Постарайся сесть так, чтобы попасть в затылок, — сказал я. — Когда начнется паника, уходи через южную лестницу, к озеру. Там будет ждать каноэ.

— Я помню, — сказал Идальго.

Перед последним пролетом лестницы рыцари Монсальвата заставляли всех гостей проходить через рамку металлодетектора. Идальго прошел легко, сарбакан и дротики были из бамбука, а вот я зазвенел. Пока я выгребал из карманов всю мелочь, ключи и зажигалку, младшие жрецы на вершине Теокалли начали ритмично бить в барабаны. До начала церемонии оставались считанные минуты...

Еретики были привязаны к девяти каменным столбам вокруг алтаря. Барельефы на столбах изображали уродливых местных божков. Верховный жрец Тлалок, такой же маленький уродец в головном уборе из перьев фламинго, прыгал вокруг алтаря и в такт барабанному бою выкрикивал мантры, вводя себя в ритуальный экстаз и перескакивая

через колодец для стока крови. Еретики, одурманенные пейотлем, не реагировали.

Верховный инквизитор Астлана дон Хесус де Сумаррага опаздывал. Его роскошная галера причалила к пристани у основания южной лестницы Теокалли, уходившей прямо в озеро Чалько, и объемная, как цепелин, туша инквизитора неторопливо взбиралась по ступеням пирамиды.

Гости рассаживались на специально сооруженных трибунах по углам площадки. Ложа для священнослужителей была убрана малиновым бархатом. Я сидел напротив, на простой деревянной скамейке, а прямо позади бадахина Сумарраги среди белых мантий и черных сутан виднелась желтая ряса Идальго.

— Здравствуйте, дон Ботадеус, — прошептал мне в ухо Ипусет.

Я обернулся. Пресс-атташе сидел у меня за спиной и рассеяно глядел по сторонам.

— Какого черта, Ипусет?! — прошипел я. — Хотите сорвать мне операцию?

— Операции не будет, Ботадеус, — сказал Ипусет, по-прежнему избегая моего взгляда. — Все отменяется.

Я набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Конъюнктура момента, — сказал Ипусет. — Сумаррага нам нужен живым.

От боя барабанов у меня вдруг заболела голова; казалось, что маленький уродец Тлалок прыгает прямо в моем черепе.

— Вы меня слышите, Ботадеус? — спросил Ипусет. — Отзовите своего исполнителя!

— Не могу, — сказал я, тупо глядя перед собой.

Отсюда, с вершины Теокалли, самого высокого сооружения в Астлане, были видны зеленое море сельвы и тонкая полоска горной гряды Чапультепек на горизонте. Где-то там, в узком ущелье сидели Ксатмек со своими бойцами, ожидая условленного часа. Когда Сумаррагу убьют, гарнизон Ареймеха поднимется по тревоге, и рыцарей Монсальвата вместе с драконами перебросят в город, а Ксатмек поведет своих мальчишек на штурм крепости, и захватит улей вместе с королевой и кладкой. Но если покушение не состоится...

— Прежде чем сесть в ложу, Сумаррага обойдет всех гостей, — прошептал Ипусет. — И он обязательно захочет пожать руку такому видному филантропу, как дон Ботадеус из миссии Тифарета. Просто предупредите его, а рыцари Монсальвата сделают остальное.

Страдающая ожирением и одышкой туша дона Хесуса де Сумарраги, облаченная в пурпурную мантию и увенчанная пурпурной же ермолкой, достигла, наконец, вершины Теокалли и оказалась на площадке для аутодафе. Как будто услышав слова Ипусета, инквизитор начал обходить трибуны и здороваться с гостями.

— В Астлане очень логичные законы, Ботадеус, — сказал Ипусет и показал

на связанных еретиков. — Если в сердце человека нет веры в богов, ему вырежут сердце. Если человек поднимет руку на Верховного инквизитора, ему отрубят руку. А вот если человек замыслит и спланирует покушение... Сами понимаете.

— Понимаю, — сказал я, но Ипусета у меня за спиной уже не было.

...Не то, что бы мне было жалко Идальго: тортуский пират знал правила игры не хуже меня — каждый странник в чужом мире должен быть сам за себя. А вот Ксатмек... мальчишка погибнет по-дурацки, как и мечтал — в неравном бою за свободу Астлана...

Когда дон Сумаррага подошел к нашей трибуне, его лоб украшали бисеринки пота, а тонкие губы брезгливо кривились. Глаза его были похожи на колодцы для стока крови.

— Дон Ботадеус из благотворительной миссии Тифарета, — подсказали Верховному инквизитору, и Сумаррага пробурчал что-то невразумительное, протягивая мне пухлую, усыпанную перстнями руку.

Я крепко сжал эту безвольную ладонь и, заглянув в бездонные колодцы глаз, негромко сказал:

— Вас хотят убить.

По моим расчетам, у меня было часа полтора, от силы — два. Инквизиция умеет быстро развязывать языки. И если пытки Фробишер еще выдержит, то пейотль...

Я отпустил извозчика за квартал от своего бунгало, и остаток расстояния преодолел бегом, прячась в кустах сирени. Свет горел только в одном окошке первого этажа — в комнате прислуги. Моя кухарка Марина по вечерам занималась вязанием.

Я перемахнул через ворота и, обогнув фонтан, подкрался к двери. Стоило мне вытащить ключи, как перед моим лицом открылось зарешеченное окошко, и на меня уставился ствол дробовика.

— Спокойно, Псаметтих, это я! Открывай...

Дробовик исчез, и мой тхебесский дворецкий, невозмутимый, как набальзамированная мумия, отворил дверь бунгало.

— Свет не зажигай, — сказал я. — Иди спать. И Марине скажи, понял?

Я буквально взлетел по лестнице, пересек коридор и ворвался в кабинет. Первым делом — сорвать галстук и сбросить пиджак. Теперь бар. Глоток текилы (прямо из горлышка, нет времени на возню с лимоном и солью) обжег горло и жидким огнем разлился по груди. А сейчас успокоиться и спланировать уход.

Телефон на столе тихонько тренькнул. Я поставил бутылку и аккуратно снял трубку.

— ...вечер, господин Ипусет. Это Псаметтих. Он только что...

Сволочь. А я дурак. Надо было догадаться.

Времени было в обрез. В сейфе лежали мой старый поддельный паспорт на имя Ботадеуса, два миллиона тхебесских фунтов наличными, две тысячи сеннаарских долларов в дорожных чеках, платиновая сеннаарская

кредитка и новенький, абсолютно настоящий желтый паспорт на имя Иосифа Лакедема, гражданина Тхебеса, с погашенной визой в Астлан (переклеить фотографию в тхебесском паспорте — дело настолько пустяковое, что я проделал это собственноручно за пять минут, вспомнив уроки Лайлы по обращению со скальпелем и клеем). Еще там были старые расписки Ксатмека, договора с торговым домом «Хастур и сыновья» и билет на пароход «Дромос», отплывающий с озера Тескоко по Великой Реке в Тимбукту.

Я открыл шкаф, достал и надел кожанку, потом вытащил потрепанный (еще с Гиннома) армейский рюкзак, сгреб туда все деньги и смахнул со стола коробку с сигарами. Рассовал по карманам кожанки тхебесский паспорт, билет на пароход, кредитку и дорожные чеки. Все остальное свалил в пепельницу и крутанул колесико зажигалки.

Когда на паспорте Ботадеуса неохотно вспучился ламинат и начали заниматься страницы, с улицы донеслось лошадиное ржание и — чуть погодя — собачий лай. В неверном свете маленького костра я метнулся к окну, выходящему во двор, и дернул ставни. Их заклинило.

Грохнула входная дверь, и по лестнице затопали подкованные железом сапоги. Я схватил стул и попытался выломать ножку. Безуспешно. Ну почему я хранил дробовик внизу, а не в кабинете?!

— Открывайте! — В дверь два раза ударили кулаком, а потом, похоже, ногой. Негромко рявкнул молосс.

Я с размаху обрушил тяжелый стул на ставни. Они разлетелись в щепки; брызнули осколки оконного стекла. В этот момент за дверью треснула выстрел, слишком сухой и отрывистый для автоматного. Потом еще один. Заскулил молосс. И еще один. Скулеж оборвался.

Замок двери щелкнул, и в кабинет вошел Ксатмек с вымазанным сажей лицом. В руке он держал длиннотвольный маузер. Из ствола поднимался дымок.

— Быстрее, Раххаль, — сказал он и указал маузером на разбитое окно.

Я повернулся к окну и потерял дар речи. В патио, где я по утрам завтракал, пил кофе и читал газету в тени раскидистого каштана, сидел, сложив крылья, бойцовский дракон императорской породы.

ПЕРЕХОД

От дракона пахнет ветром и пряностями. Под шелковистой чешуйчатой кожей перекачиваются крепкие мускулы. Кожистые крылья взмахивают совершенно беззвучно, отталкиваясь от плотного и горячего воздуха астланской сельвы. Деревья внизу кажутся темно-синими в вечерних сумерках.

Дракон поворачивает голову и косит на меня желтым глазом. Ксатмек тянет за уздечку (на упряжи и седлах — кресты Монсальвата), и дракон начинает набирать высоту. Небо затянуто мрачными, набувшими тропическим ливнем

тучами. В тучах потрескивают молнии. Волосы на моей голове начинают шевелиться и искрить.

Ксатмек хлопает меня по плечу и протягивает мне защитные очки-консервы на кожаном ремешке. Значит, скоро мы попадем в Небесный Эфир.

Сквозь грозовой фронт мы проходим, как через парилку. Ксатмек и я промокли до нитки, влажно блестят драконьи крылья. Где-то рядом рокочет гром, проблески молний мертвенно белы. Пару мозучих взмахов — и мы над облаками...

Солнце висит в прозрачном голубом небе, окрашивая перистые верхушки облаков в нежно-лиловый цвет. Дракон выгибает шею и длинным вибрирующим свистом приветствует солнце. Ксатмек дрожит, меня охватывает эйфория. Хочется кричать.

Теперь я понимаю Фуада. Ничто не в силах сравниться с чувством полной, всепоглощающей свободы, дарованной летящему дракону. Впервые за долгое время я чувствую себя свободным, не скованным никакими рамками и ограничениями; чувствую себя живым.

Дракон вытягивается в струну, складывает крылья и резко пикирует вниз.

ТХЕБЕС

После полуночи в «Кенотафе» начиналось самое интересное: из-за введенного фараоном Сиптахом комендантского часа большинство случайных посетителей растворялось в ночной мгле, и оставались только завсегдатаи, которым плевать было и на комендантский час, и на патрули «Мастабы», и на самого фараона Сиптаха.

Когда часы на башне аэропорта пробили двенадцать, я одернул манжеты рубашки, поправил запонки и отряхнул несуществующую пылинку с лацканов белого смокинга. Пора было обходить свои владения.

Первым делом я спустился в игорный зал. Азартные игры на деньги в Тхебесе были официально запрещены, но по средам и субботам здесь играл сам полковник Метемфос, и потому облава мне грозила только в случае его крупного проигрыша. Сегодня была среда, и Метемфос играл в рулетку. Я остановился у ломберного столика и немного понаблюдал за его игрой.

Судя по скромной горке фишек, полковник играл по-маленькому, проигрывал, из-за чего нервничал и курил черные вонючие сигарки. Я вытащил свой золотой портсигар, постучал по нему папиросой и кивнул крупье. Тот еле заметно кивнул мне в ответ и с жужжанием запустил шарик по кругу. Закурив, я со спокойной душой направился в ресторан — полоса удачи на этот вечер Метемфосу была гарантирована...

В ресторане было многолюдно и шумно. Иоахим Гинденбург, мой бухгалтер, в недавнем прошлом — профессор математики, сидел в своем углу за конторкой и сосредоточенно накручивал ручку арифмометра.

— Как там наши прибыли? — спросил я.

Иоахим вздрогнул и испуганно заозирался. Взгляд у него был

затравленный. Еще у него была стерва-жена, которой он боялся, трое детей, которых он обожал, мизерная пенсия, которую ему задерживали, и небольшой животик, которого он стеснялся.

— Слава богам, слава богам, — пробормотал он.

— Иоахим, если бы я не знал, что вы исключительно порядочный человек, я бы решил, что вы в конец проворовались. Почему у вас всегда такой испуганный и виноватый вид?

Иоахим смущенно улыбнулся и пожал плечами.

— Знаете, господин Лакедем, я ведь всю жизнь имел дело с цифрами, и почти никогда — с деньгами. В мои годы тяжело меняться...

— Способность изменяться — единственное, что делает нас живыми, — сказал я. — В тот день, когда я перестану изменяться, я умру.

— Вам легко говорить, господин Лакедем, — с укором в голосе сказал Иоахим. — Вы будто всю жизнь управляли ночным клубом. А я старый профессор, моя жизнь не слишком-то изобиловала переменами...

— Ничего, старина, — похлопал его по плечу я. — У вас славно получается. Главное, следите, чтобы у Метемфоса не закончился кредит... Между прочим, а кто у нас сегодня поет?

Иоахим вдруг покраснел.

— Новенькая, — сообщил он, протирая пенсне. — Очень, очень талантливая девушка...

Ровно в половину первого, с началом шоу-программы, свет в зале начал меркнуть. Джазовый оркестр Унута Джебути — краса и гордость «Кенотафа», выстроился вокруг сцены. Разговоры за столиками постепенно смолкли, и вместе с темнотой зал ресторана погрузился в тишину. Кто-то нервно хихикнул, звякнуло стекло, и слышно было, как жужжит рулетка в игорном зале. Блестки на смокингах музыкантов перемигивались в полумраке, и тускло мерцала начищенная медь духовых инструментов.

Запуршал тяжелый занавес. Громко щелкнул и загудел прожектор, очертив ослепительно белый круг возле микрофонной стойки. Певица, черный силуэт на границе света и тьмы, помедлила немного, а потомступила вперед.

Я сразу узнал ее — это была Сунильда.

Серебристую тупую цепелина «Наутилус» удерживали на месте толстые швартовочные тросы, похожие с такого расстояния на нити паутины. Возле кабины, прилепившейся к брюху цепелина, суетились люди, смахивающие на муравьев, и сновали автоматические тележки с багажом.

— Он летит в Тартесс, — сказала Сунильда. — Завтра утром.

Летное поле Хатшепсут было мокрым после дождя. Из окна своего кабинета я видел башню аэропорта с полосатым флюгером на флагштоке, цепочку огней на взлетно-посадочной полосе, массивный четырехмоторный «Геркулес», выруливающий к терминалу, оранжевые цистерны

заправщиков, клювы трапов, автобусы для пассажиров и горбатые спины ангаров на горизонте.

Здание «Кенотафа» отделяли от аэродрома триста метров пустыря, поросшего сорняками, да сетчатый забор с витками колючей проволоки по верху...

— Есть два типа закрытых миров, — сказала Сунильд. — Нифльхейм — как совсем недавно и Тхебес — относится к первому типу: это мир, из которого невозможно вырваться. Там есть Чертог, здесь была «Мастаба»... названия меняются, суть остается прежней. Рожденный в Нифльхейме обречен умереть там же... Я была готова на все, чтобы вырваться оттуда. Я не могла там больше оставаться.

Я закрыл жалюзи и отвернулся от окна.

— Ты достигла того, чего хотела, — сказал я.

— Да, — сказала Сунильд. — Достигла. Я много путешествовала. Пока не узнала, что бывают закрытые миры совсем иного рода. Как Тартесс.

Плеснув в стакан тортутского рома, я выпил залпом и присел на край стола.

— Любой гражданин Тартесса волен покинуть его по собственному желанию. Это не проблема. Но вот попасть туда... Даже для тех, у кого есть тартесский паспорт, это практически невозможно — без санкции инквизитора Монсальвата или далай-ламы Шангри-Ла... А они тщательно следят за тем, чтобы Тартесс оставался недосягаемым для бродяг вроде меня или тебя.

— Зачем ты нашла меня? — перебил я ее.

— У тебя есть иммиграционная виза в Тартесс, подписанная инквизитором Монсальвата, — сказала она.

— Допустим. Откуда тебе это известно?

Ее улыбка была грустной и чуточку снисходительной.

— Разве это важно? — спросила она.

— Ладно, — сказал я. — Я спрошу по-другому. Что тебе нужно от меня?

Сунильд замолчала, глядя на меня своими зелеными глазами.

— Возьми меня с собой, — сказала она. — Возьми меня в Тартесс.

Заведение с мрачным названием «Кенотаф» я приобрел три месяца назад за полтора миллиона тхебесских фунтов. Это оказалось неплохим вложением капитала, если учесть, что уже неделю спустя за миллион фунтов нельзя было купить даже блока контрабандных астланских сигарет. Инфляция в Тхебесе была чудовищная... Очнувшись от тысячелетней комы, когда миром управляла каста жрецов-геронтократов, и оказавшись под властью молодого и энергичного дурака, Тхебес начал разваливаться на части прямо на глазах.

Фараон-реформатор Сиптах открыл границы Тхебеса и установил дипломатические отношения с Сеннааром и Монсальватом. Он отменил рабство. Он привлек инвестиции и начал индустриальную революцию... В результате северные номы Тхебеса были по

бросовым ценам скуплены сennaарскими корпорациями, а южные, расположенные в дельте Великой Реки и всегда жившие земледелием, заявили о своей независимости и неподчинении власти фараона. Сепаратистов возглавил верховный жрец Нектанеб Второй...

Предчувствие гражданской войны было таким отчетливым, что в «Кенотаф» хлынули журналисты из Сennaара и Амаравати; вместе с журналистами объявились и вербовщики Безымянного Легиона. Ну, а следом подтянулась и местная шушера: переводчики, информаторы, проститутки, сутенеры, гиды, контрабандисты, фарцовщики, жулики, шпионы из «Дхути» и стукачи из «Мастабы»... и в огромном количестве — простые желающие удрать из Тхебеса до начала войны.

Это был звездный час «Кенотафа»: мир катился в пропасть, люди прожигали жизнь за игорными столами и глушили тоску своей обреченности импортной выпивкой, а деньги текли рекой в мои карманы. Люди Ипусета продолжали рьяно меня разыскивать. Все могло рухнуть в любой момент, что придавало происходящему некий пикантный привкус.

Управлять делами «Кенотафа» я собирался до тех пор, пока мне не представится шанс чисто выйти из игры; и похоже было, что именно такой шанс дала мне Сунильда.

Мы договорились встретиться с ней в четыре утра на набережной: она должна была принести деньги за визу. Когда Сунильда ушла, я вытащил из шкафа томик «Одиссеи» в матерчатом переплете, выпущенный в свет издательством «Керикейон» при Тартесском университете; между страниц был спрятан конверт со сломанной сургучовой печатью инквизиции Монсальвата и мой тхебесский паспорт.

Надев поверх белого смокинга потертую кожаную куртку, я спустился вниз сразу после закрытия. В ресторане было пусто. Стулья были подняты на столы, а Иоахим перекочевал из-за конторки к стойке бара и мелкими глотками потягивал херес, слушая радио.

— ...массовые акции протеста пройдут на площади Пятой Династии у здания тайной полиции «Мастаба», — с легким сennaарским акцентом излагал радиоприемник. — Полковник Метемфос заявил, что он не может гарантировать благополучного исхода ситуации. Также сохраняется напряженная обстановка в южных нomaх страны...

— Страшно жить, — покачал головой Иоахим. — Страшно жить на свете, господин Лакедем!

— Иоахим, дружище, сохраните это для меня, — сказал я, протягивая ему конверт и паспорт. — Завтра мне это может понадобиться.

— Конечно, господин Лакедем, о чем речь... — заволновался Иоахим. — Вы можете на меня рассчитывать!

— Я знаю, — сказал я.

Через кухню я вышел на задний дворик «Кенотафа». На улице было холодно и сыро; кирпичные стены покрывала жирная копоть. От лампочки под жестяным конусом струился блеклый желтый свет. Я спустился с крыльца, прошел мимо припаркованных машин в дальний конец двора и присел на корточки за мусорными баками. Там был ржавый канализационный люк.

Мне пришлось упереться коленом в землю, испачкав парадные брюки, и потянуть обеими руками, чтобы откинуть ржавую крышку. В лицо пахло теплой и липкой вонью. В коллекторе был спрятан длинный и тяжелый брезентовый тюк.

Вернувшись к своей машине, я погрузил тюк в багажник, а сам сел за руль и включил зажигание. Пока прогревался мотор, я закурил.

Вдалеке, за сетчатым забором Хатшепсута, шел на разгон «Геркулес». Его темно-серый силуэт набирал скорость на взлетной полосе, мчался прямо на «Кенотаф». Четыре огромных пропеллера превратились в размытые радужные кольца. С каждой секундкой самолет неумолимо приближался. Казалось, еще чуть-чуть, и он проломит хлипкую ограду и врежется в «Кенотаф»...

На всякий случай я проверил бардачок — там лежало удостоверение на имя Ахашвероша, корреспондента сеннаарской телекомпании «Упарсин», с подписанной Метемфосом аккредитацией и правом нарушать комендантский час по служебной необходимости. С этой запаянной в пластик карточкой патрули «Мастабы» были мне не страшны... Я загасил папиросу, включил передачу и тронулся с места.

Когда я вызжал с парковки, «Геркулес» все-таки оторвался от земли и стремительно пронесся над «Кенотафом», утопив все вокруг в реве своих двигателей.

Напротив конторы Ксатмека находился вербовочный пункт Безымянного Легиона. На бронированной двери висел плакат: легионер в белом шелковом шарфе и с фаустпатроном на плече, на фоне пылающей горы Мегтидо гневно призывал: «Оставь прошлое в прошлом!», попирая ногой черепа поверженных врагов. Дверь конторы Ксатмека была украшена скромнее: над табличкой «Туристическое агентство «Пернатый змей» был нарисован символ армии Итцкоатля, парящий над пирамидами Астлана.

Я постучал, и дверь мне открыл громадный негр с переломанным носом и расплюснутыми ушами. В одном ухе у него было четыре когтя леопарда, что в Тимбукту означает, что перед вами человек достаточно отчаянный, чтобы иметь четырех жен. Негра звали Усанга Синда Догбе Тамбекай; в недавнем прошлом профессиональный боксер в Амаравати и вышибала в Сеннааре, он тихо спивался в Тхебесе, пока Ксатмек не нанял его водителем автобуса.

— Добрый вечер, бвана, — белозубо ухмыльнулся Усанга при виде моего смокинга и бабочки. — Бизнес идет хорошо?

— Как всегда, — рассеяно сказал я, протаскивая брезентовый тюк через узкий дверной проем. — Шеф на месте?

— У себя...

В кабинет Ксатмека можно было попасть только через приемную. Несмотря на поздний час, посетителей здесь хватало: три сильно накрашенные девицы в чулках-сеточках, чей род занятий не вызывал сомнений, пожилая подслеповатая женщина — видимо, ткачиха, семейная пара с грудным ребенком, две кряжистые бабы, промышляющие челночной торговлей, молодой паренек, штудирующий тхебесско-сеннаарский разговорник, подозрительный тип в черном берете, выдававшим в нем беглого диссидента, и пара крепкого вида мужиков, грузчиков или строителей... Этот типовой набор нелегальных эмигрантов в Сеннаар безропотно пропустил нас без очереди.

Ксатмек сидел за столом и, тихо матерясь по-астлански, выстукивал что-то одним пальцем на допотопном «ундервуде». Рядом с «ундервудом» лежала стопка желтых тхебесских паспортов.

— К вам гость, бвана, — прогудел Усанга.

— Если я испорчу еще один бланк, — сказал Ксатмек, не отрываясь от машинки, — я вырежу тебе печень, Усанга, и съем на завтрак.

Усанга предпочел молча ретироваться, тихонько притворив за собой дверь.

— Сколько их осталось? — спросил я.

Ксатмек поднял глаза.

— А, это ты, Раххаль...

— Сколько у тебя осталось бланков? — повторил я.

— Мало, — скривившись, сказал он. — Скоро надо будет закрывать лавочку.

Я стянул с плеча ремень и опустил тюк на пол. Растегнув куртку и ослабив узел бабочки, я сказал:

— Согласен... Мне понадобится твоя помощь, Ксатмек.

— Что это? — спросил он, указывая на тюк.

— Можешь посмотреть. — Я ногой подтолкнул тюк к нему.

Со скептической ухмылкой Ксатмек встал, обошел стол и присел над тюком. Сверкнул неведь откуда появившийся нож, затрещал распарываемый брезент, и лицо астанца вдруг осветилось по-детски искренней улыбкой, а ладонь ласково погладила зеленую трубу «стингера».

— Это оттуда? — с ностальгией в голосе спросил он.

— Да, — кивнул я. И повторил: — Мне понадобится твоя помощь, Ксатмек. Причем дважды...

Великая Река разрезает Тхебес на две приблизительно равные половины. Южный, или Старый Тхебес — это сложенный из гигантских талататов дворец фараона, девятивратный храмовый комплекс с гипостильным залом, помпезно-монументальные особняки жрецов с пилонами у входов, овноголовые сфинксы, колоссы фараонов Пятой Династии и зловещая пирамида «Мастабы». На северном берегу Реки тянутся серые кварталы панельных многоэтажек, фабричные корпуса с толевыми крышами и бесконечная

вереница заводских труб, дым и сажа из которых образуют ядовитую взвесь над городом, которая по ночам оседает вместе с туманом и испарениями Великой Реки на гранитные плиты набережной холодной липкой слизью...

Было около пяти; Фаюмский мост развели, и под двумя вздыбленными пролетами этого циклопического сооружения в полном безмолвии проплывал пароход «Дромос». Иллюминация на нем была поташена, и огромные гребные колеса вращались на самом малом ходу, неохотно тревожа густые зеленые воды Великой Реки. С берега этого не было видно, но я знал, что все четыре палубы «Дромоса» битком забиты нелегальными эмигрантами: конкуренты Ксатмека подсаживали их с моторных лодок в дельте Великой реки, и теперь несколько тысяч тхебессцев, сбившись в кучки и кутаясь в одеяла, чтобы уберечься от ночного холода, уплывали навстречу лучшей доле в Тимбукту, Каэр-Исе или Ангкор Шане...

— Им все равно, куда плыть, — сказала Сунильда, словно прочитав мои мысли. — Главное — убежать отсюда. Вываться из клетки.

Я обернулся. Она возникла из густого тумана бесшумно, как призрак из далекого прошлого: стройная фигурка в лихо заломленной шляпке и меховом мантио из нифльхеймского барса.

— Назначать встречи у реки входит у тебя в привычку, — сказал я.

— Не волнуйся. Это в последний раз. Ты принес?

— Похоже, мы поменялись репликами... Да, я принес. И взамен не буду просить тебя никого убивать. Мне хватит и пяти тысяч сеннаарских долларов.

— У меня нет таких денег, — сказала Сунильда.

— Нет денег — нет визы, — пожал плечами я.

Она грустно улыбнулась.

— Ты всегда был таким... деловым. Умел зарабатывать деньги. А я умела находить влиятельных друзей.

Порыв холодного ветра с Реки слегка рассеял туман, и на другой стороне улицы я увидел большой черный автомобиль со шторками на окнах. Сунильда поправила мантио, и из машины выбрались двое громил в длинных пальто и широкополых шляпах.

— Да, — сказал я. — Ты всегда умела использовать людей. Этому у тебя можно поучиться.

— На твоём месте, — сказала Сунильда, — я бы не стала оказывать сопротивление.

Громилы приблизились, держа руки в карманах пальто и буравя меня свирепыми взглядами.

— «Мастаба», — процедил один из них. — Вы арестованы.

Я не стал оказывать сопротивление.

— Иосиф Лакедем, двадцать девять лет, гражданин Тхебеса, холост, проживает по адресу: улица Старого Царства, 11. Владелец ночного клуба «Кенотаф»... — Полковник Метемфос зачитывал мое досье монотонным

голосом. На нем был тот же парадный мундир, в котором он играл в рулетку. Золотой галун и аксельбанты поблескивали в свете настольной лампы. — Обвиняется Сунильда ван дер Браан в убийстве ее мужа, Торквилла ван дер Браана, в мире Нифльхейм три года тому назад, — прочитал он. — Что вы на это скажете, господин Лакедем?

— Я никогда не бывал в Нифльхейме, господин полковник.

— Разумеется, господин Лакедем... — радостно улыбнулся Метемфос, встопорчив усики. — А если и бывали, то доказать это практически невозможно. Вы незаурядный человек, Лакедем! Такое впечатление, что вы просто не можете усидеть на одном месте. Меняя миры чаще, чем нормальные люди обновляют гардероб, вы умудряетесь оставлять меньше следов, чем жуки-водоходы. Но один раз вы все же наследили...

Он вытащил из ящика стола коробку сигар и протянул мне:

— Угощайтесь, это асланские. Вы ведь такие предпочитаете, а, дон Ботадеус?

От осознания собственной осведомленности лягушачья физиономия Метемфоса просто лучилась самодовольством. Моя правая рука была пристегнута наручниками к батарее, поэтому я взял сигару левой и спрятал в карман смокинга.

— Мы все про вас знаем, дон Ботадеус, — заявил полковник, встав из-за стола и пройдясь по кабинету. Его хромовые, до блеска надраенные сапоги отчетливо поскрипывали. — Мы знаем, что вы были завербованы «Дхути» в Аслане. Знаем, что налет на Ареймех, центр подготовки диверсионных операций рыцарей Монсальвата — дело ваших рук. Нам также известно, что истинной целью штурма был сейф с документами в кабинете коменданта Ареймеха, а вовсе не улесй драконов, как думали боевики Итцкоатля. В том сейфе, помимо списков агентуры Монсальватской разведки, были пустые визовые бланки — в Сennaар, Тимбукуту, Ральех, Тифарет, Амаравати... даже в Тартесс.

Метемфос сделал паузу, зацепив большие пальцы рук за ремень портупей и глядя на меня сверху вниз.

— «Дхути» до сих пор ищет вас, дон Ботадеус... Ваше счастье, что, благодаря госпоже ван дер Браан, мы нашли вас раньше.

— Почему? — вяло спросил я. Из-за наручников сидеть приходилось у самой батареи, и от жары я весь взмок.

Сняв фуражку, Метемфос промокнул испарину на лбу и протер околыш изнутри не очень чистым носовым платком. Убрав платок в карман галифе, он выудил оттуда маленький ключик.

— Потому что мне наплевать на монсальватских шпионов, — сказал он, отстегивая мои наручники. — Верховный жрец Нектанеб Второй вчера заключил контракт с Безымянным Легионом. Две дивизии панцервагенов Легиона уже на подступах к Тхебесу. Фараоновская гвардия Сиптаха не продержится и дня... Пора сматываться из этого мира, Ботадеус. Куда вы дели тартесскую визу?

— Она у моего бухгалтера, — сказал я, потирая запястье.

— Иоахима Гинденбурга? — переменялся в лице Метемфос. — Черт возьми, Ботадеус, вы совершенно не разбираетесь в людях! Это же он сдал вас Сунильд!

Пожав плечами, я сказал:

— Тогда нам придется поторопиться...

При виде полковничьей формы Метемфоса пограничник вытянулся в струнку и взял под козырек. Метемфос ответил вялым взмахом руки.

— Цеппелин «Наутилус»? — бросил он походя.

— Р-регистрация з-закончена, в-все па-а-ассажиры на борту, — заикаясь, ответил пограничник.

— Как закончена?! — заорал Метемфос. — Список пассажиров, немедленно!

Я вылез из джипа и потерял затылок. После безумной гонки по брусчатке тхебесских улиц меня слегка покачивало. Метемфос водил джип так же азартно, как играл в рулетку.

— Поглядите сюда, — прошипел полковник мне. — Полюбуйтесь на своего преданного бухгалтера!

В конце списка значилось: «Лакедем, Иосиф, с супругой».

— Тхебесские паспорта всегда было легко подделать, — сказал я.

— Задержать рейс! — рявкнул Метемфос.

— Но... но... это не-е-возможно, — проблеял пограничник, с ужасом глядя, как багровеет лицо Метемфоса.

— Почему?!

Утратив интерес к происходящему, я поглядел по сторонам. Было раннее утро, и над летным полем Хатшенпут висел туман. На востоке бледно тлела заря. Сквозь молочно-белую пелену проступали очертания ангаров и помигивающие огоньки взлетно-посадочных полос. Где-то вдалеке, за пустырем, скорее угадывался, чем был виден «Кенотаф».

— А мне наплевать! — орал Метемфос. — Верните его немедленно!

— Слишком поздно, — сказал я.

Серебристый эллипсоид «Наутилуса» проступил из тумана, как изображение на фотопластинке: медленно и беззвучно. Кабина в подбрюшье цеппелина светилась яркой россыпью огней. Дирижабль уверенно набирал высоту.

— Черт возьми, — почти простонал Метемфос. — Все кончено, Ботадеус. Понимаете? Это же конец!

— Напротив, полковник, — сказал я, снимая наконец-то галстук-бабочку. — По-моему, это начало нашего делового партнерства.

Ярко-белая светящаяся полоса расчертила серый войлок утреннего неба. Она началась на крыше «Кенотафа» и уперлась прямо в тушу «Наутилуса». Цеппелин взорвался мгновенно, вспухнув оранжевым шаром с черными прожилками каркасных шпангоутов; наполненная водородом сигара переломилась пополам, рулевые пропеллеры разлетелись в разные стороны по красивым параболам, а потом обаятая

пламенем кабина вместе с грудой пылающих обломков рухнула прямо на летное поле Хатшенсугт.

ПЕРЕХОД

На пограничном пункте Дин-тир мы стоим четыре часа. Сперва ждем, пока у пограничников закончится пересменка; потом из автобуса перед нами долго и нудно выгружают багаж для таможенного досмотра. Я сижу у прохода; слева дремлет в кресле Метемфос, а за окном вяло тянется бесконечная вереница легковушек, навьюченных антикварной мебелью. Среди округлых тхебеских автомобильчиков затесался угловатый грузовик-полупотрка с эмблемой миссии Тифарета на борту. В открытом кузове — два десятка раненых в окровавленных бинтах.

— Мои прогнозы сбываются, — мрачно говорит Метемфос, открыв глаза. — Исход из Тхебеса превратился в паническое бегство.

Автобус медленно трогается с места, дребезжа на раздолбанной тхебесской дороге, и въезжает в павильон Дин-тир. Мимо меня по проходу между сиденьями проходит, покачиваясь, Ксатмек. В руках у него бланк групповой визы и горсть мягких пятидолларовых купюр. Пять долларов с каждого пассажира, чтобы не вынимать сумки из багажника...

— Если не выйдет, Раххаль, — шепчет Ксатмек, — маузер под сиденьем.

С шипением открывается дверь, и в автобус поднимается пограничник в белой фуражке. Он собирает паспорта у тхебесцев. Я толкаю Метемфоса локтем и сажусь прямо. Из-за начавшихся в Тхебесе беспорядков полковник не успел сделать нам паспорт. Придется блефовать.

— Документы, — на ломаном тхебесском требует пограничник.

— Я корреспондент канала «Унарсин» Каин Ахашверош, — отвечаю я по-сеннаарски и протягиваю ему свое удостоверение. — Мой паспорт был конфискован «Мастабой». — Метемфос тихо хрюкает в соседнем кресле. — Меня арестовали за антифараоновскую пропаганду, но потом отпустили под подпись о невыезде.

Пограничник скептически таращится на мое удостоверение, пока не обнаруживает под ним платиновую кредитку.

— А это мой оператор, — я показываю на Метемфоса. Пограничник кивает, возвращает мне удостоверение и идет дальше.

За окном видно, как Усанга открывает люки багажного отсека и показывает таможеннику сумки. Тот для вида кивает и, посплюнув пальцы, пересчитывает купюры.

— Тхебесская коррупция заразнее чумы, — констатирует Метемфос.

Час спустя, когда формальности улажены и виза погашена, автобус покидает павильон Дин-тира и выезжает на гладь сеннаарского автобана. Я откидываю спинку сиденья и мгновенно засыпаю.

СЕННААР

Меня разбудил мобильник. Его вкрадчивое мурлыканье прокралось в

мой и без того неглубокий, дерганный сон, и окончательно вытолкнуло меня в жестоку пустыню реальности.

Я открыл глаза и резко сел. В ушах зашумело, а по затылку будто ударили топором. Когда я спустил ноги на пол, босые ступни утонули в пушистом ворсе иранского ковра.

Ковер был белым; пол — черным, мраморным. Рядом с кроватью в серебряном ведре для льда плавала пустая бутылка из-под шампанского с черной тартесской этикеткой.

Я встал и обернулся; шейные позвонки отчетливо хрустнули. В постели позади меня остались две обнаженные девушки: белые гибкие тела на черном атласе простыни. У той, что лежала ко мне спиной, на копчике, прямо над округлыми ягодицами, была родимка в виде идеограммы «Седрах Репликантс, ЛТД», а под ней виднелся серийный номер...

Мобильник тем временем продолжал мурлыкать на журнальном столике. Он лежал на черной текстолитовой столешнице между белыми дорожками из отборного асланского коканина. Рядом с ним лежала платиновая кредитка — единственное цветное пятно в черно-белой гамме кардинальских апартаментов «Набополассара». Под столиком валялся пульт дистанционного управления.

Чуть пошатываясь, я подошел к столу. Игнорируя мобилку, я взял пульт и попытался разобраться в кнопках. С третьей попытки мне удалось сделать прозрачным огромное, от пола до потолка, окно слева от кровати, и на неприбранную постель и белые тела девушек упали разноцветные отблески неоновых реклам. Одна из репликанток заворочалась во сне, пробормотав что-то невнятное, и прикрыла глаза рукой. Я отложил пульт, взял мобильник, подошел к окну и ответил на вызов.

— Ботадеус? — Метемфос на экранчике был даже противнее, чем в жизни. — Вы что там, спите?

— Сплю, — сказал я.

Прямо за окном моего номера, расположенного на сорок втором этаже «Набополассара», парил дирижабль с рекламой «энки-колы». За ним виднелись ассиметричные небоскребы «Адме Севоним», похожие на две оплавившие свечи.

— Надо встретиться, — потребовал Метемфос. — В шаньской закускойной «Фуонг-нам» в Бадтибире. Это возле метро Ка-димирра.

— Зачем? — спросил я.

Метемфос надулся, как жаба.

— По-моему, вы еще не проснулись. У меня есть для вас работа, — заявил он и отключился.

Опустив мобильник, я посмотрел вниз. Под дирижаблем и редкими полицейскими скиммерами по улицам текла сплошная световая река наземного транспорта.

— Кто это был? — сонно спросила репликантка у меня за спиной.

Я приложил ладонь к холодному оконному стеклу и сказал:

— Никто.

От метро я пошел пешком. С неба сыпала водяная пыль, и грохотало над головой ржавое железо древней надземки; из-под колес поезда то и дело брызгали снопья ослепительно-белых искр. Сгорбившись и спрятав лицо от дождя за поднятым воротом кожанки, я шагал по загаженным тротуарам Бадтибира, держа руки в карманах и смотря под ноги, чтобы не вступить в собачье дерьмо.

Навстречу мне проехал велорикша, за ним прошелестела стайка девушек в коротеньких юбках и с прозрачными зонтиками. Девушки щебетали между собой на местном уличном жаргоне, смеси из тхебесского, асланского и тортутского языков. Завидев меня, они призывно заулыбались и завияли костлявыми бедрами. Я отрицательно покачал головой, и на меня обрушился поток разноязыкой брани...

Бадтибир давно уже превратился в гетто для иммигрантов, и на этих захламленных улицах редко можно было услышать сеннаарскую речь. Сюда, как в клоаку, стекались неудачники со всего мегаполиса, оседая плесенью в этих подворотнях и переуках, опшумных притонах и автоматических прачечных, экзотических закусовых и подвальных швейных цехах. Здесь нищая шпана вымогала гроши у нищих торгашей и проспикуток, убивая друг друга прямо на улицах, а полиция, обычно обходившая Бадтибир стороной, во время обострения уличных стычек устраивала рейды-зачистки, стреляя на поражение во все, что движется. Жизнь бурлила на улицах Бадтибира, как вырванная яма, в которую бросили дрожжи.

И над всем этим приземистым и грязным кирпичным лабиринтом высился зеркальный зиккурат-аркология «Набополассара». Основание этой громадины занимало четыре городских квартала, а крыша, увенчанная висячими садами, терялась где-то над слоем туч. И только маяк на вершине зиккурата пробивался сквозь смог и бросал размытое отражение на мокрые тротуары Бадтибира...

Закусочная «Фуонг-нам» оказалась крошечной забегаловкой, переделанной из старого троллейбуса: у длинной стойки под навесом трое работяг в комбинезонах и сдвинутых на лоб респираторах поглощали бобовую похлебку, и стоял, ковыряя палочками соевую лапшу, Метемфос.

— Добрый вечер, — сказал я, становясь рядом. Из-за стойки доносилось шкворчанье жареного крыла, и валили клубы пара.

— И вам того же, — сказал Метемфос. — Примите мои поздравления в связи с блестящим окончанием операции.

Последние два месяца мы с Ксатмеком готовили уход Даттана — ведущего гештальт-программиста корпорации «Адме Севоим», связанного с ней пожизненным контрактом — в «Седрах Репликанте, ЛТД». Вчера Даттан трагически погиб в автокатастрофе... Самым сложным в инсценировке было найти подходящее тело.

— Доктор Седрах крайне доволен своим новым сотрудником...

— Я знаю, — сказал я, вспомнив репликанток.

— Я понимаю, что вы заслужили отпуск, — сказал Метемфос. — Но у нас есть новый клиент. Станный тип, но хорошо платит.

Мне принесли креветок и рисовое пиво.

— Что за работа?

— Завтра в Сеннаар прилетает Чандра Пратап Шастри из небесного города Амаравати, создатель и продюсер живой скульптуры Иштар. Вы и Ксатмек встретите его как представители охранной фирмы «Гильгамеш» и будете обеспечивать безопасность Шастри во время его пребывания в Сеннааре. У Шастри есть своя охрана, но он ей не доверяет. Он вообще законченный параноик... — Метемфос придвинул ко мне папку с тесемками. — Тут фото Шастри и документы сотрудников «Гильгамеша». Это официальная сторона.

— А на самом деле? — спросил я, отхлебнув водянистого пива.

— А на самом деле, — Метемфос выдержал паузу, — вы должны будете украсть живую скульптуру Иштар.

Я хмыкнул и вернулся к креветкам.

— Шастри привозит ее на продажу. Аукцион в четверг, через три дня. Времени мало, но клиент обещает премиальные за срочность.

Закончив с креветками, я допил пиво, взял со стойки папку и встал.

— Это все?

— Еще кое-что. Совет. Не посвящайте Ксатмека в истинную цель операции. У этого малолетнего дикаря странные представления о чести. Он может быть... непредсказуем.

Я коротко кивнул и вышел из-под навеса в промозглый сумрак улицы.

— Совершил посадку рейс №672 авиакомпании «Гаруда» из небесного города Амаравати, — сообщил мелодичный женский голос, переливчатым эхом прокатившись под высоченным потолком терминала.

— Это наш, — сказал я, толкнув локтем Ксатмека, который тупо таращился на огромное плазменное табло с расписанием рейсов. — Пошли.

Пока синтезированный голосок дикторши повторял свое сообщение на санскрите, латыни, тортутском, рльехском и тхебесском языках, мы с астанцем прокладывали путь сквозь пеструю толпу прибывающих и отбывающих пассажиров, заполнявшую собой просторный зал международного аэропорта Тильмун. Пассажиры волокли за собой чемоданы на колесиках, обнимались и целовались, удивленно озирались, гомонили на десятках наречий, рутались у окошек авиакомпаний по поводу утерянного багажа, лезли за желтую ленту, покупали втридорога сувениры из Сеннаара, громоздили сумки на ленту интраскопа, выгребали мелочь из карманов перед металлодетекторами и отбивались от местных проныр, предлагавших такси до города, номер в гостинице, девочку или мальчика на ночь... Одним словом, проталкиваться сквозь эту космополитическое стадо было не так-то просто.

— Ненавижу, — прошипел сквозь зубы Ксатмек. — Ненавижу такие места.

— Привыкай, — сказал я. — Когда перестаешь принадлежать одному миру, большая часть твоей жизни проходит в местах вроде этого...

Мы добрались, наконец, до выхода из таможенной зоны, и Ксатмек выудил из кармана свернутую табличку с надписью на санскрите.

— Когда мне было пятнадцать лет, — сказал он, — к нам в деревню пришел человек из другого мира. Он был чем-то похож на тебя. Или на любого из этих... — Ксатмек обвел рукой окружавшую нас толпу. — Он был... нездешний. Другая одежда, прическа, манера говорить... Манера держаться. Он предложил нам, совсем еще пацанам, вступить в ряды армии Итцкоатля и сражаться за независимость Астлана...

— Табличку переверни, — рассеянно сказал я, всматриваясь в поток пассажиров из Амаравати.

— А кончилось все это рабским ошейником и Базаром в Ираме, — с горечью сказал Ксатмек. — С тех пор я не доверяю людям без родины, Раххаль. У них нет чести. Даже у тебя...

— Посмотри на это с другой стороны, — посоветовал я. — Если бы не тот работоровец, ты бы сейчас возделывал манс в родной деревне... А вот и он!

Чандру Пратапа Шастри я бы узнал и без фотографии. Высокий, бледный, с гривой льняно-белых волос, в зеркальных очках и нежно-розовом костюме, продюсер Иштар выделялся из толпы, как герпес на губе. Следом за ним ступали трое амазонок из Рльеха, толкая тележку с длинным деревянным ящиком.

— А где же Иштар? — недоуменно спросил Ксатмек.

— Видишь вон тот ящик?

Гроб с телом Иштар погрузили в специально арендованный катафалк. За руль сел Ксатмек, амазонки устроились в салоне. Мы с Шастри ехали в лимузине, который вел Усанга. Открывали и замыкали колонну два бронированных джипа с клонированными охранниками-гримтурсами.

— Должен вас предупредить, — сказал я, — что после пробуждения Иштар вы не сможете вернуть ее обратно в это состояние. В Сеннааре искусственная катаlepsия приравнена к убийству. За это полагается двадцать лет тюрьмы или принудительный десятилетний контракт с Безыманным Легионом.

Шастри снял зеркальные очки и пристально посмотрел на меня, прищурив свои розовые глаза альбиноса.

— Откуда вы родом, Ахашверош? — спросил он.

— Отовсюду, — сказал я.

— Я так и думал, — улыбнулся он, показав мелкие острые зубы. — Тогда вы должны понимать, что людей вроде нас нельзя мерить обычными мерками. Раз мы не принадлежим этому миру, то его нормы морали нас не касаются...

— В Сеннааре с моралью все очень плохо, господин Шастри. Это ведь постиндустриальный мир. Зато здесь хорошо работают законы и полиция.

Лимузин плавно затормозил, а потом вообще остановился. Я нажал кнопку и опустил стекло, отделявшее салон от водителя.

— В чем дело?

Мощный затылок Усанги пошел складками, когда тот попытался повернуть голову.

— Пробка, бвана, — виновато прогудел он. — Километров на пять-шесть.

Шастри захихикал:

— Видимо, дорожной полиции это не касается, а, Ахашверош?

Я пожал плечами, вытащил из холодильника баночку «энки-колы» и включил телевизор. Передавали выпуск новостей. Очередное ковровое бомбометание в Ангоре Шане уничтожило три гектара плантаций опиумного мака. В результате дипломатических договоренностей снята блокада Тортуги. Продолжаются уличные бои в Тхебесе, город во власти мародеров. Власти Шангри-Ла не комментируют слухи о кончине далай-ламы. Базар Ирама полностью уничтожен ядерным взрывом, на месте трагедии работают спасатели из Тифарета; ответственность за теракт взяла на себя группировка «Дети Самума». В клинике «Авичи» в Амаравати произошло очередное удушение младенцев, убито более двадцати новорожденных, официальный ашрам матери Кали отрицает свою причастность. А теперь — главная новость дня: в Сеннаар прибыла живая скульптура Иштар. Репортеру канала «Упарсин» удалось снять...

— Выключите, — потребовал Шастри. Он вдруг стал еще более прежнего, и сквозь кожу проступили голубоватые ниточки вен. — Вот что, Ахашверош. У вас будет три объекта для охраны. Первый — тело Иштар. Я подобрал его в такой дыре, о которой вы даже и не слыхивали, но после того, что я с ним сделал, оно стоит полмиллиона долларов. Тело застраховано, но его могут попытаться убить или похитить. Второй объект — душа Иштар. — Шастри достал из кармана пиджака гештальт-диск. — Она бесценна, и я всегда ношу ее с собой.

— А третий? — спросил я.

— А третий объект — самый важный, — сказал Шастри. — Третий — это я.

Блошиный рынок располагался на огороженном сеткой пустыре под боком у мусоросжигающего завода. Сюда свозили отходы со всего Дулькута — промышленной зоны Сеннаара, постепенно вымиравшей по мере того, как сеннаарские корпорации выносили производство в оффшорные миры вроде Тхебеса и Гондваны; сегодня Дулькут был уже не сердцем мегаполиса, а чем-то вроде селезенки, где любые, даже биологически и химически активные отбросы большого города превращались в экологически чистый пар.

Пар этот и днем и ночью валил из заводской трубы, выпадая на Дулькут мокрым липким снегом. Чтобы укрыться от снегопада, торговцы на

блошином рынке накрывали свои лотки прозрачными полиэтиленовыми навесами. Снежинки налипали на грязный полиэтилен, таяли и длинными густыми соплями свисали вниз, срываясь на головы покупателей.

— Ненавижу Дульку! — проворчал Метемфос, потуже натянув кепку и подняв воротник плаща. — Погода здесь даже хуже, чем в Тхебесе!

— Зачем вы меня вызвали? — спросил я.

Тут можно было не опасаться быть подслушанным: мы стояли в самом центре блошиного рынка, в окружении картонных ящиков с ношеной одеждой, ворованных велосипедов, разошедшей мебели, поломанных телевизоров, старинных пластинок, настенных часов, дешевой бижутерии, отсыревших альбомов с семейными фотографиями, потрепанных книжек, детских игрушек и прочего хлама, выставленного на продажу для иммигрантов из Бадтибира и антикваров из Авденаго. Гомон стоял такой, что можно было спокойно обсуждать любые дела.

— Где сейчас Иштар? — спросил Метемфос.

— В клинике доктора Седраха, проходит курс реабилитации перед инсталляцией гештальта. Все по плану.

— Хорошо, — кивнул Метемфос и резко ввинтился в толпу, бросив мне через плечо: — Идемте со мной, Ботадеус. Нам надо кое-что прикупить.

Активно работая плечами и локтями экс-полковник «Мастабы» пробивался в ту часть рынка, где торговали пиратским софтом. Тут за смешные деньги можно было купить новейшие игровые симулякры «Адме Севويم», нелегальные копии блокбастеров с участием Нимврода Великого и пластинки оркестра Унута Джебути, граммы живых скульптур и гештальт-диски на любой вкус. У одного такого ларька с гештальтами Метемфос остановился так резко, что я чуть на него не налетел.

— Вот, — сказал Метемфос. — То, что нам нужно.

То, что нам нужно, оказалось обычным лотком, заставленным самопальными гештальт-дисками без маркировок. За прилавком восседал продавец, коренастый и очень широкий дверг в кожаном жилете и с мелированной бородой.

— Господа желают? — залебезил он с сильным нифльхеймским акцентом, извлекая из недр прилавка список товара.

— Какого черта мы тут делаем, Метемфос? — не выдержал я.

— Наш клиент хочет избежать насилия, — вполголоса сказал тхебесец, изучая список гештальтов. — Ему крайне необходимо получить тело Иштар без повреждений. Ее гештальт значения не имеет. Понимаете, Ботадеус, к чему я клоню? Вам не придется ее похищать. Она сама сбежит с вами...

Я глубоко вздохнул. Все-таки Метемфос как был ограниченным служаккой, так им и остался... Даже хорошие идеи он умудрялся опоплнить.

— Как вам этот вариант: покорная рабыня, готовая на все ради хозяина? — прочитал он из списка дверга.

— Пойдемте, Метемфос, — сказал я, беря его за рукав. — Мы ничего не станем здесь покупать.

На станции метро Э-Саглия было холодно. Кто-то поджег и опрокинул урну, и ветер, налетавший из туннелей, гонял по почти пустому перрону тлеющие обрывки бумаги. Отделанные кафелем колонны по центру перрона обросли, как лишайником, наслоениями бумажных реклам и объявлений, отсыревших от влажного подземного воздуха. На закругленной стене туннеля гудела вполнакала неоновая паутина схемы метрополитена.

На скамейке у одной из колонн спал бомж, укрывшись рваным пальто. У турникетов тусовалась стайка подростков со странными прическами и вживленными под кожу косметическими имплантами. Внешне, да и повадками своими, включая вспышки кудахчущего смеха, они чем-то напомнили мне шедусов...

Поезд вынырнул из волглой темноты туннеля, как огромный трехглазый змей. Его округлая морда, будто поршень в гигантском шприце, вытолкнула перед собой стену затхлого и пыльного воздуха, и по пустынному перрону загуляли маленькие смерчи, закружив горящий мусор в странном танце.

Потом поезд зашипел совсем по-зменному, притормозил и изрыгнул из своего чрева толпу людей в костюмах и при портфелях. В одно мгновение пустынную станцию Э-Саглия заполонила толпа белых воротничков, спешивших перейти на станцию Уру-азагта, с которой, если верить неоновой паутине, можно было добраться до кольцевой линии и очутиться в районе Атрахасис, деловом центре Сеннаара, где все носят костюмы и портфели. Я позволил этой толпе подхватить меня и увлечь в длинную бетонную кишку, заканчивающуюся эскалатором. Там, на эскалаторе, меня и догнал Ксатмек.

— Я нашел его, Раххаль, — сказал он, толкнув меня в спину и уронив в карман моей кожанки свернутый листик бумаги. — Он будет там сегодня вечером. Советую взять с собой Усангу.

— Спасибо, Ксатмек. Как Иштар?

— Уже ходит, начинает говорить. Инсталляция гештальта завтра утром, аукцион назначен на семь вечера. Сейчас с ней амазонки, и мне это не нравится. Можно поинтересоваться, зачем ты меня выдернул? — В голосе Ксатмека звучало плохо скрываемое раздражение.

— Нельзя, — сказал я. — Вот что, Ксатмек. Завтра весь день будь с Иштар. После инсталляции и до аукциона ты не должен выпускать ее из поля зрения ни на секунду. Понял? — спросил я, сходя со ступенек эскалатора.

— Понял, — бросил асланец перед тем, как бесследно раствориться в толпе.

Я отошел в сторонку, купил сигарет и окинул взглядом спешащих на работу белых воротничков. Чем-то они напоминали земляных червей, уверенно и тупо прокладывающих свой путь от дома до офиса и обратно.

Говорят, среднестатистический житель Сеннаара треть жизни проводит в метро; еще две трети отнимает работа и шоппинг...

Я сунул руку в карман, вытащил записку Ксатмека, развернул ее, прочитал и вздрогнул. На мятом листке был адрес — район Барсишпа, улица Адаб, и название заведения: ночной клуб «Гинном».

Ночной клуб «Гинном» находился в бывшем бомбоубежище и разительно отличался от своего фешенебельного собрата под названием «Кенотаф». Чтобы попасть внутрь, Усанга сунул в окошко рядом с тяжелой бронированной дверью, способной выдержать ударную волну атомной бомбы, пару мятых купюр и получил взамен два химических осветителя. Один из них он протянул мне, посторонился и пропустил меня вперед.

Я ожидал чего угодно: кислотной музыки, лазерного шоу, проблесков стробоскопов, беснующейся толпы подростков... но за бронированной дверью стояла гробовая тишина и непроницаемый мрак, в котором парили фиолетовые, розовые и зеленые росчерки химических осветителей. Я переломил свой, и он налился желтым, как моча, светом.

— Кемощ, мерзость моавитянская, — прокатился по залу бомбоубежища низкий ревербирующий бас, — и Мильком, мерзость аммонитская! Ниспровергну города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих! Сразу их мечом пред лицом врагов их и рукою ищущих души их, и отдам трупы их в пищу птицам небесным и зверям земным...

— Это начало шоу-программы, — шепнул мне в ухо Усанга. — Сейчас включают свет.

Прожектора под потолком начали медленно рдеть, и темнота в зале приобрела багровый оттенок. Из динамиков раздались ритмические щелчки счетчика Гейгера.

— ...ибо воздвигли они высоты, чтобы приносить детей своих во всеожжение, и взяли от крови их, чтобы начертать Слово Отворяющее, — набирал обороты бас, — и была та кровь знамением язвы губительной, и отверзла земля уста свои принять кровь детей своих, и поглотила и дома их, и всех людей, и все имущество...

Я посмотрел поверх колышущегося моря голов и заметил в дальнем углу зала пульт, за которым восседал диджей с микрофоном, и столики вокруг.

— Вон он, — сказал я, толкнув Усангу локтем. — Возле диджея. За столиком. Иди вперед.

Усанга послушно двинулся вперед, исполняя роль бульдозера, а я пристроился к нему в кильватер и уже две минуты спустя с наглым видом уселся за столик прямо напротив Даттана, обнимавшего щуплого мальчика с броским макияжем.

— Этот столик занят, — попытался возмутиться Даттан, но тут над танцполом полыхнула вспышка ядерного взрыва — и он меня узнал.

В последовавшем грохоте он переменялся почти мгновенно: вальяжный,

породистый технократ вдруг стал похож на пушистого кота, которого окатили водой. Пропали и лоск, и надменность, и вальяжность — а взамен появились взъерошенная шерсть, дикий взгляд испуганных глаз и нервные, дерганные движения.

— Исчезни! — прокричал он мальчику сквозь пульсирующий рев музыки. — Что вам надо? — спросил он, когда мы остались наедине. (Усанга, молчаливой глыбой заслонивший столик, был не в счет).

— Гештальт.

— Что?! — округлил глаза экс-программист «Адме Севоним», ныне высокооплачиваемый сотрудник «Седрах Репликантс, ЛТД».

— Суггестивный бихевиористический модуль, — пояснил я. — Девочка-подросток с подавленной сексуальностью, комплексом неполноценности, обидой на родителей, тягой к саморазрушению и бегству из семьи. Такой специалист, как вы, управится с этой ерундой за пару часов.

— Но... но зачем? — ошарашено спросил Даттан.

— Завтра утром вы устанавливаете его живой скульптуре Иштар, — сказал я. — Или завтра же в «Адме Севоним» получают подлинный анализ ДНК обгорелого трупа, найденного в вашей машине.

Даже в багряном полумраке видно было, как вздулись жилы на лбу Даттана. Я вопросительно вскинул брови. Превозмогая себя, Даттан кивнул. Я улыбнулся.

— ...и червь их не умрет, и огонь не угаснет, и будут они мерзостью для всякой плоти! — надрывался ди-джей, — И только тот спасется, кто не убьется злом, и пройдет сквозь сердце тьмы дорогой мертвых имен, и отдаст душу свою, и кровь свою, и станет изгнанником, и скитальцем, и пришельцем в чужой земле...

— Я знал, что могу на вас рассчитывать, — сказал я.

— «Гильгамеш» не оправдывает ни своей высокой репутации, ни своей еще более высокой цены, — с ядовитым сарказмом процедил Шастри. — Сперва вы пропадаете вчера на целый день, теперь ваш сотрудник не выполняет своих прямых служебных обязанностей...

— Вчера я занимался обеспечением безопасности сегодняшнего аукциона, — невозмутимо соврал я. — А Ксатмек — телохранитель, а не тюремщик. Он должен охранять Иштар, а не держать ее взаперти.

Нам пришлось оставить лимузин у пересохшей чаши фонтана на площади Деире, и прогуляться по бульвару Нинурты пешком. По центру бульвара была высажена аллея платанов, уродливо-голых в это время года, с узловатыми скрюченными ветвями. Сам бульвар был похож на огромный каньон рекламы. Здесь находились самые дорогие бутики и торговые моллы Сеннаара, и ночью, если смотреть с высоты, бульвар Нинурты казался пульсирующей рекой огня — но сейчас, в полдень, в лучах холодного зимнего солнца неоновые трубки и анимированные голограммы казались

бледными, выцветшими призраками ночного великолепия. Люди, слонявшиеся по почти пустынному бульвару, и сами чем-то напоминали призраков, заблудившихся между ночным и дневным миром.

— Иштар не должна была покидать клинику до аукциона, — сказал Шастри. — Первые два часа после инсталляции гештальта ее разум слишком чувствителен. И этот ее побег может дорого стоить.

— Вы боитесь, что не сможете оплатить ее счета из магазинов? — усмехнулся я.

Альбинос остановился как вкопанный и оглядел меня с головы до ног.

— Вас это забавляет, Ахашверош? — спросил он.

— Просто я не вижу ничего плохого в женской тяге к шоппингу, — пожал плечами я. — По телефону Ксатмек сказал, что они находятся в «Сарданапале». Торговые моллы — не самые опасные места в Сеннааре, при наличии кредитной карточки, разумеется.

Тяжело вздохнув, Шастри покачал головой.

— Иштар должна появиться на аукционе в одежде от дома «Энкиду» и косметике от «Эрешкигаль», — сказал он, пока мы в сопровождении трех рлехских амазонок шагали к «Сарданапалу». — Любая другая торговая марка вызовет скандал, разрыв контракта и выплату неустойки.

Это было похоже на правду. Мы ведь находились в Сеннааре, самом цивилизованном и технически развитом из миров. Здесь люди тратили на одежду и косметику больше, чем на путешествия в иные миры; при этом, чем обеспеченнее был житель Сеннаара, тем более нелепо он выглядел, потому что в одежде было принято следовать не собственному вкусу, а советам глянцевого журналов, из-за чего сеннаарские модники походили на питомцев инкубатора уродов. Шоппинг был официальной религией Сеннаара, торговые марки — священными символами, сезонные распродажи отмечали смену времен года, а поп-дивы вроде Иштар были верховными жрицами. И поход Иштар в «Сарданапал» мог вызвать схизму и религиозную войну...

Двери «Сарданапала» гостеприимно разъехались в стороны, и нам в лицо ударила волна теплого кондиционированного воздуха. Здесь отовсюду лилась сладенькая музыка, а воздух был насыщен ароматами дорогой парфюмерии. Искать Иштар и Ксатмек нам не пришлось — они буквально сами налетели на нас, поднявшись на эскалаторе из отдела косметики; при этом Иштар, увешанная пакетами с покупками, пилила Ксатмека как сварливая жена — Ксатмек же, как и положено телохранителю, держал руки свободными и вяло огрызался в ответ...

— Что-то не так, — сказал Метемфос, усаживаясь в кресло рядом со мной. — Что-то здесь не так... — задумчиво повторил он, поглаживая ушки.

Здесь — это в аукционном зале галереи «Теокалли», самого модного арт-хауса на улице Авденаго. Галерея, согласно названию, была декорирована

в псевдо-астланском стиле: полированный пол из кедра, рассеянный белый свет, колонны из каменных блоков с барельефами астланских божков... По случаю торгов картины на стенах задрапировали, в зале расставили ряды кресел, соорудили сцену с трибуной аукциониста, а перед сценой усадили барабанщиков в головных уборах из перьев фламинго.

— Не надо нервничать, — сказал я Метемфосу, хотя меня самого уже полдня (с того самого момента, когда я впервые увидел Иштар в торговом молле) не отпускало аналогичное ощущение: что-то не так. — Механизм уже приведен в действие, нам остается только наблюдать.

Вокруг нас степенно рассаживались потенциальные покупатели Иштар. Кое-кого я ожидал увидеть, но многие лица вызвали оторопь, граничащую с изумлением. С представителями шоу-бизнеса все было ясно — продюсер Нимврода Великого, дизайнер симулякров из «Адме Севоним», кутюрье дома «Энкиду», хозяин самого дорогого клуба в Барсиппе... А вот что тут делали весталка храма Ашеры и брахман из ашрама Кали? А верховный унган девы Эрзули (при виде этого сморщенного старикашки Усанга посерел от страха)? И какого черта здесь понадобилось нунцию из Монсальвата и ретинг-ламе из Шангри-Ла?

— Да, я нервничаю, — согласился Метемфос. — Это и понятно, у меня есть на то свои причины. А вот почему наш любезный Шастри напуган до дрожи в коленках, позвольте спросить?

Альбинос действительно выглядел не очень хорошо. Похоже было, что ему больше всего на свете хочется отменить аукцион, упаковать Иштар обратно в деревянный ящик и первым же рейсом улететь в небесный город Амаравати.

— Это уже неважно, — сказал я. — Подобные операции, полковник, это как боулинг. Когда шар запущен, ничего изменить нельзя.

— Скажите это Ипусету... — пробурчал Метемфос.

Барабанная дробь прокатилась по залу, и Шастри, легко взбежав на сцену, вымученно улыбнулся. Барабанщики смолкли, и я увидел, как крупная капля пота скатилась по лбу Шастри. В затянувшейся паузе его розовые глаза испуганно забегали в разные стороны, и я вдруг понял, что именно было не так.

В «Сарданапале» Иштар и Ксатмек перерутивались по-астлански.

И в ту секунду, когда я это осознал, в подвале «Геокалли» взорвался уставленный Усангой заряд пластиковой взрывчатки, и в галерее погас свет.

— Я вас предупреждал, Ботадеус, — сказал Метемфос. — Я с самого начала говорил, что дикарю нельзя доверять.

— Просто мы оба его недооценили, — сказал я.

Двери лифта открылись с мелодичным звоночком. Я ступил внутрь стеклянной призмы и нажал на кнопку своего этажа.

— Не расстраивайтесь, полковник, — сказал я, обернувшись к Метемфосу, оставшемуся в вестибюле. — Нельзя выигрывать всегда.

— А по-моему, Ботадеус, вы просто утратили вкус к победе, — сказал Метемфос.

— Может быть... — сказал я, когда двери уже закрылись.

Из кабины стеклянного лифта, медленно, словно улитка, взбиравшегося по покато́й стене зиккурата «Набополассар», открывался изумительный вид на Сеннаар. Гигантский мегаполис, раскинувшийся на десятки гектаров, был весь как на ладони: на горизонте чадил трубу Дулькута, сияли тысячами огней бульвар Нинурты и улица Авденаго, заходили на посадку самолеты в Тильмун, мерцали, как светящиеся водоросли, рекламы Баршиппы, и над темным провалом Бадтибира огромным коралловым рифом возносились громады небоскребов Атрахасиса.

...А может быть, дело было в том, что Сеннаар, куда я так стремился еще из Нифльхейма, меня просто-напросто разочаровал. Всегда неприятно пережить собственную мечту...

Я вышел из лифта на своем этаже и открыл дверь кардинальских апартаментов ключом-карточкой. Внутри было темно и холодно. Мобильник, оставленный на подзарядку на журнальном столике, помпигивал пропущенным вызовом.

Не включая свет, я подошел к мобильнику и проверил голосовую почту. Звонил Ксатмек.

— Она беременна, Раххаль, — сказал он по-астлански. — Это неправильно. То, что мы делаем — неправильно. У этой девочки украли жизнь, а мы хотим украсть ее ребенка. Лучше возделывать манс в родной деревне, чем воровать чужие жизни. Прощай, Раххаль!

Я выключил мобильник и положил его обратно на стол.

— Какая ирония, — сказал голос у меня за спиной. — Дело, от которого зависят судьбы десятков миров, завалил безграмотный астланский мальчишка.

Голос был до боли знакомый. Я обернулся, и увидел его хозяина: согбенный, лысый, с косым шрамом через бровь... и все с той же надменной яростью в голубых глазах. Он был одет в черно-белую сутану монсальватского священника. Пустой рукав был завязан узлом.

— Выходит, все это время мы работали на Монсальват? — спросил я.

— Да, — сказал Идадьго. — Но теперь это не имеет никакого значения.

— Как ты меня нашел? — спросил я.

Бывший тортутский пират криво усмехнулся.

— Повезло... Я потерял твой след в Тхебесе: решил было, что ты сгорел вместе с «Наутилусом». А потом мне просто повезло...

— И что теперь? — спросил я.

— Полчаса назад Чандра Пратап Шастри был найден задушенным в своем номере. На месте преступления было обнаружено удостоверение директора фирмы «Гильгамеш» Каина Ахашвероша. Полиция уже едет, Картафил. Для тебя все кончено.

Я устало присел на краешек кровати и покачал головой.

— Ты не понимаешь... — с досадой сказал я. — Для меня это никогда не будет кончено. Так уж я устроен.

И мы стали ждать, когда придет полиция.

ПЕРЕХОД

Грузовой отсек тяжелого транспортного самолета «Геркулес» похож на чрево левиафана. Массивные шпангоуты смыкаются над головой, как гигантские ребра. Тусклые лампочки на потолке, забранные металлической сеткой, похожи на позвонки. Гул четырех мощных моторов — рев разъяренного чудовища — заглушает все звуки в отсеке и тупой вибрацией отдается в позвоночник через твердые деревянные скамьи, привинченные к стенкам отсека.

На этих скамьях сидим мы: специальное диверсионное подразделение №42-05. Четыре часа назад «Геркулес» оторвался от бетонной полосы военного аэродрома Саргон и взял курс на Ангкор Шань. По моим расчетам, мы уже должны были покинуть Сеннаар и сейчас находиться в Небесном Эфире. Но момента Перехода я не уловил...

Мои руки сжимают холодное железное цевье штурмгевера. За плечами — парашют, на голове — кожаный шлем. На шее намотан белый шелковый шарф, символ Легиона. На нагрудной нашивке нет имени, только номер: 42-05/7. Это цена, которую взимает Безымянный Легион.

Ни у кого в подразделении 42-05 не осталось имен. Кем бы ни были они в прошлом — наемники из Меггидо, партизаны из Астлана, ветераны уличных битв из Тхебеса, боевые пловцы и амазонки из Рльеха, охотники из Тимбукту и воины-каннибалы из Гондваны — все они теперь легионеры. Командует подразделением сержант, здоровенный грамилла с копной саламенных волос и чузунной челюстью. На скуле у него выжжен багряный крест: клеймо отступника, которое ставят изгнанным из ордена рыцарям Монсальвата.

Я помню его: когда-то давно, в прошлой жизни, его звали Арнульф.

Лампочки под потолком одна за другой гаснут. В хвосте самолета вспыхивает красный фонарь, под которым появляется темно-синий прямоугольник ночного неба. Ледяной ветер врывается в отсек через открытый люк.

Я встаю и защелкиваю карабин вытяжного троса за натянутый под потолком канат. Поправляю штурмгевек и лямки парашюта. Вслед за всеми медленно шагаю к разверстой пасти люка.

Выброс десанта контролирует сержант. Скользнув по мне слепым взглядом, Арнульф хлопает меня по плечу и во второй раз выталкивает меня в стылое ничто.

АНГКОР ШАНЬ

По утрам я просыпался от запаха напалма.

Запах этот, резкий, бензиновый, доносился из долины Патала, раскинувшейся у подножия горы Меру; на склоне этой горы и был разбит концентрационный лагерь для военнопленных. Иногда меня будили низкое монотонное гудение летающих крепостей, сбрасывавших бомбы на маковые плантации, и гулкие раскаты взрывов — но чаще всего бомбы рвались так далеко, что если бы не напалмовая вонь, пробивавшаяся сквозь

насыщенный испарениями джунглей воздух, можно было забыть, что где-то идет война...

Со склона горы долина была похожа на незревшее зеленое мочало, подернутое белесым туманом и придавленное желтым гноящимся небом. На востоке горизонт наливался голубовато-розовым кровоподтеком, а чуть дальше к северу тянулись к небу столбы дыма от далеких оплумных пожарниц. Пробуждаясь ото сна, джунгли шевелились и бурлили, как густая похлебка: вздыхали, стонали, заливались бодрыми птичьими песнями, оглашались сытым тигриным рыком и верещанием обезьян. Покачивались на ветру кроны огромных баньянов, шевелилось зеленое море папоротников, вздрагивали сплетения лиан, а над всем этим высились, будто остов затонувшего корабля, руины Храма.

Каждый день нас, заключенных из концлагеря, колонной гнали туда на раскопки, смысл которых, похоже, был непонятен ни нам, ни конвоирам.

Мы вышли из лагеря сразу после рассвета. Полторы сотни изможденных, искалеченных, грязных, оборванных, ослабевших от голода и болезней, страдающих лихорадкой и дизентерией, чудом выживших военнопленных конвоировали всего-навсего два десятка маленьких, юрких шаньцев, вооруженных разномастными трофейными автоматами и винтовками. Они шли по обеим сторонам колонны, в черных пижамах и соломенных шляпах, лопоча между собой на своем булькающем языке, и принимаясь верещать не хуже обезьян (на которых шаньцы были удивительно похожи), если им врут казалось, что мы идем слишком медленно.

Дорога, по которой мы ковыляли, была вовсе и не дорогой, а всего лишь просекой в джунглях, с разъезженной грузовиками колеей в густой жирной грязи. В колею стояла затхлая вода рыжего цвета. Через полчаса извилистая колея вывела нас к деревне: дюжине бамбуковых хижин вокруг утоптанной земляной площадки. В канаве, на обочине дороги, прямо в грязи копошились крысы и голые дети. Завидев колонну пленных, туземные ублюдки стали швырять в нас камнями — убогие маленькие существа, никогда не знавшие иной жизни, не видевшие ничего, кроме этой грязи и нищеты, готовые умирать и убивать за свое право жить и подышать в грязи и нищете, ненавидящие все, что не было грязным и нищим, гордые и непокоренные в своей грязи и нищете...

Сразу за следующим поворотом показались ворота Храма: две огромные колонны, густо оплетенные ядовитым плющом, соединялись массивным и замшелым каменным блоком, с которого на всех входящих безмолвно взирал лунообразный лик Авалокитешвары. Левую щеку божества покрывали оспины пулевых отверстий, корону взорвали ручной гранатой во время давно забытой войны, но полные губы будды все так же флегматично улыбались, а маленькие выпуклые глаза смотрели в душу все так же пристально и бесстрастно...

На голове божества стоял, сложив руки на груди, облаченный в черную хламиду наг.

Истинные размеры Храма определить было невозможно: частично затопленный гнилым болотом с мангровыми зарослями, частично погребенный под жирной глинистой почвой и рухнувшей в незапамятные времена крышей, с обвалившимися колоннами и покрытыми лишайниками ступенями, он будто прорастал сквозь джунгли, и джунгли не поглощали его, а становились его продолжением... На каменных блоках пламенели невероятные по красоте и размеру орхидеи.

Здесь всегда стояла гробовая тишина; даже вездесущее жужжание насекомых не проникало сквозь зеленоватый полумрак, царивший в Храме, и липкую атмосферу всеобщего ужаса. И нашим охранникам здесь было не по себе — шаныцы старались не ступать на каменные плиты, не повышали голоса, суеверно перешептываясь между собой, и вообще практически не покидали оцепления вокруг той небольшой части Храма, где мы разгребали обломки, копали глину, прорубались сквозь мангровые корни и соскребали лишайники с каменных плит.

Сегодня я работал у подножия Башни Мертвых Имен — невысокой уродливой постройки, растрескавшейся и обветшавшей, и ничем не напоминавшей свою ирамскую тезку — кроме, разве что, полной бессмысленности расположения... Могучие корни растущего рядом дерева вздыбили почву и раскрошили бурый камень, из которого была сложена башня. С помощью мачете я с остервенением врубался в эти заросли — клинок то легко проваливался сквозь трухлявые отростки, то звонко отскакивал от твердых, как железо, корней. С осыпающихся барельефов на меня насмешливо взирали полуобнаженные храмовые танцовщицы со змеями в волосах.

Дело было уже к полудню, и джунгли превратились в парилку. Рубаха прилипла к моей спине, соленый пот заливал глаза, болели мозоли на ладонях, кружилась от усталости голова, но я продолжал остервенело махать мачете. Только так — бессмысленной, тупой, однообразной физической работой можно было побороть первобытный страх, который холодным комком в желудке и ознобом в кончиках пальцев напоминал о себе, стоило мне лишь на секунду остановиться. Нехорошее это было место — Храм...

Я выдохся где-то через час. В глазах у меня потемнело, и сердце, до того исправно колотившееся в груди, вдруг слепо толкнулось в горло, а потом оборвалось, замерло и ухнуло вниз. Чтобы не упасть, я схватился пятерней за корни, но они, уже изрядно порубленные, оборвались, и я рухнул на колени, жадно хватая ртом воздух и сдерживая с подножия башни коричнево-зеленое покрывало, сплетенное из корней, лиан, плюща и паутины.

Маленькая изумрудная змейка, чей укус может убить слона, выскользнула из путаницы ветвей и юркнула между моих ног. У меня свело судорогой мышцы шеи. Превозмогая себя, я поднял голову. Прямо передо мной была бронзовая дверь, покрытая зеленой патиной. В центре двери была оскаленная драконья пасть.

— Открой, — прошепестел бестелесный голос у меня за спиной.

Это был наг. Не знаю, как долго стоял он там, наблюдая за мной — в своей черной хламиде, неподвижный, как древняя статуя. Гладкий приплюснутый череп поблескивал в лучах полуденного солнца, немигающий взгляд был впере́н в бронзового дракона.

Я протянул обе руки и, ухватив дракона за клыки, потянул на себя. Дверь с готовностью распахнулась.

Это было одно из тех мгновений, что навсегда отпечатываются даже не в памяти, а где-то намного глубже, в подкорке — и не фотоснимком обычного воспоминания, что с годами выпорает и блекнет, а потом исчезает совсем, оставляя после себя лишь смутный абрис воспоминания о воспоминании; нет, этот миг высек себя в моей душе резцом из кремня. Я знал, что буду помнить его всегда.

В башне было холодно. После липкой жары ангорских джунглей меня пробрал озноб; показалось, будто кожа покрылась инеем. Воздух был пропитан запахом... боли? страха? отчаяния? Что бы это ни было, оно охватило меня целиком, гораздо сильнее, чем в джунглях. Я будто бы очутился в эпицентре того скользкого ужаса, что глубоко въелся в руины Храма.

Инстинктивно я стиснул мачете и, когда глаза привыкли к сумраку, заглянул в сердце тьмы.

Ничего особенного я не увидел. Косые лучи света падали сквозь трещины в стенах башни. Серые паруса паутины под потолком покачивались под нежными прикосновениями прохладного ветерка. Лианы, усеянные цветами необыкновенной красоты, оплетали стены башни изнутри. Пол в башне был земляной, покрытый мелкими сухими веточками, хрустящими под ногами.

Прямо по центру круглого зала был колодец. Каменный сруб, высотой мне по пояс, украшали странные и почему-то очень знакомые символы, похожие на червяков.

Жерло колодца было закрыто каменной плитой с Печатью Дракона. На ней аккуратной горкой были сложены маленькие детские черепа.

Именно тогда — в ту самую секунду, когда я осознал, что хрустело под подошвами моих десантных ботинок (это были тонкие и ломкие косточки детских скелетов, рассыпанных вокруг колодца) — я понял, что собираются сделать наги, и зачем летающие крепости бомбят долину Патала.

Незадолго до заката, когда мы вернулись обратно за колючую проволоку — даже наги не рисковали оставаться в джунглях по ночам — в ворота концлагеря въехал, тяжело пробуксовывая по грязи, грузовик с эмблемой миссии Тифарета на борту. Сзади на прицепе он волочил походно-полевую кухню, появление которой вызвало бледное подобие энтузиазма среди изможденных пленных.

С того самого момента, как диверсионное подразделение 42-05, так и не совершив ни одной диверсии, в полном составе попало в плен, я пребывал в состоянии перманентного голода и хронического недосыпа.

Дневной рацион шаньца настолько скуден мясом, что способен лишь забить желудок вязкой массой вроде лапши и создать ложное ощущение сытости. Пленным не доставалось и этой роскоши... А ежедневные подъемы с рассветом (спать нам давали не более пяти часов в сутки) притупляли восприятие и медленно, но верно превращали людей в скотов, низводя все потребности человеческого организма до двух простейших: есть и спать...

С алюминиевой миской в руке я занял место в очереди среди худых, грязных, небритых, тающих от голода и постоянного страха призраков; я и сам, наверное, выглядел не лучше. Но я, благодаря своему высокомерию, умудрился не опуститься морально: живя в грязи, я не стал грязью сам.

На раздаче сегодня была сама мать Летиция. Аристократичного вида старушка собственноручно зачерпывала из котла рисовую кашу и наполняла миски заключенных, выполняя гуманитарную миссию своего мира в джунглях Ангкор Шаня и зримо наслаждаясь собственной самоотверженностью. Не знаю, каким чудом ей удалось договориться с местными наркобаронами, но всюду за ней по пятам следовал Нгуен: бандитского вида парень с выбитыми зубами и трофейным штурмгевеком. Следил он за ней, охранял ли — было непонятно.

Получив свою порцию холодного слипшегося риса, я отошел в сторону и начал жадно запихивать еду в рот, сосредоточенно изучая грузовик миссии Тифарета. Старая раздолбанная полуторка обычно ночевала в лагере, а перед рассветом направлялась в деревню. Там, накормив пухнувших от голода детей, мать Летиция фотографировала улыбающихся шаньцев для отчета спонсорам, и возвращалась в крепость Бунсонг, обиталище Тхао Тонгкхуана, крупнейшего наркобарона в долине Патала.

Глядя, как мать Летиция стружает из кузова коробки с медикаментами и направляется в лазарет, а Нгуен, щербато улыбаясь, пинает согбенных над мисками legionеров, я придумал, как я убегу из Ангкор Шаня.

Для этого требовалась самая малость — провести ночь в джунглях и остаться в живых...

Рядом с колючей проволокой в землю был вбит крест, на котором распяли Арнульфа. Бывший рыцарь Монсальвата попытался бежать через день после пленения. Три дня спустя его полуобглоданное, но еще живое тело нашли в джунглях, приволокли в лагерь и прибили к кресту. Там он и гнил заживо почти неделю: в жарком климате Ангкор Шаня его плоть, изорванная в клочья тигриными клыками, быстро воспалилась, началась гангрена, и по лагерю поползла тошнотворная вонь медленной смерти. К счастью для Арнульфа, он сошел с ума еще в джунглях, и большую часть своей агонии провел в блаженном забытьи... В качестве издевательства на шее распятого сержанта наматывали белый шелковый шарф.

Больше попыток к бегству в лагере не было.

Собственно, и колючая проволока по периметру нужна была не для сдерживания беглецов, а исключительно для того, чтобы ночные хозяева

джунглей не могли проникнуть внутрь... Я поддел ее расщепленной бамбуковой веткой и выполз наружу. В темноте джунгли были синими.

Я бежал налегке, захватив с собой выдолбленную из тыквы баклагу с водой и надев старую кожанку, такую потертую и потрепанную, что даже шаньцы на нее не позарились. Небо было плотно утрамбовано тяжелыми тучами, предвещавшими приближение муссона и начало сезона дождей; луны не было, и пробираться сквозь джунгли приходилось ощупью.

Я старался держаться дороги, по которой нас водили каждый день. Места вроде бы были знакомые, но в темноте я то и дело спотыкался о корни и падал в жидкую грязь. Джунгли рычали и ухали мне вслед...

Добравшись до поворота к деревне, я забился в лощину, густо поросшую папоротником, укутался в кожанку — воздух звенел от москитов — и начал ждать. Страшно хотелось курить.

А потом я сделал то, чего никак от себя не ожидал. Я уснул — мгновенно, будто упал. Сон был похож на жидкую грязь.

Разбудил меня шум мотора. Мне понадобилось пару минут, чтобы понять, где я и кто я (грязный, промокший, искушенный москитами, с резью в глазах), и как долго я спал. Было уже светло.

Шум мотора приближался. Пригнувшись, я подкрался к обочине, ожидая увидеть грузовик матери Летиции и готовясь запрыгнуть в кузов или уцепиться за котел полевой кухни. Но по дороге ехал не грузовик...

Это был лендровер с открытым верхом, грузно переваливающийся с боку на бок на извилистой лесной дороге. За рулем сидел широкоплечий седоусый человек в пробковом шлеме и жилете с множеством карманов. На соседнем сиденье лежал двуствольный пистолет.

— Фуад! — заорал я, срывая горло и бросаясь под колеса лендровера.

Пожилой ирамец ударил по тормозам и вывернул руль, уводя машину в сторону. Мгновение спустя пистолет уже смотрел в мою сторону.

— Фуад! Это же я!

Он посмотрел на меня через прищел, нахмурив косматые брови, пытаясь понять, откуда этот грязный призрак знает его имя; потом он опустил пистолет, покачал головой и завел мотор. В этот момент из-за поворота показался грузовик миссии Тифарета. Нгуен стоял на подножке, занеся пистолет над головой.

— Фуад! — простонал я, но ирамец молча рванул лендровер с места, обдав меня жижей из-под колес. Обессиленный, я упал на колени.

Последним, что я увидел перед тем, как Нгуен ударил меня прикладом по голове, была ярко-оранжевая шкура шаньского тигра на багажнике лендровера.

Я провалялся без сознания целый день. Когда очнулся, уже темнело. Меня и мать Летицию заперли в бамбуковой клетке на территории Храма, у подножия той самой конической башни с колодцем внутри.

— Как вас зовут? — спросила Летиция.

Я провел ладонью по лицу и помотал головой, отгоняя дурноту.

— У меня было много имен, — ответил я.

— Как вас зовут? — настойчиво повторила Летиция. — Я хочу знать имя человека, из-за которого меня убьют.

— Вас-то за что? — спросил я.

— За содействие побегу. Так как вас все-таки зовут?

Я сунул руку за пазуху и вытащил жетон с личным номером.

— Сорок два ноль пять дробь семь, — прочитал я и хрипло хохотнул.

— Безумие, — прошептала Летиция. — Кругом сплошное безумие...

Клетка была тесной. Сидеть можно было, только согнувшись. Шея болела. Мать Летиция сидела рядом. По ее красивому, породистому лицу аристократки пробегали судороги с трудом сдерживаемой истерики.

— Нас убьют сегодня ночью, — сказала она. — В Тифарете у меня было три дочери и семь внуков. У меня была своя клиника, я помогала больным людям. У меня была собачка, маленький пекинес. У меня был дом с садом. В саду росли вишни и яблони. У меня было все, но сегодня ночью меня убьют.

— Ошибаетесь, — сказал я. — У вас ничего не было, и у меня ничего не было; и быть не могло. Потому что мы — временны, нагими пришли мы в этот мир и нагими уйдем из него. Была только пустота до и будет пустота после, а между этими великими пустотами у тебя есть жизнь. Она слишком коротка и мимолетна, чтобы заполнять ее постоянными вещами... Надо брать от жизни все, что можешь, и отпускать то, что удержать не в силах.

— Тогда зачем жить? — спросила она. — Зачем жить, если ничего не иметь, ни за что не держаться?

— Чтобы познавать. Пробовать. Приобретать опыт. Не важно, что ты пережил — важно, что ты можешь вспомнить.

— Не понимаю...

— Все очень просто. В конечном итоге, жизнь — это череда воспоминаний. Это единственное, что остается с тобой до конца...

Я замолчал и устало потер виски.

— Вы так говорите, — сказала Летиция, — как будто вам уже доводилось умирать.

— Да, — сказал я. — Чтобы прожить много жизней, каждый раз приходится умирать.

Было уже совсем темно, когда в прореху между тучами выглянула луна, большая, красная, набухшая кровью. Над башней вспорхнула стая летучих мышей. Где-то в джунглях взревел тигр. Влажные щупальца тумана поползли по руинам Храма.

— Я не хочу, — вдруг всхлипнула Летиция. — Я не хочу умирать здесь, в этих проклятых джунглях, в этом проклятом Храме, в этом проклятом мире, этой проклятой ночью... Не хочу, не хочу, не хочу! — заскулила она.

Я протянул руку и погладил старушку по седой голове. В этот миг я чувствовал себя бесконечно старше ее.

— Не надо бояться, — сказал я. — Никогда не надо бояться.

Она уткнулась в мое плечо и зарыдала, а я продолжал гладить ее по голове...

Скрипнула дверь клетки. Наг, бесформенно большой в своей хламиде, дотронулся до меня длинным гибким пальцем и прошипел:

— Ты. Иди со мной.

— Мы, наги, были первыми, кто начал странствовать между мирами, — прошепестел низкий, гипнотизирующий голос в полутьме храмовой башни. Кое-где на сколах кирпичей и в трещинах стен подрагивали огоньки свечей, но их колеблющееся пламя было не в силах разогнать полумрак.

— Мы были первыми, кто открыл Врата. Кто ступил в изнанку миров, — монотонно говорил наг. — Потом пришли люди. Они воздвигли храмы и стали давать имена. Агарт, Серые Равнины, Небесный Эфир, Великая Река, Предвечный Океан... Великое множество имен. Каждое имя давало форму. Форма ограничивала содержание.

Лунный свет косо падал на каменный сруб колодца. Плиты не было. Черепа младенцев были свалены горкой в одном из углов. Туда же кто-то замел все до единой косточки.

— А потом махатмы из Шангри-Ла закрыли колодцы Печатью Дракона; и свободы не стало.

Наг взял огарок свечи в руку и приблизился к колодцу. Подсвеченное снизу, его удлиненное лицо было похоже на морду змеи.

— Они постарались на славу, — сказал наг, и впервые в его голосе прозвучало что-то похожее на эмоции: смесь ненависти и уважения. — Если не знать ритуала, колодец, закрытый Печатью Дракона, не открыть и атомной бомбой. А повторить ритуал пока не удалось никому...

Пальцы нага любовно пробежались по червеобразным символам на колодце.

— Все дело в погрешности перевода... — сообщил наг, подойдя ко мне и подняв огарок повыше. — Кровь ребенка не сработает. Нужна кровь скитальца. Человека, который не принадлежит ни одному миру. Неприкаянного... И отдать он ее должен добровольно. Ты дашь мне свою кровь?

Я заглянул в вертикальные зрачки нага и сказал:

— Да.

Вытащив из складок хламиды длинный кинжал с волнистым лезвием, наг приставил острие к моей груди и сказал:

— Будет больно.

Потом он резко полоснул меня по груди. Было больно. Я закричал, и погруженный в вековую тишину Храм содрогнулся от моего крика.

Наг обмакнул палец в мою кровь и вернулся к колодцу. Опустившись на колени и не говоря ни слова, он провел пальцем по первой букве, потом по второй, третьей... Кровь стекала по моей груди, и наг

дважды возвращался, чтобы обмакнуть палец. Из множества извилистых червячков он выбирал одни, лишь ему ведомые, и пропускал все остальные, выводя Слово, которое было сильнее Печати Дракона. Отворяющее Слово.

Когда работа нага была близка к завершению, и обведенные кровью символы начали тускло светиться багряным светом, воздух в башне наполнился неравномерным вибрирующим гулом. Земля под ногами мелко задрожала, а потом заходила ходуном. Порыв ветра загасил все до единой свечи, принеся с собой резкий бензиновый запах.

И хотя от боли и потери крови у меня кружилась голова и темнело в глазах, я узнал этот гул, и узнал этот запах. Из последних сил я рванулся вперед, схватил нага за хламиду и отшвырнул его от колодца. Он свирепо зашипел, теряя человеческое обличье, и одним стремительным рывком высвободил свое гибкое чешуйчатое тело из хламиды — но было уже поздно.

За секунду до того, как летающие крепости из Сеннаара сбросили напалмовые бомбы на Храм, я прыгнул в колодец.

ПЕРЕХОД

Жерло колодца затянато паутиной. Я рву липкие нити — они лопаются с влажным прищипыванием, продавливаю их своим телом, но все впустую. Их слишком много. Они обволакивают меня со всех сторон, стягивают конечности, оплетают плотным коконом. Камья серой отвратительной слизи забиваются в рот, в уши, в глаза. Я слепну и глухну; я не могу даже кричать.

Мои руки прочно примотаны к груди. Только запястья еще сохранили подвижность — я могу вращать кистями рук. Неравномерными толчками бьется в груди тупая боль. Я впиваюсь пальцами в края раны, нанесенной кинжалом нага, и разрываю собственную кожу. Кровь бьет фонтаном. Она смывает с меня клейкую массу, но этой крови слишком мало, чтобы открыть Врата. И тогда я запускаю руку в собственную грудь и сжимаю в кулаке трепещущий комок сердца.

С яркой вспышкой рвется ткань бытия.

Я падаю.

Вокруг меня — серая мгла с проблесками далеких зарниц. Я — крошечный огонек во мгле; пламя свечи на ветру. Я не должен здесь быть; я даже не имею права здесь умирать. Моя кровь, как серная кислота, подтачивает основы мироздания, разъедает ту тонкую материю, из которой сотканы наши сны.

Я вижу, как распадается связь времен. Бушует ураган в Небесном Эфире, невиданный по силе шторм захлестывает Предвечный Океан. Просыпаются вулканы на Серых Равнинах, мелеет, уходя в песок, Великая Река, воеет самум в пустыне Руб-эль-Кхали. Корни Иггдрасиля обращаются в труху. Рушатся своды Агарты.

Все это — только отголоски того, что начинает просыпаться в окружающей меня мгле. И причина всему — я. Моя кровь. Она слишком горячая, слишком

красная, слишком... человеческая. Мгла жадно пьет ее. И тогда я вырываю сердце из груди и бросаю его во мглу.

И мгла отвергает меня.

Даже здесь, в изнанке миров, мне нет места.

Я падаю на дно колодца.

Все тело ноет. Я ощущаю грудь. Шрам — тонкая белая полоска, затянувшаяся много веков назад. Сердце бьется ровно, но почему-то кажется, что там, внутри, пустота.

Я встаю, опираясь рукой на стену. Стена другая: под пальцами не волглый ангорский лишайник, а сухой и твердый известняк. Я вгоняю пальцы в щель между камнями, срывая кожу и ногти, и карабкаюсь вверх, к прозрачному голубому небу над жерлом колодца.

ШАНГРИ-ЛА

Эдельвейс стоял в крошечном глиняном горшочке между мотком репшура и стоптанными альпинистскими ботинками. Я присел, взял горшочек в руки и понюхал белый пушистый цветок. Он пах свежим горным ветром, разрыхленной землей, скалистыми кряжами, прозрачным небом и вечной мерзлотой. Он пах, как Шангри-Ла.

Я поставил цветок обратно, разулся и, осторожно ступая в толстых шерстяных носках, прокрался в келью. Осторожность оказалась излишней: Диана не спала. Она лежала, свернувшись калачиком под овчинным одеялом, и читала книгу при тусклом свете лампы, направленной ячьем маслом.

— Не порти глаза, — сказал я, стаскивая кожанку и бросая ее на пол. — Ты почему до сих пор не спишь?

— Не хотела засыпать без тебя, — улыбнулась Диана, заложив страницу книги мятой открыткой.

— Давно вернулась?

Вязаный свитер последовал за курткой, и я принялся быстро расстегивать ремень джинсов. В келье, как всегда, было холодно...

— Давно, — сказала Диана.

— Откуда цветок?

— Я ходила на ледник Мелунг, — сказала Диана, когда я уже нырнул под одеяло и прижался к ее теплому боку.

— Ловила йети? — спросил я.

— Зачем? У меня уже есть один... Может, побреешься на этой неделе, а? — спросила Диана, загасив лампу.

— Договорились, — промычал я. — Как только дадут горячую воду.

— Сволочь, — беззлобно сказала она, устраиваясь на моем плече. — Давай спать...

— Давай, — согласился я и, когда дыхание Дианы стало ровным и

размеренным, позволил густой тишине монастыря Пелкор мягко опуститься и на меня.

Чайник был старинный, медный, с затейливым орнаментом и зеленоватым налетом патины. Он попыхивал изогнутым носиком, булькал, фыркал и готовился закипеть с минуты на минуту. Дверь на террасу была раздвинута настежь, и келью пронизывали теплые лучи весеннего солнца, согревая стылый каменный пол, поеденные молью гобелены с вытканными мандалами, скомканное одеяло и пустую подушку Дианы.

Прищурившись от солнца, я поглядел по сторонам. Мебели в кельях практически не было, и поэтому одежду мы обычно складывали неаккуратным ворохом на полу. Сейчас там валялась Дианина куртка-алеска алого цвета и ее же стеганный халат на вате. Зато не хватало моей кожанки...

Закипел чайник. Я встал с матраса, накинул халат, снял чайник с огня, а потом насыпал в две глиняные чашки по столовой ложке бурого порошка, который монахи называли растворимым кофе, и залил кипятком, с тоской вспоминая алхимические манипуляции старого Юсуфа...

С двумя чашками в руках я вышел на террасу. Диана была там; она стояла, запахнувшись в мою кожанку (та была ей велика), и, обхватив себя руками, любовалась пейзажем.

— Кофе, — сказал я, становясь рядом.

— Угу, — сказала она, принимая чашку и не отрываясь от пейзажа.

Посмотреть было на что. Монастырь Пелкор был настолько древним, что о его постройке не осталось никаких записей — говорили, что он старше любой письменности. Самые старинные помещения были вырублены внутри скалы Марпори, а относительно новые постройки вроде нашей кельи, которой не было и двухсот лет, облепили склоны близлежащих гор Чагпори и Понтвари, точно лепестки увядшей розы. Пагоды и павильоны монастыря, окрашенные зарей в нежно-пастельные тона, казалось, парили в разреженном воздухе Шангри-Ла... На горизонте серебрились заснеженные вершины Каракала, виднелась в дымке вершина Кайласа, а внизу, в долине, далеко-далеко под облаками извивалась золотистая змейка реки Цангпо.

— Зачем ты притащила эдельвейс? — спросил я. — Ты же не сможешь забрать его с собой.

Диана подула на чашку и осторожно пригубила кофе.

— А может, я хочу остаться, — сказала она.

— Ну-ну, — хмыкнул я и внимательно посмотрел на нее.

Как всегда после восхождения, на ее лице читались все признаки физического истощения: грустные серые глаза глубоко запали, черты лица заострились сильнее обычного, и стали заметны морщинки, разбегавшиеся от уголков глаз... Но под этой внешней усталостью скрывалось что-то гораздо более глубокое, непонятное и голодное, что медленно подтачивало Диану изнутри.

— Я бы смогла здесь жить, — сказала она. — С тобой — смогла бы.

— Нам пора идти, — сказал я. — Адвокат ждет.

По обочинам каменистой тропки еще лежали сугробы грязного, ноздреватого снега, сквозь который пробивались чахлые кусты рододендронов. Над ними гордо высился настоящий частокол из бамбуковых шестов с пестрыми молитвенными хоругвями. Сотни, тысячи этих флажков трепетали и хлопали на ветру, отгоняя злых духов и вознося хвалу многочисленным богам Шангри-Ла. Из-за этого шелеста мы заметили процессию, только столкнувшись с ней нос к носу.

Нам пришлось сойти с тропки, чтобы уступить дорогу яркой, желто-оранжево-бордовой толпе, которая неторопливо шествовала со стороны главного подворья Пелкора в сторону города Гилгит. Шествование сопровождалось странными горловыми песнопениями, заунывной игрой на духовых инструментах из гигантских раковин и ритмичным перезвоном колокольчиков. Над морем бритых голов покачивался портрет покойного далай-ламы и сотни бумажных фонариков.

— Его же вроде бы уже похоронили? — спросила Диана.

Похороны, а вернее — торжественное погребение бальзамированного тела далай-ламы состоялось почти два месяца назад, в связи с чем все официальные учреждения Шангри-Ла, включая Канцелярию по Вопросам Депортации, были закрыты на сорокадевятидневный траур. Вчера траур закончился...

— В базовом лагере на Мелунге, — сказала Диана, — был один проводник... Так он по большому секрету и по большому подпитуию рассказал сплетню, что далай-лама умер два года назад, а панчен-лама скрыл это, чтобы выиграть время для поисков реинкарнации.

— Все может быть... — сказал я, провожая глазами процессию.

Последний, замыкающий монах из толпы — очень тощий человек в шафранно-желтой рясе — пвырнул в нашу сторону горсть риса и одарил нас беззубой улыбкой и поклоном. Когда он вместе с остальными скрылся за лесом из бамбуковых флагштоков, мы стряхнули с себя рис и продолжили наш путь.

По мере того, как мы поднимались по крутой тропинке к зданию Канцелярии, погода начала стремительно портиться. Ветер усилился, стал холодным и пригнал тяжелые плотные облака. Они облепили черепичную крышу Канцелярии, большого неуклюжего здания, до того запущенного, что даже отсюда было видно, как осыпается отсыревшая штукатурка и крошится каменная кладка. Канцелярию так много и часто перестраивали, что сейчас она состояла словно из одних только пристроек, флигелей, эркеров, веранд и террас, под которыми не видно было первоначального здания. Весь этот утрюмый и обшарпанный архитектурный ансамбль прилепился к северному склону горы, поддерживаемый дюжиной толстенных балок-опор цвета саж.

Тучи все плотнее затягивали небо, когда Диана вдруг воскликнула:
— Смотри! — и показала пальцем вверх.

Там, в узком просвете между облачными массами, в тонких лучах задавленного тучами солнца, парил серебристый почтовый дракон.

Мы встретились с нашим адвокатом Тхотори Ралпаченом в галерее Тысячи Золотых Будд. Сильный сквозняк, пробегавший по галерее, колыхал столбики ароматного дыма от тлеющих благовонных палочек, и охлаждал наши босые ноги. Нам пришлось разуться во дворе, несмотря на то, что снаружи уже начинал сыпать легкий снежок, а внутри полы из драгоценного красного дерева были холодными, как лед. Слева бесцеремонно напирала округлые животы и плоские лица золотых изваяний, а справа тускло поблескивали сизые чеканные бока огромных молитвенных барабанов.

— Вы уже слышали радостную весть? — Тхотори Ралпачен раскинул руки, словно хотел нас обнять. На широких руках его малиновой мантии были вышиты свастики.

Мы с Дианой синхронно покачали головой.

— Как? Вы не знаете? — Желтый помпон на шапочке Ралпачен закачался из стороны в сторону, а физиономия недоверчиво искосилась.

Физиономия Ралпачена была похожа на мокрую глину, вылепленную неумелым гончаром и оставленную без обжига. Лет ему могло быть от сорока до девяноста.

— Вчера вечером поисковый отряд панчен-ламы обнаружил сорок девятое перерождение Авалокитешвары! — радостно сообщил он. — К народу Шангри-Ла вернулся его духовный вождь!

— Переведи, — шепотом потребовала Диана.

— Они нашли реинкарнацию далай-ламы, — ответил я. — Скажите, Тхотори, а как это случилось?

— Представьте, — понизив голос до доверительно-сплетнического, сказал Ралпачен, — матерью ребенка, в которого переродился далай-лама, оказалась продажная женщина из Амаравати — знаете, из этих... как же их... живых скульптур! Она умерла родами, и биологический отец сам вручил младенца панчен-ламе...

— И что теперь будет? — спросила Диана.

Ралпачен все-таки не удержался и обнял нас за плечи, что при его почти двухметровом росте было несложно.

— Дети мои, — покровительственно сказал он. — Не клиенты, нет, уже не клиенты — дети мои! В честь такого радостного события Канцелярия по Вопросам Депортации объявила амнистию по всем текущим делам!

— То есть... мы теперь свободны? — уточнила Диана.

— Не совсем так, — сказал Ралпачен. — Теперь ваша судьба всецело зависит от ринпоче Сингая Гампо, настоятеля монастыря Пелкор, представившего вам кров на время процесса. Умнейший человек, смотритель

личного улья далай-ламы и член регентского совета... Он мудр и справедлив. Ну, а я вам помочь уже не в силах. Прощайте, дети мои! — Ручищи Ралпачена мягко вытолкнули нас из галереи во внутренний дворик, после чего адвокат развернулся и, деловито прощурив мантией, исчез среди золотых статуй.

Снаружи уже вовсю падал снег, но сразу таял, едва коснувшись земли, и оставлял после себя грязноватые лужицы на булыжниках, между которых уже пробивалась первая травка. Загнутые карнизы крыш украшали миллионы капелек воды.

— Что же нам теперь делать? — спросила Диана, обуваясь.

— Не знаю, как ты, — сказал я и поскреб бороду, — а я бы сходил в баню...

Я поплотнее нахлобучил войлочную шапку, зачерпнул ковшиком воды из деревянного ведра, добавил туда мятного настоя и плеснул на раскаленные камни. Зашипело яростно, и стены заволокло паром; резануло по глазам и стало больно дышать.

— Ой, хорошо-то так... — протянула Диана, распластавшись на полке.

— Угу, — подтвердил я, растирая ладонью выступивший на теле пот. — Значит, ринпоче Гампо... — задумчиво повторил я. — Интересно...

— Что тут интересного? — лениво спросила Диана. Ее порозовевшая кожа лоснилась, будто смазанная маслом.

— Если он член регентского совета, то его решение может открыть многие двери... или закрыть навсегда...

Столбик термометра на стене уверенно полз вверх. Пар начинал обжигать ноздри.

— О боже, — вздохнула Диана. — Опять бежать... Как же я от всего этого устала!

Она перевернулась на спину и закинула руки за голову, демонстрируя свое стройное, подтянутое тело скалолазки. Это тело можно было читать, как книгу: на левом плече выстроились в два ряда ритуальные шрамы ветерана Меггидо, правую руку обвивала трибальная татуировка, какую делают в племенах Гондваны после обряда инициации воина, а на бедре алело клеймо инквизиции Монсальвата. Свою густую золотистую гриву Диана собрала в хвост, обнажив штрих-код сеннаарской тюрьмы на изящной шее и серую рльехской амазонки в маленьком розовом ушке. Странствия сквозь миры оставили на ее теле больше отметин, чем было штампов в ее тартесском паспорте...

— Усталость — штука коварная, — заметил я, снова опуская черпак в ведро. — Она накапливается в организме. И если ее вовремя оттуда не выгнать, любая мелочь может тебя сломать...

Я снова опрокинул ковш с водой на камни, и парилка превратилась в ад. Клубы пара заволокли единственное оконце под потолком, и розовое тело

Дианы начало расплываться перед глазами. Сердце загрохотало в груди не хуже тамтама...

— У меня она, похоже, хроническая, — сказала Диана, усаживаясь на полке. — Не помню уже, когда я себя чувствовала бодрой. Я устала даже чувствовать усталость... Как будто я поднимаюсь на скалу — а края все нет и нет... — Ее слова доносились до меня, как из туннеля, искаженные странным эхом. В ушах пульсировала кровь. — Это гора без вершины, и я уже так высоко, что даже если сорвусь, буду падать вечно...

Она помотала головой, чтобы стряхнуть со лба капли пота, и это было ее ошибкой: видимо, голова у нее закружилась, Диану повело, и она мягко соскользнула с полки в мои расставленные руки. Прижимая к себе ее обмякшее тело, я навалился плечом на дверь парилки и, жадно схватив ртом прохладный воздух, рухнул вместе с Дианой в ледяную воду бассейна.

В келье было душно. В печурке у изголовья матраса весело гудело пламя, и мы с Дианой лежали, обессиленные, выдохшиеся, мокрые от пота, раскидав одеяла, и жадно хватали воздух, пропитанный запахами секса и раскаленного металла. Выпутав ногу из скрученной жгутом простыни, я кое-как поднялся и, шатаясь, побрел к двери, задев ногой за горшок с эдельвейсом.

— Осторожнее! — вяло возмутилась Диана, а когда я распахнул настежь дверь на террасу, поинтересовалась: — Ты что, спятил?

— Душно, — сказал я, но от открытой двери легче не стало; стало холоднее.

Заморозки по ночам были обычным делом ранней весной в Шангри-Ла. То ли сказывалась близость ледников и снежных шапок на вершинах гор, то ли просто люди в этом мире слишком близко подобрались к небу... Звезды на черном шелке горели ровно и ярко, не мерцая. Казалось, до них можно дотянуться рукой.

— Просто тут мало кислорода, — сказала Диана, укутываясь в оба одеяла. — Потому и душно. — Она встала на ноги и подняла опрокинутый эдельвейс. — А если ты не закроешь дверь, будет еще и холодно, — добавила она и засемила в уборную, волоча одеяла по полу.

Я послушался Диану, закрыл дверь и вернулся в стремительно остывающую постель.

— Брр! — сказала Диана по возвращении. — Как же там холодно...

— Еще не передумала остаться здесь навсегда? — спросил я.

Диана замолчала, прижимаясь ко мне всем телом.

— Если честно, — сказала она после долгой паузы, — мне уже все равно, где остановиться. Лишь бы прекратилась эта дурацкая чехарда миров.

Теперь была моя очередь молчать и слушать. Такие приступы откровенности у Дианы случались редко, и прерывать их не стоило.

— В новом мире... Мне опять придется начинать все с нуля... а я больше не смогу. Я устала. Я больше не могу все начинать сначала, понимаешь?

— Понимаю, — сказал я.

— Ни черта ты не понимаешь! — огрызнулась она. — Я же из Тартесса сбежала не потому, что мне там было плохо, а просто так — от скуки! А пути назад уже не было. И я всю жизнь убегала — от зимы, от войны, от бедности, от страха... Из мира проще убежать, чем переделать его. Проще начать заново, чем исправлять сделанные ошибки. Я думала, что проживу много жизней, а не прожила толком ни одной... Ты когда-нибудь чувствовал подобное?

— Нет, — сказал я.

— Ну конечно... — сказала Диана. — Ты ведь хамелеон. Ты меняешь миры легко, как одежду. И ты пропускаешь их сквозь себя, позволяешь им менять тебя, твоё имя, твои привычки, твою жизнь... Ты на самом деле меняешься в каждом новом мире.

— А ты? — спросил я.

— А я черепаха. Я не хочу меняться. Я свой мир ношу с собой. И это очень больно — каждый раз рвать по живому, отдирая с кровью все то, что любишь, но не можешь взять с собой. Поэтому я хочу остановиться. Хочу покоя...

Ее голос затих. Диана поворочалась немного, натягивая на себя одеяло и прижимаясь ко мне. Огонь в печи почти погас, и в келье становилось по-настоящему холодно. К утру мандалы на гобеленах подернутся узором инея. И если бы не теплое тело под боком, я бы не смог уснуть в таком холоде. Но Диана была рядом, согревая меня — а я согревал ее, и этого было достаточно, чтобы не замерзнуть во сне.

— Спокойной ночи, — сказал я, но Диана уже спала.

Личный улей далай-ламы располагался в обширных карстовых гротах Каракала. Когда-то давным-давно здесь сошел ледник, сорвав твердые скальные породы и обнажив мягкий известняк. За миллионы лет стремительные подземные реки, бравшие свое начало в снежных шапках вершин Каракала и наполнявшие ледяное озеро Тцхо у его подошвы, проели известняк насквозь, оставив после себя массу карстовых воронок и пещер. С приходом весны, когда лед на озере таял, а гора начинала зеленеть от подножия и вверх, покрываясь чахлой травкой и уродливыми кривыми деревцами, южный склон Каракала напоминал кусок старого, заплесневелого сыра, изгрызенного мышами — только вместо мышей в недрах Каракала жили драконы.

— Никогда не устаю любоваться этой картиной! — восхищенно сказал ринпоче Сингай Гампо.

Мы с ринпоче стояли посередине подвесного моста, натянутого над озером Тцхо и соединявшим погребальную пагоду далай-ламы со станцией канатной дороги. А внизу, в паре километров под нами, грелись на солнышке драконы всех мастей и оттенков.

— Я никогда не думал, что их так много, — сказал я.

Их в самом деле было много. То тут, то там на карнизе или в карстовой воронке нежились в солнечных лучах величавые крылатые звери, расправляя крылья, вытягивая гибкие шеи и переключаясь друг с другом мелодичным переливчатым свистом. Обманчиво ленивые медно-красные тяжеловесы, задиристые бронзовые бойцы с хищными повадками, рвущиеся в небо серебристые почтари, бутылочно-зеленые гончие с узкими мордами... И, конечно, самые красивые, самые быстрые, самые сильные — золотистые императоры. Один такой красавец разлежся у самого озера, а рядом с ним копошились бордовые фигурки монахов, скобливших драконью шкуру специальными скребками на длинных ручках.

— Скоро их будет еще больше! — радостно всплеснул руками ринпоче. — Королева высиживает новую кладку! Нам понадобятся новые погонщики и наездники...

Настоятель Пелкора был маленьким сухоньким старикашкой с коричневыми пигментными пятнами на лысой голове. Он носил очки с толстыми бифокальными линзами, отчего смахивал на удивленного лемура. Когда порывы ветра раскачивали провисшую секцию моста, заставляя скрипеть старые джутовые канаты и надувая, как парашют, оранжевую рясу ринпоче, казалось, его вот-вот подхватит и унесет...

— Скажите, ринпоче Сингай, — осторожно спросил я, — а что будет с нами? Со мной и Дианой?

— Ох... — Ринпоче вздохнул и сокрушенно покачал головой. — Боюсь, для вас у меня менее радостные известия...

— То есть?

— На протяжении веков монастырь Пелкор служил пристанищем для пилигримов, потерявшихся среди бесчисленного множества иных миров, — грустно сказал Гампо, сняв очки и близоруко щуя глаза. — Но очень немногим из них удавалось остаться в Шангри-Ла навсегда. Боюсь, что и Диане это не суждено.

— Почему? — спросил я.

— Ваша спутница относится к числу тех несчастливых созданий, что бегут сквозь миры от себя, — философски заметил ринпоче, — тогда как бежать надо всегда к себе. Ибо каждый новый мир, каждое новое переживание и ощущение — есть еще один кирпичик в самое себя. Себя — свою личность — надо строить, как дом, а жизненный опыт — это единственный строительный материал. Диана же мечтает о покое... Она, волею судеб став странницей, все еще хочет, чтобы ее личность росла сама по себе, как трава. Тем же, кто жаждет растительного существования, в Пелкоре места нет. Поэтому Диану депортируют из Шангри-Ла, — опечаленно, но твердо заключил ринпоче.

— Так, — сказал я, сжимая в руках перила моста. Ворсинки каната впились в ладони. — А я? Что вы приготовили для меня?

— Вы — это особый случай... Человек, попавший в Шангри-Ла через колодец, закрытый Печатью Дракона, способен на многое, хе-хе-хе... — довольно закричал Гампо. — Скажите, вы когда-нибудь пробовали летать на драконе?

— Да, — сказал я.

— О! — уважительно округлил глаза Гампо. — А хотели бы делать это каждый день?

— Нет, — сказал я.

— Но почему?!

— Я это уже пробовал, — пожал плечами я. — Сейчас я хочу уехать вместе с Дианой.

Внизу у озера золотистый дракон выгнул спину, запрокинул голову и двумя могучими взмахами крыльев подбросил свое тело в воздух. Почти коснувшись кончиком крыла зеркальной глади озера Тцхо, императорский дракон заложил вираж и резко взмыл в небо, быстро набирая высоту.

— Не понимаю... — насупившись, покачал головой старый монах. — Отказаться от такого? Ради чего?

Я вспомнил мягкое живое тепло, что согревало меня прошлой ночью, улыбнулся своим мыслям и сказал:

— Не старайтесь... Давайте лучше обсудим, какой мир станет следующим кирпичиком в мою личность.

Рюкзак Диана уже упаковала, и сейчас, упираясь в него коленом, прижимала сверху скрученный рулоном спальник. Матрас и одеяла были сложены в углу кельи. Печка погашена, дверь на террасу аккуратно закрыта. Посреди комнаты сиротливо стоял горшок с эдельвейсом.

— Меня выдворяют, — сказала Диана, запихивая в карман рюкзака альпешток.

— Знаю, — сказал я. — Меня тоже.

Она присела, проверила, крепко ли зашнурованы ботинки, потом резко выпрямилась и рывком застегнула до самого подбородка молнию аляски. Волосы ее были заплетены в косу, губы поджаты в жесткую прямую линию. Глаза смотрели холодно, как два серых камушка.

— Ну вот и все, — сказала она. — Давай прощаться.

— Не хочу, — сказал я.

Она пожала плечами.

— Рано или поздно, это должно было закончиться, — сказала она равнодушно. — Это всегда заканчивается. Главное — не усложнять. Просто... не судьба.

— Я не верю в судьбу.

— Это не имеет ни малейшего значения.

— Ты кое-что забыла, — сказал я, показывая на эдельвейс.

Диана обернулась, поглядела на цветок и еще сильнее стиснула губы.

— Я путешествую налегке, — сказала она. Нижняя губа, вопреки всем ее усилиям, начинала предательски подрагивать. — Ты, насколько я помню, тоже.

— Да, — кивнул я. — Но не в этот раз.

Я прошел мимо Дианы, нагнулся и поднял цветок.

— Его надо будет пересадить в горшок побольше, — сказал я.

Тут она не выдержала.

— Нас ведь отправят в разные миры! — воскликнула Диана с ноткой зарождающейся истерики в голосе.

— Могут, — спокойно сказал я. — Если мы захотим.

— А если... если не захотим? — В ее глазах заблестели слезы.

Я подошел к ней вплотную и заглянул в эти крошечные серые озера, увидев на дне свое отражение.

— Ты любишь меня? — спросил я. Она промолчала. — Ты веришь мне? — Опять молчание. Слезинка скатилась по ее щеке. — Ты пойдешь со мной?

— Да! — выкрикнула она, и тогда я поцеловал ее.

ПЕРЕХОД

Кроме нас в вагончике никого нет. Диана проходит вперед, тяжелые альпинистские ботинки громыжат по ребристому металлическому полу, усаживается на жесткую деревянную скамью. Я сажусь позади нее, по другую сторону прохода. Она отворачивается и смотрит в заиндевевшее окно. Мне не видно ее лица: только золотистый завиток волос на виске, и пар от дыхания.

Этой веткой канатной дороги явно не пользовались уже много лет. Дерево расколось, металл весь в потеках ржавчины, казенная зеленая краска стен шелушится. Снаружи прокашливается дизель, и вагончик заполняется сизым дымом и вонью солярки.

— Поехали, — говорю я.

Вагончик качивается, и шестерни на крыше, до сих пор застывшие в густом желе солидола, с утробным стоном приходят в движение. С обледенелого троса срываются острые клинья сосулек. Станция медленно уплывает назад.

Диана оборачивается и смотрит на меня оценивающе.

— Ты думаешь, у нас получится? — спрашивает она.

— Все может быть, — говорю я.

— Если мы протянем до зимы, у нас есть шанс, — негромко говорит она.

Я молчу. Вокруг вагончика — холодный туман, поднимающийся со снежных шапок. Солнца нет, и все вокруг окутано серой мглой. Набрав скорость, вагончик скользит по тросу почти равномерно и иногда трудно понять — движется ли он вообще. Я смотрю во мглу и машинально потираю грудь.

— Как ты думаешь, куда мы попадем? — спрашивает Диана.

— Тебе там понравится, — уверенно говорю я.

— А тебе?

— Не знаю. Я никогда там не был.

Из серой мглы выныривает мрачный утес — так близко, что кажется, будто вагончик вот-вот чиркнет днищем по острому каменному краю. На утесе восседает запорошенная

снегом статуя дракона, стража Шангри-Ла. Дракон древен, как само время. Камень, из которого он вытесан, весь в мелких трещинах, и начинает крошиться от старости.

Когда вагончик проплывает мимо каменного гиганта, дракон открывает свои желтые глаза и провожает меня грустным взглядом.

ТАРТЕСС

— А как быть с бессмертием? — спросил Хрисаор.

— Простите? — удивился я.

Стоял теплый и ясный денек, солнышко пригревало еще совсем по-летнему, и ветер шуршал в кронах могучих столетних дубов, срывая и кружа в воздухе большие желтые листья, и принося с собой свежесть, напоенную горечью осенних ароматов — дыма и тлена. Сегодня мне не хотелось проводить экзаменационный диспут в пыльной и душной аудитории, и я вытащил группу на природу. Мы расположились на укромной лужайке возле пруда, в котором били хвостом зеркальные карпы, и журчал, каскадом сбегая по искусно выложенным камням, крошечный водопад.

— Бессмертие, — повторил Хрисаор, юноша не столько умный, сколько назойливый и любопытный. — На лекциях вы говорили, что каждый мир уникален, и, несмотря на взаимопроникновение культур при торговле или войнах, различия в менталитете и жизненных ценностях останутся навсегда. Но как быть с бессмертием? Ведь это универсальная мечта всех людей — жить вечно!

— Ничего подобного, — пожал плечами я. — Спросите, к примеру, что думают о бессмертии священник из Монсальвата, лама из Шангри-Ла, амазонка из Ральеха или викинг из Нифльхейма — и получите четыре разных ответа...

— Но суть, суть-то остается прежней! — не унимался Хрисаор. — Все люди боятся смерти, и ищут пути побороть этот страх...

— Не все, — перебила его Гелика. — Иначе как быть с культом героической гибели в Меггидо или почитанием духов предков в Казр-Исе?

— Это тоже укладывается в мою теорию! — заявил Хрисаор.

Улыбнувшись, я сорвал травинку и сунул ее в рот. Теории болтуна Хрисаора умничка Гелика повергала в пух и прах с помощью своего острого ума и попросту неприличной (по мнению многих) для девушки начитанности. Изящная и невинная, как молодая лань, Гелика уверенно перехватила нить диспута, набирая столь драгоценные баллы. Я же тем временем лег на спину, закинул руки за голову и посмотрел в бездонное синее небо.

Близился конец триместра, и мои студенты из кожи вон лезли, доказывая глубину и широту своих познаний об иных мирах единственным доступным им способом — болтовней. Из всех умений в Тартессе превыше всего почиталось искусство красиво говорить. Слова здесь ценились гораздо выше поступков, и абсолютно не важно было, что человек делал и как жил,

если он умел грамотно и связно излагать свои мысли — даже если мысли эти были банальны и пусты, как желудди.

— И всегда, будь то реинкарнация или рай и ад, речь идет о бессмертии души! — с жаром доказывала Гелика. — Любая религия отвергает мысль о вечном существовании тела, заставляя людей отказываться от плотского ради вечного...

— Не знаю, не знаю... — рассеянно пробормотал я, и диспут мгновенно утих. — Душа — материя тонкая, она изнашивается первой. А вот тело, оно покрепче будет...

Гелика испуганно захлопала глазами. Чем-то она напоминала Ребекку из Гиннома — и внешностью своей, и умом, который при всей своей остроте от рождения был ограничен рамками одного мира и оттого с трудом воспринимал иные точки зрения на привычные вопросы.

— Как это? — переспросила она.

— А вы представьте себе человека, чья душа давно умерла, а тело продолжает странствовать между мирами. Человека, который сменил так много миров, оставляя в каждой частицу себя, и так много имен, что забыл, кто он на самом деле. Человека, которому нет места ни в одном из миров, и он вынужден скитаться вечно...

— Какой ужас... — воскликнула Левкофея, пухленькая экзальтированная блондинка. — Это же вечность, наполненная страданием!

— С какой стати? — возразил Хрисаор. — Страдает душа, а ее-то он уже потерял!

— Но... я никогда не слышала такой легенды, — робко сказала Гелика. — Из какого она мира, господин Агасфер?

— Это апокриф, — сказал я, поднимаясь с травы и отряхивая брюки. — Я расскажу о нем на лекциях в следующем триместре. А на сегодня диспут окончен, оценки вы сможете узнать завтра у моей секретарши...

Кампус Тартесского университета занимал почти шесть гектаров земли, на которых размещались старинные учебные корпуса, помпезные актовые залы, музеи и выставки, огромные трапезные и крошечные кафе, дворики с фонтанами и уютные маленькие общежития, библиотеки и спортивные площадки, крытые бассейны, дубовые рощи с ручными белками, зеленые лужайки, голубые водоемы с горбатыми мостиками и тенистые аллеи, усыпанные сейчас опавшей листвой.

По такой вот аллейке, где ветви каштанов смыкались над головой, образуя золотисто-багряный туннель, пронизанный солнечными лучами, я и шагал к колледжу Св. Брендана, засунув руки в карманы брюк и держа портфель под мышкой. Навстречу мне небольшими стайками брели студенты в клубных пиджаках и полосатых галстуках, загребая ногами палую листву. Почти у каждого за ухом был карандаш, а на лице — выражение крайней озабоченности сессией. И

каждый из них, а особенно молодые девушки в клетчатых юбках, считали своим долгом раскланяться с моложавым и стройным преподавателем, которому седина в волосах лишь придавала импозантности — как выяснилось из случайно подслушанного мною разговора двух студентов...

Мой курс лекций пользовался небывалой популярностью в университете, и дело, видимо, было не только в моей внешности. Никто из этих детишек никогда не покидал (и даже не собирался покинуть) родной Тартесс; тем не менее, они повально записывались на мой курс по культуре и обычаям иных миров, утверждая, что такие знания им просто необходимы для расширения кругозора. Но на самом деле — хоть я и не делился своей точкой зрения с коллегами — студентам просто было тесно на шести гектарах кампуса, и мои лекции давали им шанс хоть на время вырваться на свободу и увидеть край бесконечности...

Колледж Св. Брендана был красивым двухэтажным зданием из красного кирпича, с высокими сводчатыми окнами и портиком с дорической колоннадой, увитой диким виноградом. На фризе портика был барельеф, изображавший легендарного странника в углой лодчонке, а прямо над ним были окна моего кабинета.

По скрипучей лестнице я поднялся на второй этаж, вдыхая запахи мела и какао, миновал стеклянный стенд с кирасой и шлемом монсальватского рыцаря, вытащил из портфеля связку ключей и с удивлением обнаружил, что дверь моего кабинета не заперта. Внутри меня поджидал Евгаммон, заместитель декана.

— Прошу простить за вторжение, господин Агасфер, — робко сказал он, — но ваша секретарша была столь любезна, что позволила мне подождать вас в вашем кабинете...

— Пустое, коллега, — небрежно сказал я, бросая портфель на стол рядом со старинным глобусом и пачками рефератов. — Чем обязан?

Евгаммон застенчиво заулыбался, приглаживая зализанные через лысину редкие волосы. Был он низенького роста, с брюшком, одутловатым лицом и характером скромным, чтобы не сказать — трусливым. Студентов он боялся, как огня, а начальник, декан Ктеат, вселял в него священный ужас, хотя Ктеат был уже пятым деканом за двадцать лет у бессменного заместителя Евгаммона.

— Кхгм-кхгм, — откашлялся Евгаммон и начал торжественным тоном: — Дорогой коллега Агасфер! От имени кафедры изучения истории и культуры иных миров я имею честь поздравить вас с первой годовщиной пребывания в славных стенах Тартесского университета...

— Год? — удивился я. — Целый год? Ну да, я ведь приехал прошлой осенью... С ума сойти...

— И вручить этот... э... скромный подарок, — Евгаммон явно сбился с мысли, засмутился и вспотел. — Желая, чтобы еще много лет вы бы

могли... э... вы бы делились с нами своими уникальными познаниями... уникальными по глубине и... э... по широте.

Евгаммон покраснел, замолчал и, вытащив носовой платок, промокнул мокрый лоб.

— А подарок? — нагло спросил я.

— Ах да! — спохватился Евгаммон.

Он суетливо зашарил по карманам своего коричневого твидового пиджака и выудил небольшой предмет, завернутый в бумагу.

— Вот! — выпалил он, поставив подарок на стол, и буквально выскочил из кабинета, бросив напоследок: — Поздравляю!

Я хмыкнул, открыл портфель, стрел туда пачки тетрадей, взял подарок, оказавшийся неожиданно увесистым, покрутил его в руках и разорвал обертку.

Внутри был хрустальный шар на деревянной подставке, а в шаре был старинный город. Его узкие улочки и островерхие черепичные крыши были укутаны пушистым белым одеялом. Я встряхнул хрустальный шар, и снежный буран взвился над Нифльхеймом, погребая стылый и мрачный мирок в свирепой круговерти, сквозь которую я на мгновение увидел темную громаду Чертога, извилистую полосу скованной льдом реки, баржу с углем и горбатый мостик над ней...

Секунду-другую я смотрел на рукотворный снегопад, а потом бросил шар в портфель и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

От университета к городу вела всего одна дорога — петлистый серпантин, обвивавший пологие склоны горы Гимет, а кое-где и вгрызавшийся в нее короткими, хорошо освещенными туннелями. Мой фольксваген резво катил по этой шершавой асфальтовой ленте, солнце светило со стороны моря, мелькали за окном белые столбики дорожного ограждения, а навстречу мне то и дело с ревом проносились ярко-красные спортивные кабриолеты и проползали семейные фургоны со скутерами на крышах. Была пятница, и тартесситы единым потоком устремлялись прочь из города — к площадкам для пикников и кемпингам в дубравах Киферона...

Километров за пять до города я свернул с трассы на пыльную гравийную дорогу. Указатель у поворота скромно и лаконично гласил: «Ресторан «У Полипемона». В отличие от большинства придорожных кафешек, где старались накормить не столько вкусно, сколько быстро, у Полипемона придерживались старинных традиций тартесского гостеприимства. Достаточно сказать, что винные погреба этого маленького, в общем-то, ресторанчика, затерянного среди виноградников и пасек на южном склоне Гимета, уступали лишь погребам торгового дома Бассарея... Было загадкой, отчего Полипемон выбрал такое странное место для своего заведения — лично я предполагал, что все дело было в пейзаже.

Я припарковал фольксваген у самого парапета, заглушил мотор и вылез из машины. С моря налетал прохладный бриз, гравий шуршал

под ногами, и чуть слышно потрескивал, остывая, мотор фольксвагена. Где-то далеко внизу бился о скалы прибой. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз.

Отсюда, с края обрыва, был виден порт. Его нежно-лазоревою акваторию заполняли белые прогулочные яхты, среди которых были стройные парусники с высокими мачтами, юркие катамараны, крошечные ботики, неповоротливые плавучие казино и мощные обтекаемые катера на подводных крыльях. Трепетали на ветру вымпелы всех цветов и оттенков, а над ними высилась белоснежная громадина сennaарского круизного лайнера и темнела на заднем плане черная махина рльехского танкера, пришвартованная у нефтяного пирса. Еще дальше теснились местные рыболовецкие сейнеры и рейсовые теплоходы, среди которых затесалась странная серая субмарина под незнакомым флагом. А за всей этой пестрой картиной, от волнолома и до самого горизонта простиралась бирюзовая гладь Иберийского моря.

Я с сожалением оторвался от созерцания этого живописного полотна и, поглядев на часы, поспешил к ресторану. Опаздывать на встречу с господином Феагеном было бы невежливо...

— Господин Агасфер! — Феаген привстал из-за столика и протянул мне руку. — Очень рад лично познакомиться!

— Взаимно, — сказал я. Рукопожатие у него было крепкое, а улыбка — искренняя и белозубая. — Я не опоздал?

— Нет-нет, это я пришел раньше... Присаживайтесь! — предложил он, сдвигая в сторону стопку газет и освобождая место для меня в красном кожаном переплете, которое незамедлительно принес солидный седовласый официант в белом переднике и полосатом жилете.

— Должен сказать, что я здесь в первый раз, — сообщил Феаген, с любопытством оглядываясь по сторонам, — и если кухня не уступает обстановке, то уж точно — не в последний! Это место мне по душе...

— Мне тоже, — сказал я.

Это было правдой: интерьер «У Полипемона» был выдержан в манере семейных ресторанов с легким налетом старины и сдержанного классического шика. Клетчатые скатерти, беленные известью стены с вкраплениями нетесаного камня, черные подсвечники из кованого металла, мраморные пепельницы и мебель темного дерева с обитыми атласом подушками...

— Я, пожалуй, буду гирос и крестьянский салат с оливками, — поведал официанту Феаген, изучая меню. — И бутылочку вина, да, господин Агасфер?

— Увы, я за рулем, — сказал я. — Мне то же самое, кофе и булочки с медом. Рекомендую попробовать мед, — посоветовал я Феагену.

— Уговорили, — легко согласился тот, а когда официант забрал меню и

исчез, сказал: — Знаете, господин Агасфер, я не любитель ходить вокруг да около, и хотел бы перейти сразу к делу. Как вам такое предложение?

Я одобрительно усмехнулся. Феагену был молод, напорист и не скрывал своей корыстной заинтересованности в нашем разговоре. Это мне нравилось значительно больше, чем если бы он начал лицемерить и рассыпаться в комплиментах по поводу моих работ.

— Согласен, но при одном условии: вы перестанете называть меня господином. Просто Агасфера вполне достаточно.

— Договорились, — кивнул Феаген. — Итак, как вам известно, я представляю издательство «Керикейон» при Тартесском университете, в котором вы читали курс лекций по обычаям и культуре иных миров. Я хочу предложить вам сотрудничество.

Он взял стопку газет и покачал ее на руке.

— В последнее время иные миры все сильнее интересуют тартесситов. Так, уже полгода в верхних строчках колонки бестселлеров «Кроноса» держатся научная монография Мелампа Ономакрита «Причины гибели Ирама» и двухтомный академический труд «История Тортуги» профессора Поликрата. За ними с большим отрывом следует дамский роман «Асфodelиевые поля» Персефоны Киркос, которая на днях выпустила новую книгу «Под солнцем Астлана»... Как видите, рядовой читатель сегодня готов даже продираться сквозь чудовищный канцелярит научных трудов, лишь бы побольше узнать о жизни в иных мирах, в то время как беллетристики только лишь начинают заполнять эту нишу. А ваши публикации, Агасфер, читаются ничуть не хуже приключенческих романов!

— И что же вы предлагаете? — спросил я.

— Полторы тысячи драхм авансом, еще пять — после публикации. Тематика — на ваше усмотрение, кроме тартесского быта. Форма — любая, от научно-популярной до бульварной. Твердая обложка, тираж до двадцати тысяч. При дополнительных тиражах — процент с продаж. Вот типовой контракт...

— Заманчиво, — сказал я. — Мне надо подумать.

— Разумеется, — сказал Феаген и хищно улыбнулся. — Тем более, вот и наш гирос...

Когда я приехал домой, Диана возилась на кухне, громыхая сковородками и стуча ножом по доске со шноровкой... скажем так — не совсем поварской. Луковица и зубчики чеснока под мелькающим лезвием ножа быстро измельчались, чтобы присоединиться к своим сородичам, которые вместе с баклажанами уже зажаривались на сковороде.

— И что это будет? — спросил я, потянув носом воздух и обнимая ее за талию.

— Потерпи — узнаешь, — рассеянно ответила Диана, подставляя щеку для поцелуя. Руки ее от запястий и до локтей были вымазаны оливковым маслом и лимонным соком, а от нее самой пахло базиликом и орегано.

— У нас праздник? — спросил я.

— У нас гости, — сказала Диана. — Менандр и Арсиноя хотят поздравить нас с первой годовщиной пребывания в Тартессе. Переоденься, приberi во дворе и достань мангал.

Я вздохнул, выпустил ее гибкую талию и побрел в свой кабинет. Там я вытащил из портфеля контракт Феагена и студенческие рефераты, ткнул пальцем в кнопку питания компьютера и, пока тот загружался, сменил пиджак и галстук на удобную домашнюю кофту, которую Диана связала мне прошлой зимой. Потом сел проверить почту. Среди кучи бессмысленного спама было всего два интересных письма: в одном была хвалебная рецензия декана кафедры на мою статью о деятельности гуманитарных миссий Тифарета в отсталых мирах (рецензия заканчивалась пожеланиями поскорее приступить к написанию диссертации), а в другом меня приглашали прочесть курс лекций в колледже Св. Иоанна на курортном острове Патмос. Я распечатал оба письма, положил их рядом с контрактом и вышел в сад, прихватив из чулана перчатки, грабли, брезент и рулон пленки.

Из-за конца триместра я уже больше недели не подметал газон от листвы, которая густо осыпалась с живой изгороди, забивая стоки бассейна и погребая под собой дорожки из плоских белых камней, и сейчас меры требовались решительные. Все сухие листья я сгреб в брезент и вынес на мусор, а те, что уже начали подгнивать, отправил на клумбу, к розовым кустам — предмету особой Дианиной гордости. Бассейн я накрыл прозрачной пленкой, вытащил из чулана мангал, засыпал в него древесного угля из бумажного пакета, щедро вспырыснул бензином и, опершись на грабли, закурил, бросив спичку в мангал.

Смеркалось; воздух становился прохладным, а небо — синим, как кобальт. Я курил не спеша, наблюдая, как прогорает уголь в мангале, постреливая искрами в небо и помигивая рубиновыми огоньками под серой корочкой пепла. Вечер обещал быть спокойным и тихим. В такие вечера мне особенно хорошо работалось, и я мог просидеть за компьютером до глубокой ночи...

Но на сегодня у нас была другая программа. Когда хлопнула калитка, я выбросил сигарету, изобразил на лице приветливое выражение и пошел встречать гостей.

Мошкарка билась в цветные стекла садовых фонарей, стрекотали в кустах цикады, висел в небе тонкий серпик луны, а из-за приоткрытой двери гостиной доносился негромкий джаз.

— Кто это играет? — спросил, вытирая жирные губы, Менандр.

Сувлаки и салаты уже были съедены, и было выпито две бутылки карменера. Насытившись, шумный толстяк Менандр, весь вечер донимавший нас бородатыми анекдотами, наконец-то слегка притих.

— Оркестр Унута Джебути, — сказал я.

— А! — кивнул Менандр с таким видом, как будто бы ему это о чем-то

говорило, и запустил свои толстые пальцы в коробку с асланскими сигарами, столь неосмотрительно выставленную Дианой на стол.

— Знаете, чего я не понимаю? — спросила Арсиноя. — Как вы запоминаете все эти иностранные имена! Я сейчас читаю новый роман Персефоны Киркос, и от всех этих Чапультепексов, Хочимилько и Теспайокан у меня разыгрывается мигрень...

Маленькая щуплая питалица Арсиноя красила волосы в вишневый цвет, повадки имела птичьи, и была к тому же непроходима тупа. Последнее было единственным обстоятельством, которое объединяло ее с мужем.

— Это моя работа, — пожал плечами я, раскуривая панателлу.

— Работа? — прогудел Менандр. — А по-моему, Агасфер, это очень вредная работа!

— Не жалуясь... — сказал я недоуменно.

— Да не для вас! — отмахнулся Менандр. — Для студентов! Я не имею ничего против науки в целом, но ваши изыскания, статьи и лекции об иных мирах прививают нашей молодежи чуждые космополитические ценности!

— Ну-ну, дорогой, — защебетала Арсиноя, — ты слишком резок в суждениях...

— Ничего подобного, — сказал Менандр, и я понял, что он уже изрядно пьян. — Сперва дети слушают лекции про всякие там Шангри-Ла, потом начинают бредить иными мирами, а потом убегают из Тартесса! А этот шаг, Агасфер, обратного хода не имеет! Вернуться в Тартесс невозможно!

Диана вздрогнула и сжала мое запястье. Я погладил ее по руке.

— А вы не думаете, что они могут не захотеть возвращаться? — спросил я.

— Чувш! — отрезал Менандр. — Тартесс — лучший из миров!

— Да-да, — подтвердила Арсиноя. — Не представляю, чтобы я смогла жить где-нибудь еще!

— А вы пробовали? — тихо спросил я.

Менандр замолчал и уставился на меня, тяжело дыша. Я с холодной улыбкой встретил его взгляд. Через пару секунд Менандр отвел глаза в сторону, и я с чувством глубокого удовлетворения затянулся сигарой.

— Кто-нибудь хочет еще кофе? — спросила Диана.

Перед сном я в одних пижамных штанах прополз в ванную, умылся, почистил зубы и, скривив физиономию, посмотрел в зеркало на свое намечающееся от оседлой жизни брюшко. Еще пару лет, и я догоню Евгаммона...

Когда я вернулся в спальню, Диана лежала в постели с книжкой и демонстративно не обращала на меня внимания.

— Что читаем? — поинтересовался я.

Диана показала мне обложку, на которой мускулистый бронзовокожий метис сжимал в объятиях полуобнаженную девушку. «Под солнцем Аслана», гласило название, автор Персефона Киркос.

— Взяла у Арсиной? — спросил я, забираясь под одеяло.

Диана молча кивнула, не отрываясь от чтения.

— Ну прости, — сказал я виновато и чмокнул ее в плечо. — Ну пожалуйста! Не удержался...

Она отложила книжку и посмотрела на меня задумчиво.

— Иногда я думаю, — сказала она, — что ты здесь только потому, что никогда не пробовал оседлой жизни. Что для тебя все это — всего лишь новый опыт в бесконечной погоне за ощущениями...

— Не говори чепухи, — сказал я строго.

Грустно улыбнувшись, Диана коснулась ладонью моей щеки.

— Хотела бы я, чтобы это было просто чепухой...

— Давай спать, — сказал я и дернул за шнурок бра.

Спальня погрузилась в полумрак, подсвеченный снаружи уличными фонарями. Их серебристый свет падал на потолок спальни ровным прямоугольником. Диана поворочалась, устраниваясь поудобнее на моем плече, и сказала сонно:

— Мне все время кажется, что все, что было до Тартесса — вся моя прошлая жизнь — была всего лишь сном, и что только сейчас я начала жить по-настоящему... У тебя такое бывает?

— Да, — сказал я.

Это было правдой лишь отчасти: весь последний год меня преследовало ощущение, что я не живу, а сплю.

Я почувствовал, как Диана улыбнулась. Потом она приподнялась на локте и заглянула мне в глаза.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я знаю, — сказал я. — И я тоже тебя люблю.

Она положила руку мне на грудь и провела пальчиком по тонкой белой полоске шрама.

— А почему ты никогда не рассказывал мне, откуда у тебя этот шрам? — спросила она.

— Потом расскажу, — пообещал я и стал ждать, пока она уснет.

Труднее всего было выбраться из ее сонных объятий. Спала она беспокойно, бормоча что-то во сне и закидывая на меня то ногу, то руку. Наконец, она отвернулась, обхватила подушку и засопела ровно и неглубоко, а я осторожно выбрался из кровати.

Перед тем, как выйти из спальни, я обернулся и посмотрел на Диану.

...Самым страшным было то, что я действительно любил эту женщину — любил так, как не любил прежде никогда и никого, и знал, что полюбить опять уже не смогу; но то, что двигало мной, было сильнее любви — и сильнее меня...

Я спустился в кабинет и ошупью, не включая свет, достал из шкафа и надел джинсы, свитер и свою старую, трещащую по всем швам и потертую до состояния замши кожанку. Потом обулся в удобные мокасины и залез в портфель, чтобы переложить в карманы куртки паспорт, бумажник,

зажигалку, складной нож и подаренную Дианой серебряную фляжку с коньяком. Моя шарящая в портфеле рука вдруг наткнулась на что-то холодное и твердое.

Это был хрустальный шар с Нифльхеймом. Я поставил его на каминную полку рядом с засохшим эдельвейсом и, не оглядываясь больше, вышел из дома.

Мне пришлось пройти пешком три квартала — по тихим, ухоженным, хорошо освещенным улицам Тартесса, прежде чем мне на глаза попался оранжевый маячок такси.

Я махнул рукой, и таксист с готовностью подрулил к тротуару. Я сел на заднее сиденье и захлопнул дверцу. Водитель вопросительно посмотрел на меня.

— В порт, — сказал я.

Житомир
20.11.2004 — 15.09.2005 г.

ОЛЕГ СИЛИН

СУЕТА ВОКРУГ МЕШКА

А

лекс проклял мобильник. Модель во всех отношениях замечательная, но с одним недостатком: обязательно звонит не вовремя. Вот и сейчас, когда его рука уже опустилась на спину Ольги, и девушка с прищуром смотрела на него, ожидая продолжения — зазвонил телефон.

Имперский марш из «Звездных войн» мало подходил к столь романтической обстановке: Алекс и Ольга на диване, в квартире никого, за окном — снежный вечер 29 декабря.

Парень виновато взглянул на Ольгу и сбросил вызов. Подумав, переключил телефон на вибровозвон. Никаких срочных дел не ожидалось.

— Извини, — улыбнулся он.

— Ничего, — ответила она, — бывает.

Он потянулся к ней и был остановлен звуком вибросигнала. Ольга наморщила нос:

— Я когда-нибудь утоплю твой телефон.

— Я сделаю это раньше, — мрачно пообещал Алекс.

Они целовались. Телефон жужжал не переставая. Алекс чувствовал, как с каждым очередным звуком начинало болеть в висках. Ольга отстранилась.

— Нет, это невыносимо. Ответь — и пусть катятся к чертям.

Алекс схватил мобильный. Неизвестный номер. Сейчас кто-то получит билет в прекрасное далёко.

— Да! Какого чёрта...

— И тебе добрый вечер, — услышав голос шефа Зверинецкого Роя, Алекс чуть не выронил телефон.

— Э-э-э... здравствуйте.

— Так-то лучше. Я тебя отвлёл?

Парень оглянулся. Мрачная Ольга сидела в уголке дивана.

— Как бы так сказать... в некотором роде да.

— Очень жаль. Но есть срочное дело. Надо съездить в Борисполь и встретить одну гостью. К нам прилетает Кейра Морриган.

— Шеф... а никто другой не сможет это сделать? Например, Роланд или Кристиан. Они же по-английски лучше говорят.

— Роланд в Швеции, Кристиан где-то под Кёльном. Возьмёшь такси, — Алекс понял, что шеф решение уже принял и теперь лишь излагает инструкции, — его мы оплатим, не беспокойся. Привезешь Кейру в город,

предложишь отель на выбор. Она ещё не решила, в каком остановиться. Пригласишь её к нам в любое удобное время. Будешь любезен и приветлив. И передавай от меня привет своей девушке. Как её, Света?

— Ольга, — буркнул Алекс.

— Никак не могу запомнить. Часто они у тебя меняются.

«Это потому, что на меня постоянно такие задания валяются», — подумал Алекс, но в трубку сказал:

— Вас понял, шеф. Разрешите выполнять?

— Вперёд.

Шеф отключился. Алекс повернулся к девушке.

— Оленька, тут... работа привалила.

— Конечно, — ответила Ольга. — Да, конечно, я всё понимаю. Всё-всё. Больше этим некому заняться и только самый ответственный ты можешь спасти мир.

— Оль...

— Собрался идти, вот и иди.

— Извини.

Алекс наклонился к девушке, чтобы поцеловать её, но та отвернулась к стенке.

Вдохнув, парень стал собираться. Собрал рассыпавшиеся волосы в хвост, обулся, надел куртку.

— Не дуйся, пожалуйста. Я скоро.

— Шефу привет. И этой... Кейре тоже.

Уже в подъезде Алекс понял, что Ольга слышала весь разговор. Чертов замечательный мобильник.

***

Суэта терминала «Б» раздражала. Повсюду сновали люди с сумками — желающих встретить новый год в тёплых краях становилось всё больше. Милиция, носильщики, уборщицы, стюардессы — взгляд Алекса следовал за девушками в не по-зимнему коротких юбках — вновь люди с сумками, встречающие, провожающие. Ужасная атмосфера.

Шеф, конечно, молодец. Но злиться на него себе дороже. Всё-таки Алекс — один из самых молодых вампиров. Самый перспективный, как утверждает шеф, но равно и молодой.

Объявили приземление рейса из Дублина. Ждать оставалось не так долго.

Наконец, в воздухе почуялся след вампира. Люди засновали ещё быстрее. Алекс не раз замечал этот эффект, когда работал в паре с Кристианом: обычно от «европейцев» люди шарахаются, в отличие от «славян».

По свободному от людей пространству шла она. Вся суэта аэропорта, казалось, стороной обходила статную девушку с рыжими волосами по пояса. Полы длинного пальто развевались, а прищуренные глаза как будто искали жертву прямо в зале ожидания.

Гостя безошибочно выделила Алекса из толпы.

— Привет, я — Кейра. Спасибо, что встретил.

— Привет, меня зовут Алекс. Очень приятно. Правда. Очень.

Он залился на себя за корявые фразы из школьного учебника. Уж очень хотелось произвести благоприятное впечатление на рыжую ирландку, но на ум лезли только «Зэр а мэни флауэрс» и «Зе сан из шайнинг».

— Алекс, отлично. Показывай дорогу. — Кейра вручила ручку от сумки на колесиках и потрепала смутившегося парня по плечу. — И не дрейфь. Я не кусаюсь.

Гостя усмехнулась. На секунду во рту сверкнул белоснежный клык.

По пути из аэропорта Алекс пересказал любопытной Кейре не менее трети путеводителя по Киеву. Вампирша развалилась на заднем сидении «Мерседеса» и выглядела уже не роковой красавицей, а бизнес-леди средней руки. Впечатление усиливалось очками, надетыми при выходе из здания.

Вояж по гостиницам несколько затянулся. Ирландка отказалась от «Интерконтинентала», «Хайятта» и «Рэдиссона» (не могу же я жить спокойно возле церквей!), «Украину» она отбросила, едва завидела здание, но «Премьер-палац» её удовлетворил.

— Если вам что-либо нужно, обращайтесь. Шеф приглашает вас в Красный Замок, это штаб-квартира Роя, в любое удобное время и будет рад встрече...

— Что же он сам не приехал?

— Дела... — парень развёл руками.

— Видимо, сильно занят, да Алекс? Наверное, и у тебя есть дела? Или нет? На чашечку кофе заглянешь, или как?

— Ммм... — в голове всплыл образ Ольги. Парень с трудом оторвал взгляд от зелёных глаз Кейры. — Пожалуй, нет. Спасибо за приглашение. Увидимся в Красном Замке.

— Тогда пока, Алекс. Хорошей охоты.

Морриган усмехнулась закрытой двери. Хорошую смену растит Властимир, через сотню лет будет вампир не из последних.

***

Утро, то есть время после полудня, обещало приятные впечатления. Алекс допивал чай с воздушным яблочным пирогом и собирался идти к Ольге. Вчерашний часовой разговор всё же удался: девушка не дулась и пригласила в гости.

Алекс доел пирог и только потянулся к телефону, чтобы позвонить Ольге, как аппарат сам прыгнул ему в руки с тем самым «Имперским маршем». Парень обречённо вздохнул и ответил:

— Да?

— Здравствуй, Алекс. Не разбудил?

— Здравствуйте, шеф. Нет. Я как раз собирался...

— И хорошо, что собирался. Приезжай в Красный Замок, у нас намечается одно не самое приятное дело. Жду.

Телефон замолк. Алекс устался на стенку. Кажется, планы не только на вечер, но и на все новогодние праздники отменяются. Если уж Властимир говорит, мол, дело неприятное, то оно действительно будет сложным и вряд ли решаемым за два-три часа. Это не в аэропорт стонать.

***

С Ольгой объяснить не удалось, и Алекс брёл по заснеженным дорожкам ботанического сада, грустно напевая «Я свободен». Темнело, над городом висело желтоватое зарево от иллюминации. Алекс прошел через ельник и, миновав охранную полосу, вывалился на поляну перед Заком. Свет из окон яркими квадратами ложился на свежий снег. Алекс знал, что большинство окон на самом деле заложено кирпичом и свет из них не более чем маскировка.

Где-то неподалёку заржала лошадь. Молодой вампир удивился: сезон катания давно уж закрыт. Руководство сада перед новым годом решило подзаработать, что ли?

Внутри Замка оказалось полупустынно. Обычно Алекс встречал нескольких вампиров сразу в холле. На первом этаже всегда крутилось множество мелких кровососов, пришедших по своим мелким делам или за разрешением на охоту.

На втором располагались эксперты и оперативники, там Алекс бывал чаще всего. Но сейчас он шёл на третий этаж — к Властимиру. Шеф Зверинецкого Роя устраивал совещания прямо в своей гостиной, он без симпатии относился к современным конференц-залам.

Ещё на лестнице Алекс услышал приглушенные голоса и заторопился. Дверь в гостиную была распахнута, внутри царил полумрак. Комната освещалась неяркими лампочками, встроенными в шкафы. На низких диванчиках сидели Михаил, Илько и начинающая ведьма Нина. Шеф развалился в кресле, положив ногу на ногу. Во втором кресле, обычно пустующем, сидел высокий старик с длинными седыми волосами, седой бородой, ниспадающей на грудь, одетый в нечто, напоминающее старинный кафтан. Ярко-голубые глаза старика, цвет которых был замечен даже в полумраке, смотрели холодно, спокойно и оценивающе. Алекс поёжился. Даже взгляд непосредственного начальства был приятнее.

— А вот и Алекс! — воскликнул Властимир. — Проходи, садись. Кажется, больше мы никого не дождёмся в эту пору.

Парень мысленно вздохнул. Неужели остальные сумели отказать шефу? Старик кивнул.

— Не слишком ли они молоды?

— Зато разумом быстры, уважаемый Зимник.

— Твоя воля.

Властимир повернулся к оперативникам и представил старика:
— Рой, знакомьтесь. Это — дед Мороз.

В гостиной стало тихо. Вампиры осмысливали услышанное. Только Нина пискнула:

— Настоящий?

— Конечно, настоящий, — ответил Зимник. — Не лицедей какой. Дед Мороз поневоле и по воле своей. К тебе, деточка, я даже приходил, зим эдак пятнадцать назад. Сейчас, конечно, и без меня справляются, но чтобы они делали, кабы меня не было? То-то же.

— Зимник следит за новогодним ритуалом там, где верят в деда Мороза, — пояснил Властимир, — и облегчает его выполнение. Сам же дарит только особые подарки.

— Заветные, — уточнил старик.

— Заветные подарки вручает сам лично. Для этого у Зимника есть чудо-мешок. Он исполняет желания, в нём всегда оказывается заветный подарок. В Киеве Зимник не просто так, он решил посетить ёлку для сирот. Представление состоится первого января в двенадцать часов. Дня. Но есть одна проблема, — Властимир взял паузу, — у Зимника украли чудо-мешок.

— Как? — выдохнул Илько.

— Вот нам и предстоит выяснить как, и, особенно, где он теперь. Мешок находился в доме, на нем стояла ледяная печать. Собственно, только хозяин мог его увидеть. Хозяин — или кто-либо равный ему по силам. В дом никто не заходил, в нём находились только Зимник и его внучка. Мешок исчез этой ночью. На то, чтобы его найти, у нас, — Властимир глянул на часы, — есть чуть меньше двух суток. Вопросы, предположения, идеи?

Оперативники молчали. Алекс повертел головой и рискнул задать вопрос:

— Мешок ещё как-то охранялся?

— Человеку его не видать, — прогудел Зимник. — Обычно этого хватало. Здесь, в Киеве только Мирко может его почуять. Это из тех, кого я знаю.

Алекс не сразу понял, что так старик назвал Властимира.

— Значит, всё же ограбление. Интересно, с какой целью... — шеф встал и начал рассказывать по гостиной, потирая подбородок. Думаю, нам нужно двигаться в двух направлениях. Первое — составить список тех, кто находился в Киеве в эту ночь и теоретически мог увидеть мешок. Этим займутся Илько и Миша. Второе — осмотреть место происшествия. Я, Алекс, Нина.

Шеф круто повернулся.

— Надо ж вас натаскивать. Зимник, вы остановились там же?

— Как и последние разы — в Пуще-Водице. Правда, в другом доме, старая дача оказалась занята.

— Так, отлично. Едем. Моя машина в гараже.

— Мирко, мои же сани на заднем дворе. Полетим.

***

Во дворике действительно стояли большие сани с тройкой лошадей. Алекс понял, откуда шёл звук, смутивший его при подходе к Замку. Он посадил Нину и перевалился через бортик сам, в большое отделение, где, по-видимому, и перевозился украденный мешок. Зимник и Властимир устроились на облучке. Старик, надевший синюю шубу, шапку и рукавицы, был до одури похож на деда Мороза со старых картинок. Видимо, они на самом деле рисовались с натуры.

— Готовы? Трогаемся.

Кони, почуяв хозяйскую руку, заржали и пустились рысью. Сани подпрыгнули и вот уже под ними мелькают заросли ботанического сада, через мгновение сменившиеся яркими огнями улиц.

— Отлично! Правьте чуть левее, уважаемый Зимник! Вон на ту вышку! И лучше нам подняться, а то с ней встретимся!

Сани рванулись вверх, а желудок Алекса — вниз. Рядом то ли от ужаса, то ли от восторга визжала Нина. Алекс решил к ней присоединиться:

— Эге-гей! Оооо!

Шеф ухмыльнулся и запустил в небо фейерверк.

Под ними летел нарядный праздничный Киев.

***

Сани плюхнулись во дворе небольшого домика на 14-й линии. Властимир, всю дорогу наплевательски относившийся к многометровой бездне, при посадке выпал из саней и теперь, насвистывая, лежал в сугробе. Можно было с уверенностью сказать — главный вампир сделал это исключительно по своей воле, чтобы пощекотать нервы.

Зимник отвел лошадей, распахнул дверь домика и произнес необходимые слова:

— Проходите, и будьте гостями.

Нина вошла первой, за ней Алекс. Властимир задержался на пороге.

Их встретила тоненькая девушка, одетая в чёрный облегающий свитер и голубые джинсы. Светлые волосы стянуты в хвост, а синие глаза едва ли не ярче, чем у Зимника.

— Моя внучка.

— Снегурочка? — спросила Нина.

— Марьяна, — ответила девушка и протянула руку. — Когда дедушка работает — Снегурочка.

Алекс пожал узкую холодную ладошку. Пальцы немедленно заковенели и где-то внутри зажегся первый слабый огонек голода.

— Извини, — без эмоций сказала Марьяна. — Я больше так не буду.

Вошел Властимир.

— Здравствуй, Марико. Ты с каждым годом всё краше.

— Здравствуй, Мирко. Я знаю.

Маг-вампир осторожно поцеловал Марьяну в щёчку и повернулся к деду.
— Показывайте, где стоял мешок.

Зимник провёл гостей в небольшую комнату с плотно закрытым окном. Особым убранством помещение не отличалось: два кресла, между ними столик, на столике лампа. Возле одной из стен стоял шкаф, в другой был устроен камин.

Властимир подошел к окну, осмотрел его.

— Не похоже, что его открывали. Алекс, проверь с той стороны.

Парень выскочил в прихожую, по пути встретившись с холодным взглядом Марьяны. Да уж, совсем она не похожа на добрую Снегурочку. У Кейры взгляд и то теплее.

Снаружи лежал снег. Даже если следы и были — их давно уж накрыло свежей белой пеленой. Вampir принюхался. Нет, здесь явно никто не шпался.

— Тут чисто, шеф! — крикнул он в окно. Властимир кивнул, мол, возвращайся.

Маг-вампир тщательно исследовал комнату, проведя над всеми поверхностями растопыренной пятерней правой руки. Алекс раньше никогда не наблюдал, чтобы шеф так работал — полуприкрыв глаза и бормоча что-то под нос. Властимир задержал руку у лица Зимника, возле талии Марьяны, внутри шкафа и возле камина. Затем он рухнул в кресло, утер лоб и спокойно спросил:

— Стало быть, вы ничего не слышали?

— Я крепко спал после полёта, — ответил старик.

— Вы — да, понимаю. Марико?

— Я спала, — отрезала Снегурочка. — Среди ночи мне почудился какой-то стук, будто бы в трубе шумело. Он очень быстро прекратился, и я уснула опять.

Шеф Роя задумчиво разглядывал ногти на правой руке.

— Нина, что скажешь?

Молодая ведьма встрепелась.

— В эту комнату есть три входа: через дверь, через окно и через камин. Окно мы проверили — там никого не было. Алекс говорит, что наших здесь тоже не могло быть.

— Откровенно говоря, — перебил её Властимир, — из наших вампиров мешок мог утащить только я. Мне такую пакость делать незачем, о чем уважаемый Зимник знает.

Старик кивнул, соглашаясь.

— Конечно, незачем. Я ж его ещё с таких лет... Не он это, — запнулся дед Мороз, поймав укоризненный взгляд мага-вампира.

— Всем остальным понадобилось бы приглашение, да и воспользо-

ваться им смог бы, пожалуй, только Роланд. Он по-прежнему в Швеции, я запрашивал. Итак, Нина, что дальше? — подбодрил он ведьму.

— Значит, остаются входная дверь и камин. Дверь у нас заперта была?

— И не открывалась, — подтвердила Марьяна, забравшись на подоконник.

— То есть, мы приходим к камину. Некоторые ведьмы способны левитировать. Прилететь на метле, сесть на крышу, опуститься по трубе, забрать мешок, взлететь обратно и смыться.

— Допустим! — вскочил Властимир. — Но зачем?

Девушка смутилась и покраснела.

— Видите ли, шеф... Когда уважаемый дед Мороз, ой, то есть Зимник, рассказывал о мешке, я первым делом подумала, что это кто-то из ведьм его стащил, чтобы под новый год шмоток набрать. Ну, или бутик открыть.

— Что открыть? — переспросил дед Мороз.

— Магазин одежды, деда, — хмыкнула Марьяна. — Отстал от жизни.

— Зато ты больно уж бойкая!

— Стоп-стоп, — осадил их маг-вампи́р. — Идея у Нины любопытная и требует проверки. Сейчас мы проведём экспресс-допрос.

Властимир вытащил мобильник и набрал номер.

— Лада? Привет. Властимир беспокоит. И тебя с наступающим. Нет-нет, у меня уже есть планы на новогоднюю ночь. Что? Лада, у тебя не найдется столько девственниц. Найдется? Хм... я подумаю.

Шеф закатил глаза.

— Лада, у меня короткий и очень быстрый вопрос. Я слышал, кто-то из вашей сестрин бутик собирается открывать. Не ты ли, часом? Странно, я думал ты. Ну, дай мне знать, если вдруг кто-то из твоих решил заняться. Да кровные интересы, понимаешь, — последнюю фразу Властимир произнес с кавказским акцентом.

— Всё, чмоки. Услышимся.

Он спрятал мобилку в карман.

— Решение, описанное Ниной, может осуществить верховная ведьма или её первый круг. Лада не слышала, чтобы кто-то из близких ведьм собирался открывать магазин шмоток. Это направление мы пока отставим. Конкуренток наша верховная ох как не любит, так что мы тут же узнаем, если кто-то всё же решился. Ещё версии?

Марьяна криво улыбнулась. Нина с обожанием уставилась на шефа. Тот поманил её пальцем.

— Левитировать уже научилась?

— Немного.

— Иди сюда, я помогу. Попробуй выбраться на крышку.

Девушка втиснулась в камин, чихнула.

— Как же там... А, вот. Аллевия! — выкрикнула она. С порохом и клу-

бами пыли ведьма скрылась в трубе, чтобы через полсекунды выпасть из камина с рассеченным лбом.

— Там... ой... там прут... железный... у-у-у.

Властимир подхватил Нину на руки и отнес в кресло. Алекс при виде крови ощутил, что уже совершенно не прочь поест. Это понял и шеф.

— Алекс, спокойно. Держи себя в руках, как я учил. Марьяна, помоги нам. — Маг-вампир забыл о фамильярном «Марико». — Сделай ей компресс.

Снегурочка пожала плечами, подошла к креслу и положила ведьме руку на лоб. Тотчас струйка крови застыла, а Нина перестала всхлипывать.

— Хорош! Стоп!

Светловолосая медленно убрала руку. На секунду её морозно-синие глаза встретились с тёмными зрачками Властимира.

— Как. Скажешь. — И вернулась к подоконнику.

— Так, версию о ведьмах временно признаём несостоятельной. И Нину отправляем домой отдохнуть. Алекс, вызови такси.

Пока молодой вампир разговаривал с диспетчером, Зимник осведомился:

— Что теперь, Мирко?

— Круг подозреваемых сужается. Это должно быть существо, способное проникнуть в дом — раз, не напороться на прут — два, увидеть мешок — три и унести его — четыре. Сейчас мне передадут список, и мы последовательно изучим круг наших подозреваемых.

Властимир снова вытащил мобильный.

— Илько? Список готов? Давай на почту. Жду.

Потыкав стилем по экрану, шеф Зверинецкого Роя изучил файл и наморщил лоб.

— Да, любопытно выходит. Всем четырем критериям удовлетворяют лишь... вороны.

— Но зачем им мешок? — удивился вернувшийся Алекс.

— Понятия не имею, — честно признался Властимир. — Они же птицы, у них своя логика. Такси вызвал?

— Да, едет.

— Отлично, заодно и нас подбросят в город. Только нас пятеро...

— Марьяна не едет, — звучно сказал Зимник. — Внучка, останешься, присмотришь тут...

— Конечно, дедушка. Как скажешь.

Алекс поёжился, вспомнив, с каким ледяным вызовом Снегурочка говорила эти слова Властимиру.

На улице просигналило такси.

Дворик на Рейтарской видел немало колоритных людей. Так что компания из деда Мороза, мужчины среднего роста в коротком пальто и высокого длинноволосого парня рокерского вида не слишком выбивалась из когорты

посетителей. Разве что время для визита они выбрали более чем странное — полночь с 30 на 31 декабря.

За флигельком пряталась большая клетка, сделанная из крупноячеистой сетки. Внутри клетки стояли несколько тазиков и росло небольшое дерево. Властимир легонько постучал по сети ладонью.

— Вечер добрый, хозяева. Есть ли кто дома?

Из темноты появилась крупная птица. В тени её совершенно невозможно было заметить из-за иссиня-чёрного оперения. Круглые глаза с любопытством смотрели на мага.

— Здравствуй, Карлуша. Карл или Корвин дома?

Птица наклонила голову, казавшуюся бархатной из-за мягкого, чуть встрепанного оперения. Поточила клюв о сетку.

— Их нет, — раздался тихий женский голос. Клюв птицы оставался закрыт, звук возникал в воздухе сам по себе.

— Печально, — вздохнул Властимир. — Мы очень хотели с ними поговорить. Скажи, а прошлой ночью их тоже не было?

Карлуша не ответила. Перепорхнув на ветку выше, она уставилась на что-то за спиной пришедших.

Алекс обернулся. В небе цвета чая с молоком появилась стремительно летящая тень. Призрачно-тёмные крылья раскинулись на несколько метров, а голова ворона метила точно в парня. Он едва успел пригнуться, как взвихрённый туман просочился сквозь ячейки сетки и обратился в крупного, больше Карлуши, ворона.

— Карл, рад приветствовать!

— Что привело тебя к нам? — сухой спокойный мужской голос.

— Вопрос без ответа.

— Лучшие вопросы всегда остаются без ответов.

Ворон отвернулся.

— Подожди!

На вскрик Властимира во флигельке зажёгся свет, и из него выбрался помятый охранник с одутловатым лицом. Завидев компанию, он возмутился:

— Это чего вы тут, деды Морозы, делаете? Птицы спят давно, нечего тут шастать, всех будить! А ну, давайте отсюда!

Алекс знал этого мужика. Он больше всего любил мешать тем, кто приходит к воронам. Парень вопросительно глянул на шефа, чуть приподняв губу.

— Только немного, — тихо сказал старший вампир.

Алекс метнулся к мужику. Обычный человек чаще всего проигрывает в скорости вампиру, охранник не был исключением. После тычка в шею мужик обмяк.

Властимир отвернулся к Карлу.

— Извини. Издержки работы.

— Конечно. Мы тоже едим мясо.

— Карл, ты летал прошлой ночью?

— Ты же знаешь, Властимир. Я летаю каждую ночь.

— Тогда ответь, знаешь, где находится его вещь?

Маг указал на Зимника. Тот ударил посохом по асфальту — и поверхность немедленно покрылась льдом.

— Почтенный, — Карл слегка наклонил голову, — мы много слышали о вас. Нам без нужды ваша вещь. Мы — вороны, а не сороки.

— Я так и думал, — сказал Властимир. — Тогда, Карл, может, дашь нам совет?

Ворон долго смотрел на мага-вампира. Тот молчал.

— Тебе много лет, маг, но ты до сих пор не избавился от человеческой природы. Видишь препятствия там, где их нет. Иди.

Маг кивнул.

— Алекс, отнеси мужика обратно во флигель. Вороны, моё почтение.

Трое мужчин вышли из подворотни и задумчиво свернули к Георгиевской площади.

— Ты им веришь, Мирко? — спросил Зимник. — Может, надо было им перышки подморозить?

— Им — верю, — устало ответил старший вампир. — Эти птицы не врут. Они могут не ответить, или ответить так, что их не сразу поймешь. Но врать не будут.

Властимир свернул к «Ёжику в тумане» и поздоровался с деревянной статуей.

— Вот и мы в тумане. Подскажешь дорогу?

Ёжик смотрел на лошадку. Маг, взрывая свежий снег ногами, прошел к оградке и присел. Зимник и Алекс устроились рядом.

— Хорошо поел?

— Только чтобы клыки не росли на кровь, — ответил парень.

— Угу, молодец... Мысли на сытую голову появились?

— Нет пока.

— Ладно.

Зимник рисовал концом посоха узоры. Они вспыхивали неярким синеватым огнём и тут же растворялись в снегу.

— Нет препятствий? Кто может не заметить препятствие? — размышляя вслух Властимир.

— Те, у кого есть особое сродство, — прогудел дед Мороз. — Я вот могу через окно зайти, да и через стену тоже, но если меня с той стороны ждут.

— А через камин... — подскочил Властимир, — через камин Санта-Клаус может. Вот и мотив — лишить коллегу-соперника возможности колдовать в Новый год. Зимник, что будет, если не найдется мешок?

Дед Мороз насутился.

— Забывать меня станут, вот что! Я должен приносить подарки, иначе... со мной случится то же, что и с остальными Сварожичами. Я-то и выбрал такую судьбу, чтоб не забыли.

— Вот оно! Остается только узнать в городе ли Санта.

Алекс встрепенулся

— Я, когда в метро ехал, объявление слышал. Приглашали на ёлку с Санта-Клаусом. Ещё и удивился, что не с дедом Морозом. Оказалось — мэрия приглашает.

— А с этих прошелыг, — подхватил Властимир, — станется и настоящего пригласить. Католическое Рождество прошло, Санта не занят, и мероприятие наверняка одобрено Чёрным Пастором. Так, идём.

Властимир быстро зашагал в сторону Георгиевского переулка. Алекс и Зимник заторопились за ним.

— Далеко идём?

— На Стрелецкую. Там финское посольство.

***

Вышедший из будочки охранник лениво предложил убираться прочь, а не маячить у ограды. И вообще — нечего приличным людям заполночь у посольств иностранных государств шляться. Властимир согласился — людям действительно нечего. И предложил охраннику позвать Хиеталу.

Страж финской границы рассердился не на шутку. Он поднес к губам рацию, да так и застыл — в буквальном смысле. Зимник ударил посохом о землю, и бедолага превратился в ледяную статую.

— Потом отогреть надо будет, — хмуро сказал маг-вампи́р, разминая пальцы. Над сложенными ладонями загорелся маленький фиолетовый шарик и стал понемногу расти. Властимир выждал, пока шарик не набрал диаметр примерно сантиметров десять, после чего отшвырнул его.

Полыхнуло фиолетовым, но ни раската грома, ни шквала не последовало. Маг негромко позвал:

— Хиетала!

Дверь открылась, из здания вышел высокий человек с длинными белыми волосами и светлой бородой, заплетённой в две косички. Он скривил губы, увидев ледяную статую, и обратился к прибывшим:

— Чего буяните? — говорил он почти без акцента.

— Хиетала, у нас важное дело. Буквально на два вопроса.

— Такое важное, что надо было беднягу Егора морозить?

— Да. За Егора с нас причитается новогодний подарок ему и его семье.

— Семьи у него нет, а после вашего подарка, кажется, и не будет. Что за вопросы?

— Первый. Санта в городе?

— Зачем он вам?

— У нас к нему тоже два вопроса.

— В городе.

Алекс восторженно глянул на шефа. Дело идет к концу!

— Отлично. Второй — где он?

— В «Хайятте», где же ещё.

— Замечательно. Хиетала, с нас подарок и тебе.

— Обойдусь без ваших подарков, — проворчал финн, — но при случае я приду к тебе с вопросами, и ты на них ответишь.

— Конечно, — сказал Властимир, протягивая руку.

Хиетала пожал её.

— Идите. Егора сам отопрею.

***

Стеклянное здание на Владимирском проезде между Софией и Михайловским собором построили не так давно. Оно совершенно не вписывалось в окружающий пейзаж, как не вписывается бумага с чертежом фонтана в выставку картин Айвазовского. Вроде бы и то, и другое о воде, но по сути — совершенно разные вещи.

Дед Мороз и вампиры расположились на детской площадке возле небольшого фонтанчика в виде льва. Властимир с отсутствующим выражением лица рылся во внутреннем кармане пальто. Зимник расхаживал по периметру бассейна, Алекс просто стоял, прислонившись к бронзовому зверю.

— Есть план, Мирко? Ты его чувствуешь?

— Не чувствую, — ответил маг, не прекращая рыться в карманах, — проклятое стекло мешает. А, вот.

Из кармана он извлек нечто вроде небольшой подковы, внутри которой висел хрустальный шарик.

— Алекс, это тебе. Дает невидимость, когда улавливает рядом заклятие. Наденешь, когда пойдем внутрь. И не отходи от меня дальше, чем на два метра.

Властимир бросил амулет парню. Тот ловко поймал его.

— Значит так, — принялся обрисовывать план старший вампир, — сейчас нам важно попасть в здание. В этом нам помогут вы, Зимник, когда основательно откроете дверь. Очень не хочется сразу привлекать внимание.

— Как вы попадёте внутрь, без приглашения-то? — удивился старик.

— Это вопрос философский, — ответил Властимир. — Что есть личное пространство? Вестибюль гостиницы — пространство безличное, вот в номер без приглашения попасть не всегда удаётся, потому как его начинают считать «своим». То же самое и с общепитом, магазинами, кинотеатрами, метро. Чем больше людей посещает место, тем больше оно обезличивается. Раньше, когда заведение принадлежало кому-то — вход был закрыт. Сейчас уж частных лавочек и постоянных дворишков не так уж и много. А у этого стеклянного монстра даже своего лица нет, он отражает в себе чужие. Потому внутрь мы пройдем без труда. Дальше поступим так...

***

Старик в синей шубе, высокой шапке и с посохом в руках широким шагом пересёк холл гостиницы. Переполюбопившийся швейцар бросился

ему навстречу, но наткнулся на суровый взор из-под кустистых бровей. Старик подошёл к регистрационной стойке и рокочущим басом осведомился у побледневшей девушки:

— Клаус, мой коллега, в каком номере проживает?

— Простите, господин...

— Зимин.

— ...господин Зимин, мы не можем дать такую информацию. Тем более в это время суток.

— Хорошо, стало быть, он здесь. Записку можно оставить?

Девушка подала бумагу, ручку и конверт. Зимник что-то начертил, запечатал лист в конверт и, круто развернувшись, направился к выходу. По пути он подмигнул тёмному углу.

Властимир и Алекс дождались, пока старик не уедет на такси, а девушка и швейцар не успокоятся, и только потом пересекли вестибюль. Их блуждания по коридору не были очень уж долгими — возле одного из люксов старший вампир остановился, пробормотав: «Кажется, здесь».

Он снял заклятие невидимости и тихонько постучал в дверь.

— Заказ.

— Наконец-то, — послышалось с другой стороны.

Дверь открыл высокий рыжий детина с красным носом. Вампиры просочились мимо него, пока тот приходил в себя.

— Вы кто такие, — спросил детина по-английски.

— У нас есть дело к Санте.

— У многих оно есть. Эй, парни, тут к боссу пришли.

Из соседней комнаты вышло восемь человек, неуловимо похожих друг на друга и на рыжего. Девять против двоих — не самый лучший расклад, даже для вампиров.

— Парни, я не хочу крови, — предупредил Властимир.

— Конечно, — ухмыльнулся рыжий.

— Вашей крови, — уточнил старший вампир, показывая клыки. — Может, мы всё же поговорим с Сантой?

— Вы пришли в неприёмное время, — подобрался детина. — Приходите завтра. И, кстати, босс принимает только граждан Евросоюза. Вы — граждане Евросоюза? Всего доброго, джентльмены. Дверь за вами.

Вампиры вышли. Алекс чертыхнулся.

— К нему не подступиться. Что теперь, шеф?

— Идём отсюда. Сейчас уже ничего не сделаешь. Вернемся завтра.

— И, главное, какая наглость: «Вы — граждане Евросоюза?» Кто у нас тут граждане Евросоюза.

Шеф замер.

— Именно. Где остановилась Кейра?

— В «Премьер-палаце».

***

Почти весь путь до Бессарабки Властимир молчал. Лишь на перекрёстке с Пушкинской он обратился к Алексу:

— Мы должны найти этот мешок. Зимник — он хороший Мороз. На его месте может оказаться кто-то из родичей Чернобога — и мне страшно представить подарки от него на Новый год.

***

За крупную купюру негр-швейцар согласился открыть дверь. С помощью некоторого количества денег и магии выяснилось, что Кейры сейчас нет. Властимир решил дожидаться ирландку прямо в холле гостиницы. Алекс занял кресло, шеф Зверинецкого Роя полулежа устроился на белом кожаном диване.

Длинный день всё не желал заканчиваться. У Алекса закрывались глаза. Временами он проваливался в сон и ему чудились ледяные озера. Он просыпался, видел, как шеф, не меняя позы, колдует над своим коммуникатором. Действительно колдует — на кончиках пальцев мерцали едва уловимые искорки. Глядя на них, Алекс вновь засыпал, и опять падал в ледяные озера.

В очередной раз молодой вампир проснулся от шума. В холл кто-то заходил. Он повернул голову.

Пара. Мужчина в длинном пальто и рыжеволосая женщина в темно-бордовой куртке. Кейра.

Ирландка заметила вампиров, что-то шепнула спутнику и подошла к дивану.

— Привет, мальчишки. Что привело вас сюда?

— Кейра, нам нужна твоя помощь. Это очень важно.

Рыжая всмотрелась в лицо Властимира. Кивнула.

— Наверняка важно, раз ты, выдохшийся, сидишь здесь, а не у себя на Зверинце. Сейчас устрою.

Она подошла к мужчине, быстро заговорила. Тот кивал. На его лице Алекс видел обиду из-за вечера, закончившегося ничем, а в глазах явно мелькали цифры потраченных на Кейру денег. Рыжая вернулась и поманила — «За мной».

***

Алекс проснулся на широкой кровати. Оказалось, он спал без ботинок и прикрытый пледом. Как с него стащили обувь он не помнил.

За окном светало. Парень вскочил, натянул ботинки, надел свою куртку на стуле и выбежал из спальни.

В гостиной на диване сидели Властимир, в брюках, но без рубашки, и рядом с ним Кейра в длинном шелковом халате.

— Вот и молодяк проснулся, — ирландка показала белые зубы. — Присаживайся, Алекс, выпей немного вина.

Парень ошарашено присел. Настенные часы показывали половину четвертого. За окном не светало, а темнело. Наступала последняя ночь года.

— Это как же? Шеф, мы что, опоздали? А как же Санта? Зимник?

— Алекс, успокойся. Мы уже ходили в «Хайятт», Клаус назначил нам встречу на пять. Зимнику я звонил, он держится молодцом. Так что выпей вина. Крови под Новый год пить не дам.

— Да... хорошо, шеф.

Кейра улыбалась и поигрывала волосами Властимира.

Половина пятого вечера 31 декабря. Время небольшого уличного затишья, когда всё в дом уже принесено и начинается приготовление салатов и отглаживание костюмов. Уже спустя два-три часа на улицах вновь появятся люди, либо весёлые и идущие праздновать, либо торопящиеся докупить ещё одну бутылку шампанского и консервированный горошек.

По тихой Пушкинской шли три вампира. Кейра, взяв обоих мужчин под руки, негромко рассказывала забавные случаи из жизни кельтских кровососов. Алекс сдержанно хихикал, Властимир смеялся открыто и беззаботно. Так и не скажешь, что шеф чрезвычайно озадачен поиском мешка.

Свернули на Прорезной, вышли на Владимирскую. Разговор угас сам собой. В вестибюле «Хайятта» их уже поджидал давешний рыжий детина.

— Босс готов вас принять.

Алекс считал, что после знакомства с дедом Морозом он имеет некий иммунитет к фольклорным существам. Но толстяк в красном кафтане и штанишках, в очках и с курчавой бородой всё же его потряс.

— Хо-хо-хо! Веселого Ро... Нового года. Усаживайтесь. «Кока-колы» хотите?

Алекс отрицательно pokrутил головой и присел на пуфик. Властимир устроился в кресле, а Кейра... рыжая изящным движением села на колени Санта-Клаусу.

— Санта, какой подарок ты мне приготовил?

— Хм... а ты хорошо себя вела, девочка?

Ирландка обняла его за плечи, приблизила губы к уху и шепнула

— Очень... плохо.

Кончик её языка скользнул по ушной раковине. Лицо Санта-Клауса приобрело цвет его же одежды.

— Хм... хм. Хо! Так о чем это мы?

— Господин Крингл, нам надо задать несколько вопросов.

«Добрячоку» Санта вмиг забыл о легкомысленном тоне.

— На каком основании?

— На основании особого разрешения на проведение расследования, выданного мне, Главе Зверинецкого Роя. Со стороны независимых поручителей подписано Маркусом Хиеталой, послан магического ковена Финляндии и Кейрой Морриган, представителем наблюдательного совета

по Делах Крови при Евросоюзе. Желаете ознакомиться? — Властимир демонстративно засунул руку в карман.

— Да что вы, ей-право! Хо-хо! Уж что мы, птицы высокого полёта, не договоримся? Давайте побеседуем!

Алекс так и не смог понять, блефовал ли шеф или действительно успел оформить бумажку. Властимир поднялся и кивнул младшему вампиру. Алекс пересел к двери.

— Господин Крингл...

— Клаус, будьте любезны. — Санта поерзал в кресле. Рыжая вампирша и не думала слазить с колен.

— Клаус, где вы были в ночь с 29-го на 30-е декабря?

— Здесь, в этом отеле. Играл в бридж с Рудольфом и Блитцером. Руди, зараза, выиграл у меня пятнадцать евро.

— Вы здесь по приглашению нашей мэрии?

— Да.

— У вас когда мероприятия?

— Всю неделю до вашего Рождества. Да вы и сами должны знать. Такое редко бывает — настоящий Санта! Хо-хо!

— Разумеется. Вы используете в мероприятиях колдовство?

Санта фыркнул.

— Конечно, я использую колдовство. Мои эльфы изготавливают подарки и присылают их в мой мешок.

— Можно взглянуть на мешок?

— Естественно, нет. Я не собираюсь его трогать, ещё какая-нибудь тонкая настройка пропадёт.

— Жаль. Кто может подтвердить, что вы были здесь? Кроме ваших парней, разумеется.

— Вы что, мне не доверяете?

— Честно говоря, — Властимир подошел к креслу Санты, — ни на йоту. Алекс, Кейра...

Парень захлопнул двери, схватил ближайшее кресло и подпёр им створки. Девушка ухмыльнулась и прикусила клыками шею Санты.

— Шевельнешься — станешь очень счастливым трупом.

— Ты же помрешь от моей крови, — просипел Санта.

— Хочешь проверить?

— Нет!

Властимир начал быстро ощупывать комнату, бормоча поисковое заклятие. В дверь постучали.

— Босс, у вас там всё в порядке? Босс?

— Говори, — прошипела вампирша.

— Да... Всё хорошо...

Маг-вампи́р закружился ещё быстрее. На его лбу выступила испарина.

— Здесь ничего нет.

— Вот видите! — вскричал Санта-Клаус, — Только беспокоите почем зря!
— Тим, проверь ещё по синему следу, — подсказала Кейра.
Властимир хлопнул себя по лбу.
— Растяпа. Конечно же, первое смещение в холод... Сейчас, сейчас...
— Босс, что с вами, босс?
— Руд...

Клык ирландки царапнула кожу. Санта притих. В дверь настойчиво стучали. Руки Властимира засветились синевато-ледяным пламенем. Он схватил Санту за кисти и перевернул их ладонями вверх. На них отчетливо синел рисунок, похожий на узор мешковины. Если приглядеться видно, что он состоит из крохотных снежинок.

— Так-с, а это что? Ну-ка, признаёмся. Где мешок Зимника?

— Шеф, быстрее! — Алекс изо всех сил держал дверь. — А то эти скоро прорвутся!

— Да не брал я его мешок, — заорал Санта. — Нужен он мне сильно! Я, конечно, унылого старого хрыча не люблю, но привык к нему. Пусть уж работает, всё равно он сдаёт помаленьку.

— Узор не врёт.

— Слушайте, вы, маньяки! Тридцатого утром я гулял тут, по спуску этому крутому. Ко мне подошла одна девушка, предложила купить сувенир. Дурацкая статуэтка, но мне понравилась, как раз в коллекции не хватало. Вот она-то и была завернута в мешок. Тряпки мне ни к чему, я их вернул, а статуэтку забрал.

— Как выглядела девушка?

— Да обычно как... в шубке, в шапочке такой яркой. Девчонка, каких сотни.

— Ясно.

Дверь уже ломали. Створки гнулись и жалобно трещали. Алекс подпёр кресло тумбой и держал оборону.

— Уходим.

Кейра убрала клыки с шеи и шепнула:

— А будешь распространяться о нашем визите — подскажу туатам где искать твои заводики. Понял?

Санта посерел и мелко закивал.

Алекс с криком отлетел в сторону. Дверь всё же не выдержала и распахнулась. В комнату влетел красноносый олень, на ходу превратившийся в рыжего детину.

— Босс!

— Рудольф, спокойно. Пусть уходят.

Клаус Крингл встал с кресла и, потирая шею, налил себе «Кока-колы».

— Пусть. Идут.

***

На ярко освещенной Михайловской площади вампиры остановились. Алекс спросил у Властимира:

— Шеф, и что делать дальше? Проверить по синему следу дачу Зимника?
— Правильно думаешь. Спустимся по Андреевскому, понюхаем там, а дальше на трамвай — они ещё должны ходить.

Путь затянулся. Властимир прочесывал спуск по диагонали, все время бормоча заклатья. У его пальцев сверкали сине-голубые огоньки. Возле лестницы, ведущей на Замковую гору, Властимир остановился и ухватился за перила. По ним побежали голубоватые снежинки.

— Видимо здесь и поджидали Санта-Клауса. Посмотрите, может там что есть?

Алекс залез под лестницу, но ничего, кроме небольшого плюшевого зайца не нашел.

— Чисто, шеф.

— Вряд ли могло быть по-другому.

— У вас есть версия?

— Да. Но её надо проверить у Зимника.

Вампиры добрались до Контрактовой площади и сели в полупустой трамвай. Глава Роя тут же привалился к стеклу и задремал. Алекс остался с Кейрой и, чтобы поддержать разговор, спросил:

— И сложно там, в этом совете по Делах Крови?

— Не очень, — ответила ирландка. — В основном сидишь и перебираешь бумажки, выясняешь, как требования потомков человека, убитого в 1794 году сочетаются с уложениями кодекса 1811, 1875 и других годов. И всякая подобная ерунда. Бывают и забавные случаи. Но всё равно, самое лучшее время — когда зима заканчивается и можно с континента вернуться на любимый Эйре...

За разговором Алекс не заметил как трамвай выехал из города и катился по лесу. За окном вместо черных деревьев в белом снегу, казалось, лежали холмы Ирландии, покрытые яркой сочной зеленью. Над ними синело небо с белыми кучевыми облаками, а где-то под ними народы богини Дану вели странную загадочную жизнь.

***

Трамвай прибыл на конечную — 14-ю линию Пушчи-Водицы. Со стороны озёр доносились крики и звуки петард — люди уже начинали праздновать Новый год. Явно посвежевший Властимир выпрыгнул из вагона, подал руку Кейре.

— Не заскучали без меня?

— Нет, — игриво ответила вампирша. — Мы прекрасно провели время. Верно, Алекс?

Парень ответил что-то среднее между «Конечно, да!» и «Рад стараться».

На стук распахнулась дверь, в проеме показался Зимник и тут же отступил, давая пройти.

— Ну что, Мирко?

— Есть догадка, надо проверить. Уважаемый Зимник, познакомьтесь, это Кейра Морриган. Без неё мы бы не справились.

— Рад, — дед Мороз протянул руку, Кейра пожала её и тотчас отдернула, болезненно сморщившись. Впрочем, старик тоже сжал губы.

— Простите, сэр, я не нарочно, — стала извиняться ирландка, но Зимник, улыбнувшись, помахал руками.

— Вот беда, не даются мне языки. Мирко, переведешь?..

Шеф разъяснил. В прихожей появилась Марьяна, на этот раз в бело-синей рубашке и черных узких джинсах.

— Нашли мешок?

— Почти. Всех прошу в гостиную, там поговорим. — Властимир сбросил пальто и помог раздеться вампирише.

В уже известной комнате с камином ничего не изменилось. Зимник сел в одно кресло, Кейра устроилась в другом. Алекс привалился к шкафу; последней зашла Марьяна и забралась на подоконник.

— Мы были у Санта-Клауса и допросили его. Санта действительно имеет некоторое отношение к похищению мешка...

— Значит, он? — рыкнул дед Мороз. — Ах, старый паршивец!

— Не он, — пояснил Властимир. — Он не похищал мешок и вообще стал пешкой в чужой игре. Чтобы понять её, надо вернуться в ночь на тридцатое декабря. Итак, вы, Зимник?

— Я выпил чашку молока, прочитал свежий выпуск «Неведомостей» и лёг спать.

— Замечательно. Могу ли я взглянуть на чашку? Давайте я схожу.

— Сам не найдешь, Мирко.

Старик и маг-вампир вышли. Алексу без шефа стало неудобно. Синие глаза Марьяны неотрывно смотрели на него. Между бровями у внучки Зимника пролегла морщинка. Парень обнаружил, что Кейра также смотрит на него. Друг друга женщины игнорировали.

«Вот попал» — обреченно подумал Алекс.

В комнату вернулись Зимник и Властимир. Маг-вампир поставил простую белую чашку на столик.

— Итак, сейчас проведём небольшой эксперимент.

С левой руки вампира сорвалась желтоватая капля — и чашка вспыхнула желто-зелёным пламенем.

— Сну Зимника изрядно помогли стать крепче.

Брови старика сдвинулись к переносице. Властимир провел рукой над чашкой, пламя исчезло.

— Проверим ещё одну вещь. Существует так называемое смещение в холод. Оно позволяет увидеть следы остаточной магии, которой пользуетесь вы, Зимник, работая с мешком подарков. Сам мешок «фонит», потому можно разглядеть его след. Позвольте я продемонстрирую.

Вампир поднялся. Его руки окутало уже знакомое Алексу и Кейре свечение. В комнате похолодало, стены и пол затянуло синеватыми разводами. Особо густое пятно проявилось возле шкафа.

— Мешок стоял там, верно?

— Да, — прогудел Зимник.

— Это и без фокусов было известно, — насмешливо сказала Марьяна. — Тебе же дед сказал в прошлый раз.

— Сейчас нас интересует немного другое. Видите, узор состоит как бы из мелких элементов. Из таких вроде как... «ёлочек». Это печать хозяина мешка. Можно ваши руки, Зимник?

Дед Мороз показал ладони. Властимир прикоснулся к запястьям. На коже проявились синие «ёлочки».

— Разумеется, на ваших руках должен остаться след от мешка. Но рисунок, который мы увидели у Клауса, был другим. Он состоял из снежинок. Кейра, — маг сделал приглашающий жест, — можно твою руку?

Вампирша встала, подала руку. Бледный узор из снежинок проступил на её пальцах.

— Отлично, Властимир, — улыбнулась Марьяна. — Прямо староанглийский детектив. Преступник находится здесь в комнате. И это — она!

Палец Марьяны указал на Кейру.

Вампирша улыбнулась.

— Я не крала мешок.

— Конечно, рассказывай! — Снегурочка прыгнула с подоконника. — Ты когда зашла сюда, я сразу всё поняла. Да только у тебя на руках — клеймо. И ещё — для того, чтобы войти, тебе не понадобилось приглашение. Мешок ты в состоянии увидеть. Признавайся, где он?

— Марьяна, успокойся!

— О чем они говорят, Мирко? — вскочил Зимник. — Где мой мешок?

Глаза старика засверкали. Снегурочка ответила по-русски:

— Дед, твой мешок у рыжей стервы.

Зимник схватил посох. Кейра отпрянула, пригнулась и оскалилась. За её спиной начали расти чёрные крылья.

Властимир стал между дедом Морозом и Кейрой.

— Это не она.

— Тогда почему моя внучка её обвиняет?

— Дед, не слушай. Мешок у неё.

— Марико, покажи ладони

Снегурочка, пожав плечами, вытянула тонкие руки с узкими запястьями. Властимир коснулся их. На коже расцвели синие узоры.

— Конечно, они у меня будут, — хмыкнула девушка.

— Да. Но мы говорили, что вор перезапечатал мешок. А у тебя на руках и «ёлочки», и снежинки.

— Внучка? — повернулся ошарашенный Зимник

Лицо Марьяны приобрело цвет итальянского мрамора.

— Карл говорил о барьерах, которых на самом деле не существует. Мы, конечно же, подумали в первую очередь о тех, кто сможет зайти сюда. Но совершенно выпустили из виду, что барьеры нашему вору и не надо было преодолевать. Она была уже внутри. Марьяна подмешала снотворное в молоко и сумела взломать печать.

— Дед, это неправда! — пыталась перебить вампира девушка.

— Санта рассказал нам, что какая-то девушка пыталась всучить ему статуэтку в мешке. Но мешок он не взял, и Марьяна не смогла подставить Санту. Или же избавиться от мешка. Уверен, мы найдем в доме шубку и шапку, описанные Клаусом. У Кейры же безупречное алиби. В ночь похищения она... была со мной.

Властимир взглянул на ирландку. Черные крылья за её спиной пропали, она улыбалась, чуть щуря глаза.

— Это может подтвердить охрана Красного Замка — при необходимости.

— Марьяна! — громыхнул Зимник. — Ты зачем украла мой мешок?

Снегурочка улыбнулась. От неё повеяло холодом.

— Потому что мне надоело таскаться за тобой, старик. Я тебе не внучка и ты прекрасно это знаешь. Все время на вторых ролях при большом деде Морозе. Желания исполняешь ты, дети зовут только тебя, а мне остается так, подыгрывать, довольствоваться обедками.

Вокруг её талии начал закручиваться поток воздуха. На светлом хвостике лопнула резинка и волосы приплыли в движение.

— У меня никогда не будет своей жизни. Максимум на что хватает фантазии людей — это всякие оргии со «снегурочками». Завидная судьба, да, дед? Избавиться от неё можно лишь забрав у тебя мешок и переписав эту страницу. Я не собираюсь до конца лет быть вечной второй, да ещё и шлюхой!

На люстре появился иней, стены заледенели. Вампиры почувствовали, как обмерзает кожа.

— Ещё немного — уйдет этот год и судьба станет другой. И ты не оставишь меня, Властимир. Ни ты, ни твоя красотка.

Холод сковал комнату. Посох Зимника вмерз в корку льда. Алекс понял, что сейчас окочурится во второй раз — и безвозвратно. И нетвердо пошёл на Марьяну. Та совершенно забыла о нём, сосредоточившись на главных, как ей казалось, противниках. Кейра, вновь отрастившая крылья, прикрыла одним Властимира, а вторым — себя. Снег и лед разбивались о черные щиты, превращались в пар, но двинуться с места ни маг, ни вампириша не могли.

Алекс доковылял до Марьяны и рухнул возле неё. Последним усилием он подтянулся и сделал единственное, на что хватило сил.

Всадил клыки в ногу Снегурочки.

Та охнула и отвлеклась. Этой доли секунды хватило Кейре для контратаки.

Крылья развернулись, полыхнул огонь, комната наполнилась паром. Буран утихал.

— Ты рассчитывала остановить меня? Очень зря. Тебе, Марьяна-Морана, не совладать с Морриган-Мораной.левой руке не победить правую.

Жар высушил комнату. На щеках Марьяны появились слезы. Она поняла, что проиграла.

— Почему огонь всё время сильнее льда? — всхлипнула Снегурочка. — Всегда сильнее. Даже он, — светловолосая указала на Властимира, — даже он ушёл к тебе.

— Потому ты и устроила этот спектакль? — спросил старший вампир.

— Я пришла к тебе. И увидела с ней. Ты счастлив. А мне... мне снова детишки... или похотливые козлы.

— Эх, Марико. — Властимир подошел к ней и обнял. — Пойми, что Кейра и ты — это инь-ян, огонь и лед, без одной не будет другой. Вы обе — прекрасные и грозные, каждая по-своему. А вместе мир становится гармоничным. Я обещаю, — маг поцеловал Марьяну в лоб, — мы найдём способ исправить твою судьбу.

— Всё это хорошо, — подал голос Зимник, — но где мой мешок?

Марьяна отстранилась от мужчины и вяло указала на улицу.

— Там. В колодце.

Старик выскочил во двор. Остальные последовали за ним.

— Помоги ему, — попросил Властимир Марьяну.

Через мгновение мешок оказался в руках деда Мороза.

— Новый год наступает, — напомнил Алекс.

Со стороны Карачуна послышались взрывы петард и свист путих. Какая-то компания праздновала смену дат прямо на берегу пруда. Зимник улыбнулся.

— Вот им-то сегодня счастье и привалит. Ну, я пошёл. Вы со мной?

— Идите, учитель, — ответил Властимир. — Мы вас догоним.

Дед Мороз готовился дарить подарки. Год обещал стать добрым.

***

Театр звенел от детских голосов. Дед Мороз на сцене рассказывал о сложном путешествии, которое он предпринял, чтобы добраться до замечательных детишек. Глаза Зимника сияли, а речь лилась вдохновенно и громогласно. Мальчишки и девчонки радостно ахали и хлопали.

— А сейчас, дорогие мои, давайте позовем мою верную помощницу и любимую внучку. Три-четыре!

— Сне-гу-роч-ка! Сне-гу-ро-чка!

Из-за кулис вышла Кейра Морриган в длинной белой шубе. Рыжие волосы она заплела в две косички, на голове у неё красовалась белая меховая шапка. Она улыбалась, осторожно пряча клыки.

Сидящие в первом ряду Алекс, Властимир и Марьяна неистово аплодировали.

— Здравствуй, Дедушка Мороз! — Кейра открывала рот, но слова в маленький микрофончик говорила Марьяна.

Спектакль продолжался. Наконец, дед Мороз из ниоткуда достал мешок подарков и пригласил ребятню на сцену. Кейра хлопнула в ладоши — в зал упали воздушные шары, запестрели в воздухе конфетти. Детишки, перебрасываясь шариками, спешили к доброму дедушке и получали настоящие заветные подарки.

— Алекс! — окликнул молодого вампира Властимир. — Ты с нами в Замок?

— Нет, шеф, у меня ещё есть дело.

***

«Ну же, Оля, открой дверь», — думал Алекс. Он нажал кнопку звонка ещё раз, прислушиваясь к басовитому звуку.

Алекс vytалцил мобильный и только нажал на «Вызов», как услышал за дверью шум.

— Кто там? — Ольга, судя по голосу, ещё спала.

— Это я, Алекс.

— Зачем пришел?

— Оля, у меня есть подарок к новому году. Хочу его отдать. Пожалуйста, открой дверь. Если захочешь, я потом сразу уйду, только подарок возьми.

Два раза металлически хрустнуло. Девушка открыла. Она выглядела очень забавно в пушистом халате, с растрепанными волосами и одной тапкой на ноге.

— С Новым годом, Оля. Счастья тебе. Возьми.

Алекс протянул небольшую шкатулку, перевязанную ленточкой.

— Что это?

— Подарок. Шкатулка, она необычная. Ты можешь загадать что-либо — и оно там появится. Возьми. И — прости, что не смог провести с тобой новогоднюю ночь. Я действительно работал. Деду Морозу помогал, — зачем-то добавил Алекс.

Ольга молчала.

— Ну, я пойду.

Он спустился по лестнице, вышел из подъезда. Постоял несколько минут, глядя на засыпанный снегом двор, и отправился к метро. Он успел пройти через подворотню, как его окликнули.

— Алекс!

К нему бежала Ольга. Она лишь набросила пальто и надела второй тапок.

— Это действительно мне?

Она разжала кулак. На ладони блестело колечко.

— Раз оно было в шкатулке — тебе.

— Я зашла в квартиру, тут предки звонят: «Включай телек на КРТ, твоего Лёшу показывают!» Смотрю — действительно ты, рядом с тобой ещё дядька какой-то и блондинка, а новости с утренника для детей-сирот.

— Дядька — это мой шеф.

— Ага. Алекс... не обижайся на меня, ладно? Я чёрти-что надумала и вообще... Прости меня.

Парень улыбнулся.

— Конечно. В Новый год надо всех прощать, особенно тех, кого зовут Оля.

Из кармана донесся «Имперский марш». Девушка сделала жалобное лицо. Алекс всё же взял трубку.

— Привет. Знаю, что помешал.

— Да, шеф. Откуда знаете?

— Если повернешь голову налево и посмотришь через дорогу — увидишь меня и Кейру.

Алекс опустил руку с трубкой.

— Оля, вон видишь? На той стороне машут руками мужчины и рыжая женщина? Мужчина — как раз мой шеф, он нам привет передаёт.

Девушка пригляделась и тоже помахала рукой.

— Раз уж я занял тебя в новый год, то с меня подарок. Своди девушку в «Бельведер»...

Алекс охнул — Властимир назвал один из самых престижных ресторанов Киева.

— ...скажешь метрдотелю что от меня и за мой счет. Ну, хорошего тебе праздника.

— Оля, пойдём домой, а то простудишься. И ещё — какие у тебя планы на вечер?

Парочка скрылась в подворотне.

Властимир, обняв Кейру, смотрел им вслед.

— Я не перегнул палку?

— Пусть детишки развлекаются. Всё отлично, дорогой — успокоила вампира Морриган, огненная ипостась богини битвы и смерти. — Пойдём, у нас ещё масса дел.

ТАТЬЯНА АДАМЕНКО

ГРОХОЧУЩИЙ ПРИЗРАК

(рождественская история)

В двухэтажном доме м-ра Джеймса Мортонна благодаря забавной башенке как бы существовал третий этаж. Единственная представительница третьего этажа, круглая и тесная комната, могла похвастать четырьмя окнами, которых обычно надежно закрывали ставни. Посещали эту комнату нечасто, и обычно это происходило на Рождество.

Тогда миссис Мортон открывала ставни, вешала на окна портьеры, чтобы хотя бы отчасти закрыть неопштукатуренный кирпич стен, снимала с кресел чехлы и смахивала с них пыль; а ее муж торопился наверх с дровами, чтобы к приходу друзей изгнать из башни даже намек на холод. Кроме кресел и камина, из обстановки в комнате была только полка с курительными принадлежностями и негромко бормочущее радио; но четверо друзей, которые собирались у Мортонна на Рождество уже не первый десяток лет, искренне поклялись бы в том, что здесь им покойней и уютней, чем в любом, пусть даже самом фешенебельном столичном клубе.

Каждый год, собираясь у Мортонна, друзья возобновляли свое легкое соревнование по части «историй с призраками» собственного сочинения, шуточно соперничая в том, кто искусней сплетет будничное и сверхъестественное в одной истории; и минутный холодок страха только подчеркивал вкус и аромат пунша, который превосходно готовила миссис Мортон.

Нужно уточнить, что хозяин дома никогда не принимал в этом соревновании участия; смеясь, он отчасти правдиво ссылался на полное отсутствие воображения. Друзья охотно прощали ему этот недостаток, ведь Джеймс был прекрасным слушателем, внимательным, отзывчивым и чутким к деталям. Честно говоря, талант слушателя в дружеской компании иногда даже более востребован, чем талант рассказчика, и встречается гораздо реже.

Несложно представить себе удивление всех троих, когда впервые за два десятка лет их дружбы Мортон вдруг заявил, что хочет рассказать им историю о Грохочущем призраке.

— Историю собственного сочинения? — недоверчиво переспросил его Планкетт.

— Разумеется, нет, — невозмутимо ответил Мортон, в душе наслаждаясь той небольшой сенсацией, которую произвело его сообщение. — Полет фантазии я оставляю вам, а моя история самая что ни есть подлинная, и даже дважды подлинная, ведь она произошла со мной и в моем собственном доме.

— Здесь? — решил уточнить Грей.

— Именно, — подтвердил Мортон и начал свой рассказ.

— Когда двадцать лет назад получил приглашение занять должность преподавателя в В*** колледже, то, не задумываясь, оставил прежнюю работу и переехал сюда. На то время я располагал небольшим капиталом, и решил не арендовать, а купить здесь дом; но то, что предлагали мне за сумму, которую я готов был заплатить, совершенно разочаровало меня. Я уже совсем отчаялся и готов был отказаться от своей идеи после просмотра однообразных и безобразных коробок, когда агент привел меня сюда, на Бенсон-стрит, и показал мне «Дом с башней».

Попробуйте представить, что почувствовал я, когда увидел его в первый раз. Мне понравились и прочные стены, и широкие окна, и экстравагантная башенка; а когда я заметил на ее крыше трубу и понял, что там устроен отдельный камин, то сразу представил, как я устрою в башне рабочий кабинет... В общем, даже не заходя внутрь, я уже чувствовал к дому самое дружеское расположение. Но он был так не похож на то, что показывали мне раньше, что я встревожился и еще на подъездной дорожке спросил у агента о цене; как ни странно, тот назвал вполне приемлемую сумму. Я решил, что внутри есть какие-то серьезные дефекты, которые и обусловили такую значительную скидку, и молился про себя, чтобы они не оказались совсем уж неустраняемыми.

Но свет в доме загорался по первому щелчку выключателя, ванные комнаты были в безупречном состоянии, и ни малейшего следа жучка-древоточца на деревянных панелях.

Словом, серьезных дефектов я не обнаружил, несмотря на подробный и тщательный осмотр; зато меня восхитил холл, который я сразу окрестил «шахматным» из-за черно-белой плитки, и плавно ведущая из холла на второй этаж лестница с изящными коваными перилами.

Из дома уже вывезли всю мебель, но от этого он только казался еще более светлым и просторным, и с каждой минутой нравился мне все больше. Уже в конце обхода в одной из комнат я увидел портрет сомнительной художественной ценности, который не успели или не захотели снять вместе с остальными картинами. Он изображал корпулентного мужчину лет пятидесяти в военной форме, с пышными светлыми бакенбардами и абсолютно лысой крутой головой. Глядя на зрителя сверху вниз, он улыбался надменной улыбкой, которая довольно странно смотрелась на его румянном лице.

— А это хозяин дома? — любопытно спросил я у агента. Тот как-то неохотно кивнул и заторопился к выходу; но я решил не спешить. Мне непременно нужно было выяснить причину такой низкой стоимости. Я остановился и стал дотошно выпытывать у агента все новые подробности о проводке и трубах, водопроводе, канализации и вытяжке, и периодически порывался снова отправиться на обход дома.

Бедняга недолго сопротивлялся моей настойчивости. Кратко он рассказал мне, что предыдущий хозяин дома, который и построил его, умер, а его племянник сейчас находится под следствием о растрате, и естественно, срочно нуждается в деньгах.

— Он умер здесь? — невольно спросил я.

— Уборщица нашла его утром на этих ступеньках, — с некоторым злорадством сообщил агент и заколебался, точно не зная, стоит ли ему продолжать.

— Говорят, что у майора был на редкость скверный характер, и как-то он пообещал племяннику, что ни он, ни кто-либо другой не сможет жить в его доме после его смерти, — все-таки сказал он, с любопытством наблюдая за моей реакцией.

Я и в самом деле почувствовал легкое содрогание, какую-то минутную тоску, но тут же подумал, что если бы люди не жили в домах, в которых кто-то умер, они бы вообще не жили в домах; и покончил с этим, решив, что известие о неисправной проводке расстроило бы меня куда больше.

Ровно через неделю я стал владельцем «Дома с башней» и был счастлив, как улитка, которая наконец-то нашла свою раковину. Было это где-то за месяц до Рождества.

Надо сказать, что моего капитала хватило на покупку дома, но не хватило на обстановку, и временно я спал на матрасе в углу пустой комнаты.

К работе я должен был приступить только с начала следующего года, так что с удовольствием занялся обустройством дома: выносил из подвала и сжигал в саду старую рухлядь, которую прежний хозяин не решался выкинуть, красил облупившиеся стены, чистил трубы; даже строга!л потихоньку в сарае мебель, ведь мой дедушка, как вы знаете, был краснодеревщиком, и я успел у него кое-чему научиться. Вот эта ясеневая полка, кстати, с тех времен, — гордо сообщил Мортон. Друзья повернули голову к полке с курительными принадлежностями, такой знакомой и привычной, что просто не верилось, что она когда-то была сделана руками, а не выросла из стены. Стоящее на ней радио мурлыкало последний хит Патти Пейдж; Патти взяла высокую ноту, и Грей спешно приподнялся, чтобы сделать звук еще тише.

— Знакомых в городе у меня еще не было, но я и не торопился ими обзаводиться, вовсе не страдая от одиночества, — продолжил Мортон. — Я записался в лучшую библиотеку города (моих денег едва хватило на взнос и залог), и по вечерам проводил время в обществе Стивенсона, которого не читал с детства, на первой своей колченогой табуретке у камина, и был вполне доволен жизнью.

— Ну а когда же появится призрак? — не выдержал Грей.

— Уже в первую свою ночь в новом доме я услышал вечером неясный грохот, — сообщил Мортон.

— Я даже спросил себя «неужели это майор так выражает свое недовольство?», но быстро различил в шуме постукивание колес, дребезжание стекла и лязганье механических суставов — звуки, всегда сопровождающие трамвай. Сперва они были едва различимы, потом усилились, достигли своего пика, после особенно сильного лязгания исчезли — видимо, трамвай остановился на светофоре, — а через минуту возобновились и стали сходиться на нет, пока не затихли вовсе.

Я городской человек, уличный шум для меня все равно, что для некоторых пение птиц, так что я не был раздосадован, что где-то совсем рядом, если судить по интенсивности звука, пролегает трамвайный маршрут; напротив, я был доволен, ведь этот шум разогнал немного слишком совершенный покой моего дома.

Но на следующее утро, я, как ни старался, не смог обнаружить рядом этот трамвай: напрасно я высматривал рельсы и висящие между крыш провода — нигде поблизости их не было. Однако я знал, какие штуки иногда выделывает акустика, и легкомысленно списал все на нее.

Правда, меня смущало два факта: во-первых, почему до меня всегда доносятся только грохот трамвая, без шороха шин, без натужного гудения автобусов, без звука шагов; и во-вторых, я всегда слышал этот трамвай ближе к полуночи, когда, как мне казалось, все движение городского транспорта должно быть прекращено; но смущало не настолько, чтобы я стал доискиваться причин.

И нет ничего удивительного в том, — говорил я себе, — что если я засыпаю под стук трамвайных колес, то после мне снится поездка в нем.

Вначале это были короткие, обрывочные фрагменты, беспорядочно перетасованные с другими дневными впечатлениями, утром я говорил себе «Опять приснился!», а к полудню напрочь забывал о трамвае. Однако постепенно этот сон набирал силу, он вытеснил все прочие сновидения, и я стал чаще просыпаться на полу, а не на матрасе, с улетевшей в другой угол подушкой и скомканным, измятым одеялом.

Скоро я изучил этот трамвай во всех подробностях и мог бы даже его нарисовать. Это была угловатая красная коробка несколько старомодного вида: деревянная, с единственным циклопическим глазом-фарой и неуклюжими, как у жука, рогами; непривычно большие окна закрывали потертые штормки с бахромой. Впереди, над фарой красовались выведенные белой краской цифры — это был трамвай номер 17. Ничего пугающего, ничего необычного; но меня измучил контраст между будничным содержанием сна и чувствами, которые его сопровождали.

Мне снилось, что этот трамвай распахивает передо мной дверь, я захожу внутрь, сажусь и еду, глядя в окно, мерно покачиваясь и слегка подскакивая

на стыках рельсов. Я гляжу на ничем не примечательный зимний городской пейзаж, но почему-то чувствую, как во мне склизким комом распухает, подступает к горлу тревога. Я смотрю на пассажиров рядом со мной — все они спокойны, и вагон заливает солнечный свет, а мне с каждой секундой все невыносимей просто быть там. На следующей остановке трамвай замедляет, открывается дверь, и вдруг моя тревога достигает такого накала ужаса, что я просыпаюсь: весь в поту, с колотящимся сердцем и пересохшим горлом.

Хуже того, вскоре эта поездка снилась мне не просто каждую ночь, она снилась мне всю ночь: рывок, трамвай останавливается, и я просыпаюсь в ужасе, чтобы заснуть и снова отправиться по этому адскому маршруту, и так по кругу до самого утра.

И была еще одна странность, до того неопределенного, размытого характера, что я даже сразу не смог понять, в чем она заключается. Я не знаю... знакомо ли вам это ощущение я-не-я, когда во сне вы становитесь отстраненным наблюдателем, который просто выглядывает из чьих то глаз, как из окон? То же самое было и со мной. Я не чувствовал этот сон до конца своим, и этот ужас становился полностью моим только в последнюю секунду перед пробуждением, когда я набирал воздуха, чтобы закричать.

Я усиленно доискивался в себе причин такого навязчивого состояния. Может, когда-то в детстве меня напугал трамвай, а теперь, под уличный шум, детские страхи вернулись таким неожиданным образом?

Но все рациональные или психологические объяснения, которые я мог отыскать, пасовали пред одним простым фактом: каждое утро после пробуждения я чувствовал, что мой халат, кожа и волосы пропитаны запахом табака. Этот запах был таким отчетливым, что я бы, наверное, даже мог определить сорт этого табака — но я тогда еще не курил. В моем доме не было ни трубки, ни сигарет, ни даже кальяна. И если этот довольно приятный густой запах на самом деле какая-то разновидность галлюцинации, то в чем я вообще могу быть уверен? — в отчаянии спрашивал я себя.

В довершение ко всему я снова начал ходить во сне, как в детстве; но было одно существенное отличие. Если в детстве я мог отправиться в любой уголок дома, и однажды даже ухитрился выбраться в сад, пока меня не заметили, то теперь меня притягивало одно-единственное, вполне определенное место.

Каждое утро я просыпался на лестнице.

Я пробовал закрываться на ночь в спальне и прятал ключ, я ставил возле себя табуретки, чтобы они своим грохотом при падении будили меня, заваривал на ночь мяту и валериану, но ничто из этого не помогало. Каждый раз, когда я просыпался, дверь была распахнута, ключ у меня в руке, а я сам — на лестнице, весь в синяках, пропитавшись табачным духом.

Естественно, что я начал проклинать лязганье и громохание моего вечернего трамвая, я считал, что это он накликал на мою голову беду, с которой я не знал, как бороться.

Я даже думал обратиться к врачу — но в чужом городе, без рекомендаций друзей, где бы я нашел хорошего специалиста, к которому я мог обратиться с такими необычными жалобами? Представьте себе молодого спортивного человека двадцати шести лет от роду, который страдает галлюцинациями и бессонницей, как пожилая истеричная дама с выводком кошек!

Я терпел, взбадривал себя кофе и ждал Рождества с какой-то иррациональной надеждой. Мне казалось, что светлый дух этого праздника способен обновить меня, вернуть мне окончательно утраченное душевное равновесие, даже если я сам уже на это не способен.

И где-то за неделю до Рождества мой сон изменился. Помню, как лежал у себя в спальне и слушал привычные и уже ненавистные звуки: постукивание колес, дребезжание и грохот, с которым трамвай останавливался и открывал двери. Затем постукивание возобновилось... Не знаю, сколько я лежал так, не желая засыпать, и вдруг почувствовал прилив такого гнева, что моментально вскочил на ноги.

Я сейчас увижу, где ходит этот трамвай, и напишу жалобу в городской совет!» решил я. — Я из-за него не могу заснуть, а потом снится черт знает что! Завтра же поговорю с соседями, наверняка этот шум мешает не только мне!»

А пока я решил спуститься вниз и плотнее закрыть ставни в холле; но моя решимость столкнулась с необъяснимой тревогой и страхом, так знакомой мне по моим снам; и я то видел себя со стороны, то снова оказывался в собственном теле, в ушах у меня шумело и звенело; я чувствовал попеременно то необыкновенную легкость, то свинцовую тяжесть в мышцах. Кое-как я встал и вышел из коридора на лестницу, но, едва я ступил на первую ступеньку, меня зашатало.

Я вцепился в перила, и шум в ушах сменился знакомым лязганьем и грохотом, который усилился так, что на меня снова нахлынуло головокружение.

Когда я открыл глаза, то увидел, что внизу, в холле на черно-белой плитке стоит огромный трамвай, а сидящие внутри пассажиры с равнодушной усталостью смотрят в окна. Меня и всю обстановку дома они словно не замечали. Трамвай выглядел ярким и настоящим, разве что контуры его слегка размывались по краям, и это был тот самый трамвай: красный, с рекламой спичек на боку и выведенным белой краской номером 17. С невнятным дребезжаньем его дверь отъехала в сторону, и там внутри было еще немало свободных мест.

Я отшатнулся назад, еще крепче вцепился в перила... и вдруг увидел, что мимо меня по лестнице спускается человек с заметной даже в халате военной выправкой, с зажатой в зубах трубкой. Я не мог понять, откуда он появился, ведь секунду назад его еще здесь не было, но я сразу его узнал — это был майор Лоу, очень похожий на свой портрет. Он выглядел абсолютно реально и невозмутимо шествовал вниз. Лицо его выражало смесь гнева и любопытства, и смотрел он исключительно на трамвай.

Я отважился протянуть руку и прикоснуться к его плечу, но она прошла, как сквозь воду; ладонь закололо иголками.

Майор не обратил на это никакого внимания, только ускорил шаг. Он вошел в трамвай, и дверь закрылась за ним. Вагон был освещен изнутри, и сквозь неплотно сдвинутые шторы я видел его силуэт, спокойно сидящий у окна.

И вдруг майор рывком отодвинул штору до конца и буквально впился в меня взглядом. В отличие от остальных пассажиров, он действительно видел меня — в этом я был уверен. Взгляд его был настойчивым и требовательным, и губы майора двигались; но я не услышал ни звука.

Трамвай затрясся и рванул с места. Он въехал в противоположную стену и исчез, но я еще долго слышал стук колес...

Я очнулся только утром, в спальне, когда открыл глаза и увидел, что дверь, как обычно, распахнута, а все табуретки валяются на полу перевернутыми. И я не мог не заметить, что запах табака из трубки майора был очень похож на тот, что преследовал меня по утрам, мне даже почудился его отзвук на лестнице...

Этот сон — если это был сон — повторился и на следующую ночь, только утром я очнулся не на верхней ступеньке лестницы, а где-то посередине пролета, и майор опять прошел мимо меня, окутав дымом из трубки.

Я был уверен, что он чего-то требует от меня, но я не мог понять ни слова.

Но когда мне осталось всего пять ступенек до двери, я скорее догадался, чем услышал в потоке неразборчивого шепота, что он приглашает, нет, умоляет меня пройти внутрь.

Понимаете, даже к ужасу может выработаться своеобразная привычка: я знал, с чего начнется кошмар, знал, как он будет развиваться, и знал, что утром я проснусь на одну ступеньку ниже. Я не знал только, что будет, если я войду в эти двери, и это было единственное решение, которое я мог принять самостоятельно. Когда я понял это, мной овладела какая-то веселая злость. Я спустился вниз, вплотную к распахнутой двери, набрал в грудь побольше воздуха, взялся за холодный металлический поручень и буквально вбросил себя внутрь. Двери за мной с шипением захлопнулись, и трамвай покатил прочь.

Как ни странно, оказавшись в салоне, я уже не боялся — я с интересом рассматривал пассажиров, которые меня полностью игнорировали. Они были как-то странно одеты: мужчины в двубортных пальто и черных котелках, женщины в расшитых бисером беретах или глубоких, как колокол, закрывающих пол-лица шляпках.

Но мое легкомысленное любопытство тут же исчезло, едва я снова встретился взглядом с майором.

Он сидел там же, где я его видел с той стороны окна, и упорно пытался мне что-то сказать; но из искривленных, побелевших губ не вышло ни

единого слова. Тогда он с видимым усилием перевел взгляд на дверь трамвая, а затем снова на меня. Все его тело напряглось, лежащие на коленях ладони сжались в кулаки, зрачки расширились.

Трамвай дернулся и остановился, и дверь, на которую смотрел майор, открылась. На этот раз кто-то вошел внутрь.

Это был худой, длиннолицый мужчина, с рассекающим правую бровь широким шрамом, отчего она словно переломилась надвое; с сумкой через плечо, в потрепанном и не очень чистом пальто и с рулончиком билетов в правой руке; словом, обычный кондуктор, если бы не его улыбка. Мне легко ее представить себе — даже сейчас, — но трудно описать. Он словно предвкушал что-то необыкновенно приятное, но был уверен в том, что больше никому его радость не придется по вкусу — и это знание только усиливало ее. Я наблюдал за ним, и страх майора начал передаваться мне.

Первый пассажир уже протягивал купюру; я ждал, что кондуктор вытащит из своей сумки сдачу, но он, продолжая улыбаться, медленно вынул оттуда пистолет.

— Счастливого Рождества! — звонко и радостно сказал кондуктор и нажал на курок. Голова пассажира дернулась, словно ему дали сильнейшую пощечину, он как-то мгновенно обмяк и соскользнул вниз. По грязному резиновому полу начала растекаться черная в искусственном освещении кровь, а кондуктор пошел дальше. Я рванулся, собираясь подбежать к нему, отобрать пистолет... но не смог сдвинуться с места. Воздух стал тяжелей свинца и стиснул грудь так, что я едва мог дышать.

А он словно меня не замечал. Счастливо улыбаясь, кондуктор шел от сиденья к сиденью.

Не было ни крика, ни протестов. Помню, как меня поразило общее выражение лиц всех его жертв — поразило их спокойствие. Не равнодушие, а скорее ясное осознание того, что сейчас произойдет, и усталое смирение. «Замкнутый круг, замкнутый круг» — назойливо вертелось у меня в голове. Я хотел закричать, разбить окно, бежать — но меня словно парализовало, и я не смог даже закрыть глаза.

И выстрелы, один за другим.

Я вернулся взглядом к майору, который заманил меня сюда, в этот ад, но обвинять было поздно: он сидел, свесив голову на грудь, и она безвольно моталась из стороны в сторону, в такт стуку колес. Я понял, что остался в вагоне один, и кондуктор идет ко мне.

Еще раз я попытался вырваться из своей неподвижности, и снова ничего не вышло, только стало еще труднее дышать. И вдруг, в тот момент, когда все мои мышцы были напряжены в ожидании выстрела, я вспомнил, как моя рука прошла сквозь майора. Может, и пули пройдут сквозь меня, не причинив вреда?

Я молился, а кондуктор поднимал пистолет.

Грянул гром, и к моему лбу на мгновение словно приложили кусочек льда. Дыхание сбилось, и я понял, что снова могу двигаться.

Я открыл глаза и пошатнулся. Я подумал, что мир размывается, как акварель, на которую плеснули водой; единственное, что я видел отчетливо — это себя, свои руки и ноги. Остальное сливалось и кружилось, как десяток обезумевших радуг. Лицо кондуктора тоже исказилось и вытянулось в карикатурной гримасе гнева: оно нависло надо мной, как гигантский воздушный шар; а затем просто превратилось в зыбкое цветковое пятно, как все вокруг. Я сделал несколько неуверенных шагов, потерял равновесие и почувствовал, что падаю.

Я очнулся и понял, что я у себя дома, что я смотрю в потолок и лежу на ступеньках лестницы, и у меня дико болит голова.

Осторожно нащупав затылок, я нашел там изрядных размеров шишку; видимо, в момент падения я сильно приложился головой о ступени. Кроме головы, у меня болело и ломило все тело. Хватаясь за перила, я кое-как поднялся и проковылял в спальню, где заснул беспорядным сном без всяких видений.

Проснулся я только к часу дня и почувствовал себя превосходно; изматывающее напряжение последних ночей соскользнуло с меня, как капли с вощеной бумаги. На следующую ночь я с немалым облегчением убедился, что не слышу больше стука и грохота трамвайных колес, и, так сказать, вернулся к себе прежнему, каким я был до начала этой истории.

Я решил тогда, что пережил какой-то загадочный нервный кризис, усугубленный к тому же падением, и выздоровел так же внезапно, как заболел; а все, что я видел тогда, было не больше чем видениями, порожденными расстроенной психикой, — внезапно завершил Мортон свой рассказ.

— Но что тогда заставило тебя передумать? — нетерпеливо спросил Планкетт.

Вместо ответа Мортон взял с полки изрядно помятую местную газету недельной давности и протянул ее Планкетту. Газета была открыта на развороте, где была напечатана статья с броским заголовком «Пятьдесят знаменитых преступлений прошлого».

— Прочти, пожалуйста, про номер сорок три, — попросил он Планкетта.

Недоумевая, тот все же послушался, и вначале бойко, а затем все медленней прочел короткую заметку. В ней говорилось, что на Рождество 1923 года некто Чарльз Бэккер, кондуктор трамвая, вошел в вагон номер семнадцать и расстрелял всех находившихся там пассажиров, а затем попытался покончить с собой, но неудачно. Его судили и казнили через год. С нечеткого снимка рядом с заметкой на них смотрел худой длиннотелый мужчина с уныло опущенным носом; из-за плохого качества снимка трудно было понять, это дефект печати, или же его правую бровь надвое делит шрам.

— Когда я прочитал эту статью, то отправился в мэрию, — сообщил

Мортон. — Там я выяснил, что в 1923 году маршрут трамвая номер 17 пролегал через будущую Бенсон-стрит.

— Думаю, здесь он их и убил, — будничным тоном добавил он. — Могу предположить, что ужас последних мгновений жизни приковал его жертв к трамваю, и они не могли освободиться даже после смерти. Они вернулись туда, где пролилась их кровь, и кондуктор получил возможность убивать их снова и снова, каждое Рождество.

— Звучит достаточно правдоподобно, — признал Грей, который чаще других стремился обосновать сверхъестественное в своих рассказах, и потому, хотя не верил в привидения, лучше остальных разбирался в законах, сопровождающих их появление. — Ну а майор? Что произошло с ним? Он ведь не был убит в том трамвае?

— Конечно, его не было среди пассажиров в двадцать третьем году, — признал Мортон, — но все же, в определенном смысле, он был убит в этом трамвае. Наверное, когда он построил дом, ему пришлось пережить все то, что пережил я — грохот, лязганье, стук колес... а потом он увидел и сам трамвай и решил сесть в него. Не знаю, почему, или от храбрости или от отсутствия воображения, — пожал плечами Мортон.

— Помните, агент говорил, что он умер от сердечного приступа на ступеньках? Думаю, его сердце не выдержало, когда кондуктор начал стрелять; и он стал новым пассажиром трамвая. Но, в отличие от остальных призраков, он сохранял определенную степень свободы, и он не смирился. Он отчаянно искал способ разорвать этот круг, когда я купил дом; и, наконец, уговорил меня войти.

— Кажется, я читал, — осторожно начал Планкетт, — что если призраку напомнить о том, что он мертв, тот исчезнет.

— Наверное, кондуктор понял это, когда не смог меня убить, — согласился с ним Мортон, и друзья, обдумывая услышанное, погрузились в молчание, из которого их вывел только визит миссис Мортон с новой порцией горячего пунша.

АНТОН ТУДАКОВ

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ДРАКОН!

— У

важаемый Беладар!

Отражающийся от полированных стен и груда драгоценностей звонкий человеческий голос метался по пещере как испуганный заяц.

Дракон открыл один глаз. Не иначе как очередного героя принесло, сейчас будет горланить о своих подвигах, сотрясать воздух воинственными обещаниями и махать мечом попусту. Беладар прожил на белом свете почти три тысячи лет, а людская глупость продолжала его поражать. Ну вот хоть один из них задумывался своей тупой башкой, что он будет этим мечом делать? Судя по обычной реакции на появление дракона — нет. Неужели так сложно сложить два и два, чтобы дотумкать до простой вещи — взрослый дракон в холке будет сотню футов. Чешуя, даже в самом тонком месте, у такой махины толщиной в пару дюймов, а уж про ее прочность и говорить нечего. Драконью шкуру мечом рубить, только тупить его. Не говоря уж о том, что меч рядом с Беладаром, что зубочистка для самого горе-героя. И ведь с детства им это вдалбливают, вот недавно даже книжки с картинками делать научились. Все там написано. Ан нет, продолжаем с зубочистками на гору ходить. Скучно.

Беладар зевнул и перевернулся на другой бок.

— Уважаемый Беладар, не будете ли вы столь любезны уделить мне несколько мгновений вашего драгоценного времени?

Ну ладно, этот хоть вежливый попался. Беладар потянулся, хрустнув суставами крыльев, и поплелся к выходу. На лошади приехал бы, что ли. Лошадью хоть перекусить можно. А то в последнее время распадались пешком ходить, лошадей, видите ли, родственники сразу забирают. Скотину, значит, чтобы попусту не изводить. А герои чего? Мало того, что сами на один зуб, так еще и увешаются железяками, не прожуеть. Все больше лапами давить приходится.

Однако у входа в пещеру топтался не очередной рыцарь Пурпурной Рожи или Селедочного Хвоста, а скромный человечипка в плаще с капюшоном. Червяк подозрительно смахивал на мага, а эту братию Беладар сильно недолюбливал.

Дракон нервно хлестнул по стенам пещеры хвостом, отчего горы сокровищ жалобно зазвенели.

Магов не любили вообще все драконы. Во-первых, магия, в отличие от меча, могла причинить массу неприятностей. Зуд в хвосте вызвать там, или насморк. Во-вторых, проклятые волшебники окружали себя всякими щитами, защищающими от огня, и постоянно получались непрожаренными. Но главное — они-то и науськивали героев, толкая им байки про несметные сокровища и дурной характер драконов. А еще были консервативны до ужаса — все боялись, что когда-нибудь машины заменят их чертову магию, и денежный поток иссякнет. Вот давеча изобретателя поливальной установки объявили одержимым демонами и сожгли. Понятное дело, кому охота с монополией на вызов дождя расстаться?

— Доброе утро, уважаемый Беладар, — похоже червяка выход дракона не особенно впечатлил.

— И тебе доброе, — Беладар несколько опешил. — Ты кто такой будешь?

— Сигнус Петрификс, герой, к вашим услугам, — червяк откинул капюшон и поклонился.

Судя по лицу, лет этому герою не более двух десятков. Прицепленные на веревочке треснувшие очки и вовсе не внушали уважения. К тому же, стоило Петрификсу поклониться, как капюшон съехал ему на нос.

— А тебе это, — Беладар обалдел от наглости посетителя. — Не говори-ли, что для героя ты лицом не вышел?

— Увы, постоянно сталкиваюсь с подобными предрассудками, — Петрификс удрученно вздохнул.

— Ага, — Беладар устроился поудобней. — И коня у тебя, конечно, нет?

— Нет. Вы понимаете, король Гатурас издал указ, которым запретил к вам на гору на лошадях подниматься. И у меня тоже забрали, сказали что отдадут, если вернусь. А если нет — пойдет в городскую конюшню.

Однако, наглецы, подумал Беладар. Не пора ли городишко-то навестить, а то вообще совесть потеряли. Ладно девственниц приводить перестали, но так они еще без конины его оставить решили?

— Ну, уважаемый герой, что же привело тебя ко мне? — под влиянием вежливости Петрификса, дракон счел неуместным затягивать размышления о пище насущной.

— О, сущий пустяк, — Петрификс расцвел при этих словах. — Видите ли, я занимаюсь изгнанием драконов со стопроцентной гарантией.

— Да? И как это ты собираешься со мной расправиться? Я что-то не наблюдаю у тебя даже самого завалящего меча.

День, похоже, обещал быть интересным. Давно Беладару не попадались столь забавные типы как этот Сигнус Петрификс.

— Вы меня неверно поняли, уважаемый Беладар. Я занимаюсь изгнанием драконов, а не их уничтожением. По крайней мере, мои клиенты в

этом уверены. А меч... — он смерил взглядом громаду туши Белада. — Меч, подозреваю, мне вряд ли пригодится. Я, видите ли, человек довольно мирный.

— Понятно, мирный человек. Так как же ты тогда собираешься изгнать меня?

— Я вижу, вы заинтересовались. Тогда позвольте задать вам несколько вопросов.

К такому обороту событий Белада оказался не готов. Обычно герои сразу лезли в драку. Хотя Белада знал, что люди осведомлены о вековой мудрости драконов, пообщаться с ним до этого никто не приходил. Так что ему приходилось летать за сотни миль к своему кузену Ирокану в вольный город Тукран, чтобы хотя бы не разучиться говорить. Но в последний год Ирокан куда-то пропал, и Белада откровенно соскучился по интеллектуальной беседе.

— Ладно, задавай свои вопросы, — милостиво согласился дракон.

Петрификс вытащил из заплечной сумы ворох пергаментных листов.

— Позвольте сперва узнать ваш возраст, — начал он.

— Три тысячи лет.

Петрификс нацарапал что-то гусиным пером на пергаменте.

— А давно в этих краях живете?

— Да все три тысячи лет и живу...

Петрификс отложил пергамент и уставился на дракона.

— Неужели все ТРИ ТЫСЯЧИ лет?

— Угу.

— И никогда-никогда не покидали этих мест? Не летали к западным морям или в южные степи?

— Ну так, иногда к родственникам, недалеко, — смутился Белада. — Или в пару соседних королевств похулиганить... Но это давно было, только по молодости. Сейчас мне и здесь неплохо. Вроде бы...

Белада вздохнул.

— Тут ведь какое дело — стоит только добро без присмотра оставить, как или ваши соотечественники набегут, либо гномов набьется без счета. Ты не представляешь себе, что такое выкуривать гномов из пещеры! Липнут к сокровищам как будто медом тут для них намазано.

— А вам, простите, зачем эти сокровища?

— Как это зачем? Я...

И вот тут Белада задумался. А действительно, зачем они ему? Спать на них неудобно, пещеру захламляют. К тому же каждый прохожий спереть что-нибудь норовит. Был бы Белада человеком, так хоть всякими кубками можно было бы пользоваться и тарелками. Липнее загнал бы гномам, а на вырученные деньги создал бы такую штуку... Недавно от нечего делать ее придумал. Так вот, открыл бы он такую лавку, в которой деньги как бы в долг брал. Но не как ростовщик, а наоборот. Приносит ему, например,

некий гном Бутрим тысячу золотых, а через год получает от Беладаара полторы тысячи. А сам Беладаар, за то время, набрал бы еще сотню тысяч от других клиентов. И красота — деньги у него никогда не кончаются, их все несут и несут, а со старыми вкладчиками он расплачивается за счет того, что новые приносят... Все просто, как только люди сами до этого не додумались?

— Действительно, как все просто! — согласился Петрификс.

Увлечшись, Беладаар не заметил, как начал рассуждать вслух.

— Да это так, из области мечтаний, — пробормотал дракон.

Петрификс, строчивший в пергамент, оторвался от записей.

— А почему бы вам не попробовать осуществить это?

— Как? Я же дракон, куда не придешь — вечно то копьём в рожу, то из лука в пузо. Или эти, герои. Чуть что — сразу в драку. Хорошо еще, если на лошади. Никакого диалога.

— Я вас понимаю, — вздохнул Петрификс. — А как же девственницы?

— А что девственницы? Притащат раз в месяц, привяжут на холме голышом, срамота сплошная...

— О! — при этих словах Петрификс заметно порозовел. — И часто, ну, так, голышом привязывают?

— Да постоянно, — удрученно махнул лапой дракон. — И что прикажете с ними делать? Они же мерзнут, все гусиной кожей покрывается. И орут... Ты себе не представляешь, как они орут, стоит к ним приблизиться! Ну что с ними делать?

— Ну... Э-э... — Петрификс сразу как-то растерял свое красноречие. — Уж я бы придумал что...

Дракон смерил его насмешливым взглядом.

— Ты бы придумал, это точно. А мне что придумывать? Жрать, что ли? Так ты их видел, этих девственниц? Раньше-то были здоровые, упитанные, а теперь что? Скажи мне, Петрификс, вот какой осел у вас придумал моду на худых и стройных, а?

— Ну, не знаю...

— Вот был бы я, как ты, человеком, хоть какая-то польза от такой была бы. А то надоели эти драконихи. Характер у них ни к черту.

— А у вас, драконов, это... Ну это?

— Ага, то-то и оно, что ЭТО. Ты, когда-нибудь, дракониху видел?

— Еще нет.

— То-то и оно. Они ж в два раза больше нас, а после ЭТОГО еще и сожрать норовят. Вот и подумай — а захочется тебе ЭТОГО с такой перспективой. Это у вас, людей, все просто — огрел девственницу палкой по черепу, и делай с ней что хочешь. Некоторые, что спасать их приезжали, даже отъехать от столба не успевали, сразу в кусты...

— И вы их отпускаете?

— А что мне с ними делать? Солить, что ли?

Петрификс снова уткнулся в пергамент и закрипел пером. Разом погрузневший дракон вдохнул прохладный утренний воздух полной грудью и закаплялся.

— Что с вами, уважаемый Беладар? — Петрификс обеспокоено вскинул голову.

— Проклятые сквозняки! Постоянно из-за них насморк и простуда. А недавно... — дракон доверительно склонился к человеку. — Скажу по секрету — недавно у меня поясница начала болеть. Ужас, ничего не спасает!

— Неужели радикулит?

— Он самый, зараза. Сам понимаешь — пещера не отапливается, дыр не счесть, ветер по всем закоулкам гуляет. А уж если на сокровищах уснешь, то вообще мрак — так утром спину ломит!

— Может быть вам попробовать мази или втирания какие?

— Ага, — фыркнул дракон. — Ты попробуй что-нибудь в чешую вотри. Вот, приходится мучаться.

— Может винца? — Петрификс выудил из сумки флагу. — Отличное кунтубрийское, берег для особых случаев.

— Ты издеваешься, да?

— Да что вы, уважаемый Беладар, даже в мыслях не было!

— Драконы не пьют вина.

— Что, вообще?

— Вообще. Ты представляешь, сколько таких флаг нужно, чтобы я хотя бы почувствовал его вкус?

— Кошмар, — вздохнул Петрификс и приложился к флаге. — Вы даже не представляете, чего липаетесь!

— Да уж, наслышан... — в голосе Беладара прозвучала неподдельная грусть. — Диета у нас несколько однообразная — конина, человечина...

Дракон опять чихнул.

— Вам бы ремонт в пещерке сделать-то не помешает, — осторожно заметил Петрификс.

— Не помешает, — согласился Беладар. — А кто его делать будет? У самого меня лапы не приспособлены, а людей сюда, кроме как на драку не заманишь.

— А что, часто приезжают подраться?

— Часто. А проку? Вот я вижу, ты умный человек, понимающий. А приезжает кто? Эти герои два и два сложить не могут, не говоря уж о том, чтобы читать умели. Но главное — никакого азарта. Сам видишь — кто они, а кто я. Лапой топнешь — и блин от героя останется. А я ведь, когда рос, о другом мечтал!

Глаза у дракона загорелись огнем.

— Представляешь, думал — вырасту, начну принцесс красть, за ними всякие принцы да графы поедут. Выйдем мы с такими в чисто поле и устроим честный бой. А на деле что? Либо ночью принцессу втихаря сопрут, либо сразу в блин. Ну не моя весовая категория, понимаешь?

Петрификс кивнул и невинным голосом принялся вещать:

— А у людей сейчас знаете что в моде? Рыцарские турниры, один на один с равным противником. И все на глазах у прекрасных дам... Победителю — памятный кубок, любовь придворных красавиц и почет до следующего турнира. Ох, сколько же славных рыцарей за них быются...

От обиды дракон чуть не разревелся. Он тут, понимаешь, три тысячи лет дурью мается, со скуки дохнет, радикулит вон заработал. А у людишек, презренных людишек, жизнь ключом бьет!

Чуткий Петрификс уловил настроение дракона и вежливо поинтересовался:

— Скучно вам здесь, да?

Беладар урюмо кивнул. Слетать, что ли, на самом деле городишко какой спалить? Да нет, тоже скука смертная.

— Кажется, я знаю, в чем ваша проблема! — голос Петрификса прозвучал необычайно бодро. — Почему бы вам не попробовать радикально сменить обстановку?

— Это как? Переехать к морю, что ли?

— Ну, есть у меня одно эксклюзивное предложение, — Петрификс заговорщицки подмигнул дракону. — Переезд не решит вашу проблему. Видите ли, я представляю в этом мире интересы одной организации... Ей постоянно требуются энергичные, смекалистые люди с богатым жизненным опытом...

— Люди? Ты сказал — люди?

— Точно, — ничуть не смутился Петрификс. — Дело в том, что эта организация расположена в другом мире и драконы там как бы, э-э... несколько в диковинку. Так что одно из условий договора, это ваше превращение в человека.

— А это реально?

— Абсолютно! Только подумайте — вы сможете, наконец, посидеть вон на том троне и выпить вина из золотого кубка. Хотя... Это все, боюсь, придется оставить здесь. Зато подумайте — там у вас будет возможность начать все с начала, на честных условиях, с такими же как вы! И главное, вы, наконец, сможете воспользоваться плодами грабе... своего труда. И даже девственницами!

Петрификс мечтательно покачал головой.

— А уж как в том мире развито здравоохранение...

— Все, к черту все! — взвился Беладар. — Уговорил, мелкий бес. Если хотя бы половина из того, что ты наплел правда — это даже больше, чем я ждал от такой жизни. Что от меня нужно?

— Ничего особенного. Если вы не против, поставьте здесь крестик, — Петрификс протянул дракону пергамент. — После этого я прочитаю заклинание и оп-ля — вы уже там.

Беладар аккуратно процарапал крестик в указанном месте.

— Приятного путешествия, господин Беладар, — Петрификс убрал пергамент и вежливо поклонился. — Крибле-крабле-бумс!

Дракон исчез.

Петрификс встал с камня, на котором сидел, отряхнул балахон и спрятал пергаменты в сумку. Вытащив из-за пояса нечто, называемое «наладонник», подарок от его контрагентов из мира, куда только что отправился Беладар, он вычеркнул из списка еще одно имя.

— Так, кто там у нас дальше? — пробормотал Петрификс. — Логримар, дракон Оверленского леса... Ой, блин, сколько туда тащиться-то!

Он внимательно оглядел чернеющий зев бывшего жилища Беладара. И решительным шагом направился внутрь. Мало ли чего ценного может завалиться в пещере трехтысячелетнего дракона.

А Беладар открыл глаза в новом мире. Взору его предстал идеально белый потолок с окном. Сощутив глаза, дракон понял, что это не окно, а светильник, только не чадающий и дающий в сотни раз больше света чем самый большой факел. Похоже Петрификс не соврал.

— Эй, ты в себя-то пришел? — раздался у него над ухом чей-то голос.

Беладар повернул голову и обнаружил, что его массивное плечо с испаряющимися за века чешуйками превратилось в нежную розовую человеческую плоть. И, кстати, он ощутил ей весьма неприятный холод. Оставалось надеяться, что про здравоохранение Петрификс тоже не соврал.

— Очнулся, значит. Вставай давай. Нечего разлеживаться.

Беладар сфокусировал взгляд на говорящем. Человек, стоявший над ним, был облачен в невероятно смешную одежду — черную прямую куртку с широким вырезом на груди, белую рубашку с какой-то веревкой на шее и штаны, зауженные стрелки которых, казалось, остротой могли сравниться с лучшими мечами. На куртке человека болталась табличка. К своему огромному удивлению Беладар даже смог ее прочитать — «Дж. П. Ирокан, член совета директоров».

— Ирокан? — изумился Беладар. — Кузен, так вот ты куда пропал!

— Ба, да это никак братец Беладар! — кузен удивился не меньше. — Так этот пройдоха Петрификс и до тебя добрался?

— Он что, надул меня? — насторожился Беладар.

— А что он тебе наобещал?

— Ну как же — мир с честной конкуренцией, возможность пользоваться плодами грабе... трудов своих. Девственниц, наконец, — добавил он, помявшись.

— Значит все верно. Бабы тут отличные, забудь про этих неумытых дур, что тебе на холм таскали. Возьми вот, оденься.

С помощью кузена Беладар облачился в такую же как у него одежду. Непривычно, конечно, но удобно. По крайней мере сквозняки ему больше не угрожали.

— Братишка, — Ирокан ткнул Белада в плечо кулаком. — Я рад, что ты здесь. Забудь все эти глупости из своей прежней жизни. Здесь — самое подходящее место для дракона с таким прагматичным складом ума как у тебя. Я уверен, что скоро ты займешь достойный пост в совете директоров. На-ка, выпей.

Ирокан протянул стакан, до половины наполненный жидкостью чайного цвета. На ее поверхности колыхались два кубика льда. Беладар осторожно отпил предложенное и зачмокал от удовольствия. Жидкость приятным огнем растекалась по внутренностям нового тела, заставив вспомнить первые опыты с пламедыханием.

— Слушай, а на потолке это что? — спросил он, прикончив выпивку.

— Электрический светильник. Но это все ерунда, ты сюда глянь!

Ирокан потянул за веревку и одна из стен вдруг разделилась на сотни полосок. За ними оказалось окно, выходящее в узкую горную расщелину. Вот только присмотревшись, Беладар понял, что это не скалы, а очень высокие дома, стоящие вплотную друг к другу. Между ними пролегла дорога, по которой неслись сотни разноцветных самодвижущихся повозок. Над дорогой сверкали удивительно яркие огни с надписями на том же языке, что и на табличке Ирокана.

— И что, здесь никого не сжигают за создание самодвижущихся повозок?

— Да что ты, брат, — Ирокан самодовольно ухмыльнулся. — Магии в этом мире нет и никогда не было, представляешь? А такая повозка скоро будет у тебя самого, главное вкалывай как следует. Помнишь ты мне рассказывал про идею с деньгами гномов?

— Угу.

— Так вот здесь она работает во всю. Ты себе не представляешь, сколько на ней делается бабла!

— А как же честная схватка, турниры, прекрасные дамы?

— Напомни на днях сводить тебя на чемпионат по боксу, — Ирокан отошел от окна и открыл дверь. — Ну, добро пожаловать в корпорацию «Братья-драконы», лучшее место для драконов во всех вселенных!

P.S. У эзков есть байка о том, почему у урок пальцы веером растут. А теперь вы еще и знаете, откуда берутся олигархи.

АЛЕКСЕЙ РОПЬЯК

КАЧЕЛИ

Тележка легонько поскрипывала. Старик старался держать ее в отменном состоянии, но всему хорошему рано или поздно приходит конец. Неизбежно.

Старик, крепко обхватив поручень телеги, молча толкал её вперед, лавируя между островами гниющего мусора. Его внимательный взгляд устремился вдаль. Слабый свет ручного фонарика разгонял густую темноту. Рядом, тихонько напевая под нос песенку, шел совсем юный и истощенный мальчик.

— Джимми, сколько раз тебе говорить — не мучай меня, не мешай слушать, — крепкая стариковская ладонь легла на плечо мальчика.

— Но я же тихо... — начал оправдываться Джим, но старик не дослушал его:

— Крысы тоже бегают тихо. А нынче крысы просто так не ловятся, смекаешь? Или тебе?..

— Нет! Нет... — мальчик сразу замолчал. И хотя знал, что старик не смотрит на него, все равно склонил голову в знак послушания.

— Так-то лучше... — довольно протянул густой голос, и рука вновь переместилась на поручень. Чего уж там — телега скрипела неимоверно. Какие крысы, что вы? Редкие люди разбегались от этого скрипа.

— Клифф, ты все-таки решил идти вдоль Вала? Там опасно.

— Ничего, мне можно. Я-то знаю все секреты. Прежде чем откроются люки, я услышу, как по трубам катится мусор. Так что не прибыет, не бойся.

Мальчик хмыкнул, но спорить не стал. Он знал, что Клифф прекрасно разбирается в жизни Нижнего Уровня, но все равно не смог отделаться от снедавших его сомнений. О Вале ходили разные слухи, и ни одного хорошего.

Как бы прочитав мысли мальчугана, Клифф заговорил:

— Это дрянное место, но что поделать? Только там еще прелюбодеи спускают механизмы. А мне нужны детали, ты знаешь.

— Знаю.

Какое-то время шли молча.

— Знаю, — еще раз повторил мальчик. Ему было боязно, и он не хотел идти в молчании.

— Ну, раз знаешь, то не мешай мне, — отрезал Клифф и направил тележку в обход очередной мусорной горы.

***

Клифф сидел на корточках и внимательно рассматривал предмет. Судя по всему, ему посчастливилось найти нерабочий генератор, который потом можно будет вернуть к жизни.

Клифф был доволен. Его худые руки жадно теребили небольшой предмет. Вытянутое, с ввалившимися дряблыми щеками лицо исказилось в улыбке. Что-то подобное он даже не мечтал найти, отправляясь к Валу.

— Вот видишь, Джимми, жизнь иногда справедлива к нам — дает почти столько, сколько мы заслуживаем. А заслуживаем мы многое, скажу я тебе.

— Да уж, — поддакнул мальчик, перехватив в руках кость с редкими кусками мяса. Все его внимание было поглощено едой.

Клифф недовольно поморщился, на секунду оторвался от генератора и, взяв в руки фонарик, направил тусклый луч света на Джимми.

— Слушай меня, когда я говорю, потому что я говорю о жизни, которой твоя дурная башка еще не знает!

— Слушаю, Клифф, — мальчик продолжал возиться с костью.

— Ты думаешь, почему мы прозябаем на Нижнем Уровне? Что нас отличает от этих, — старик, не глядя, ткнул пальцем в почерневший от времени стальной купол у себя над головой.

— Что, Клифф? — с готовностью отозвался Джимми.

— Знания, — полушепотом произнес старик. Рука его опустилась и теперь покоилась на генераторе, любовно поглаживая шершавый корпус. — Они там, наверху, погрязли в разврате и достатке. Их там миллионы. Живут в праздности, играют со смертью. Их там столько, что они буквально валяются через край. А некоторых даже спускают по мусоропроводу.

Джимми на секунду отвлекся и представил себе эту картину. Устройство Города он представлял себе смутно, да и то, в основном, со слов Клиффа.

Город делился на уровни. Верхний — жилой, там обитали креатуры-нижники и греховники — богема, как однажды обозвал их Клифф. Средний — система камер жизнеобеспечения, святая святых, обитель роботов-сервиров — рай для повернутого на всяческих технических штуках Клиффа. Он спал и видел, что когда-нибудь ему удастся туда попасть. «Тогда-то мы и посмотрим», говорил Клифф. «Что посмотрим?», — спрашивал Джимми. «Толкай телегу!», — доносилось в ответ.

Ну и третий — Нижний — уровень. Мир отбросов и ненужного хлама. Греховники с первого уровня когда-то построили его, дабы отходы существования не мешали в будущем купаться в прелестях разврата. Как и всякая ниша, она была занята и обжита людьми вроде Джимми. Последними «истинными людьми», как сказал Клифф.

Джим представил себе, как греховники, собравшись у балкона, обсуждают новый наркотик. Их все прибывает и прибывает, приходится потеснить-

ся... И вот образуется настоящая давка. Кто-то не выдерживает, кричит, и его толкают с балкона, чтобы освободить место.

А выпавший стремительно падает, пока не превращается в изуродованную груду плоти и жидкости на полу третьего уровня. В свои десять Джимми несколько раз набредал на такие вот «пятна».

— Мы вынуждены жить здесь, но то лишь временное наше пристанище, — прервал его раздумья Клифф. — Когда-нибудь мы выберемся наверх, и невежество будет повержено.

Джимми лихорадочно искал продолжения разговора, чтобы не обидеть старика. Он и любил его и боялся одновременно. От старика исходила какая-то непонятная сила, уверенность.

— Неужели греховники настолько плохи? — произнес Джимми.

— Несомненно. Я родился не здесь, Джимми, а там, наверху. Ты не знал? — удивился Клифф. Мальчик отрицательно кивнул. Он, конечно, знал, но старик частенько заговаривался сам с собой и не помнил, кому и что именно рассказывал.

— Лоск. Огни. Шум музыки. Наркотический дым, — его взгляд затуманился. Он на секунду замолк, освежив в памяти такие далекие и смутно-неверные образы детства. — Разврат! — рявкнул Клифф, в раздражении вскинув руку. — Все отдано на откуп роботам. Они готовят, стирают, строят, проектируют... Готов спорить, зад подтирают теперь тоже они. Себе же «люди» оставили только веселье, беззаботное существование, которое и жизнью-то назвать сложно.

Он вновь ненадолго замолчал.

— Из дурмана в дурман: не напьюсь, так пуцу «ракету». А может вообще в «Старуху» сыграю! Четыре таблетки — и привет! Коли не посинею, готовьте выпивку — повеселимся еще...

Джимми вздохнул. В животе тихо, но настойчиво заурчало. Растущий организм требовал пищи.

— Я не желал этого — за то и был изгнан. В восемь лет... Падаль с гнилыми мозгами, — беззлобно произнес Клифф в пустоту.

— Клифф, — дернул его за штанину Джимми. — Когда мы будем есть? Старик раздраженно дернул головой и вскочил.

***

Возле их коморки, собранной из более-менее крупного мусора, частенько мелькал всякий сброд, понадеявшись на легкую наживу, поэтому приходилось постоянно дежурить у входа. Ружье, собранное Клиффом из множества разрозненных и несуразных деталей, было едва ли не главной ценностью, поэтому караульному приходилось держать ухо востро.

Но теперь многое изменилось. Клифф починил генератор, чем-то его заправил, подсоединил к щитовой возле хижины, и на стенах загорелись тусклые огоньки аварийного освещения. Теперь площадка перед их хибарой просматривалась просто замечательно, в то время как сам «дом» находился вне

световой границы. К тому же теперь напряжение от генератора подводилось к даритовым пластинам на полу. А значит, старик и мальчик могли покидать свое пристанище без опаски: смертельный дарит хорошо проводил ток, а генератор — обеспечивал его долгую выработку. Подходы к хижине теперь воистину напоминали островной бастион в океане невежества. Клифф, сделав пробный запуск, ласково поглаживал дистанционный пульт управления.

— Ну, зажили помаленьку, — одобрительно кивнул Клифф, когда зашляли огоньки. Он был спокоен и сосредоточен, но обмануть Джимми не смог — Клифф явно был горд собой.

Теперь они сидели у входа и беседовали. Старик как всегда возился с механизмами и самодельными инструментами. Склонившись над металлической коробкой, он тихо бормотал.

— Все книги повывбрасывали... — больше самому себе рассказывал Клифф. — Ничего не оставили. Да и к чему это? — все теперь делают роботы. Роботы там, роботы здесь... Чертов стабилизатор!! — гаркнул он и врезал по маленькой коробочке кулаком. Потом нахмурился, поднялся на ноги и подобрал улетевший прибор. Сел на прежнее место. Хрустнули суставы. — Наверно, запаяли не так, — объяснил он опять же себе.

Джимми ел и слушал. На этот раз еда хорошо прожарилась.

— Ты знаешь, что такое рудимент, Джимми? — впервые обратился он к мальчишке.

— Не-а, — моментально отреагировал тот.

— Рудимент — это придаток, отжившая свое вещь, которая и есть вроде, но уже не нужна. Как у кошек-гнилушек лишние лапы. Вроде, их должно быть шесть, но смотришь — ага, вон еще три под брюхом болтаются, не отгрызла себе... Так и бегает с ними.

— Ага.

— Люди наверху — те же рудименты. Они отжили своё как вид. Иссохли и скукожились, стали такими ма-а-аленькими, сморщенными и незначительными... — Клифф что-то поддел отверткой, и из коробки вылетела пружина. Старик проводил её взглядом, увидел, куда упала, но вставать не стал — потом.

— Греховники — это рудимент Города. Настанет день, и они отвалятся, а мы придем им на смену.

— Они что, все оттуда к нам свалятся? — удивился Джимми.

— Да нет же, нет! Это я в общем сказал. Философски говоря, твой вариант не лишен привлекательности, но Фрейд бы с тобой не согласился, — старик хохотнул и продолжил копаться в приборе.

— Что такое... кто такой Фрейд?

— Великий умник, который выдумал много интересных вещей. Если хочешь — когда я научу тебя читать — прочитаешь некоторые его книги. У меня есть.

— Там, в твоей книжной стенке?

— Да. Нас учили беречь книги, когда я учился там, наверху... — Клифф помрачнел. — Они убили память обо мне, но не меня и мой разум. Нет, не убили... — пальцы на его руках непроизвольно дернулись и, сжавшись в кулак, замерли.

Мальчик нерешительно открыл рот, замер на секунду, но все же спросил:

— Ты сказал, мы придем на смену...

— Ну да. Это все равно, что кататься на качелях. Кто-то вверх, а кто-то вниз. Сейчас внизу мы. Но движение продолжается, и наш взлет не за годами.

— Что такое качели?

— Забудь, — обрубил Клифф, — а то заставишь еще их строить.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! — снова повысил голос старик, оторвавшись от механизма. Он буквально взбесился. Отвертка полетела на пол. — Думаешь, я с тобой за просто так вожусь? Думаешь, ты мне даром нужен? В гробу я тебя видел! Чтоб тебя слизняки отравили! Усек?!

Мальчик вжался в холодную стену хибары. Он любил Клиффа, но ни секунды не сомневался, что тот сейчас его выгонит. Джимми молчал, чтобы не спровоцировать старика. Только в огромных плоских полуслепых глазах затаился ужас.

— Знания, Джимми, знания! Вот чем мы богаты! Пусть все блага Мира достаются им, — Клифф махнул рукой себе за спину, — только мы будем по-настоящему богаты!

В узких прорезях старческих глаз полыхал огонь. Столько жизни в этом дряхлом теле Джимми ни разу не приходилось видеть.

И это устрашало еще больше.

— Все ценности поменялись местами! Они боятся нас, потому что еще помнят — знание опасно. Литература, физика, религия... Каждое из этих слов убивает.

— Уб...

— Молчи, Джимми! Не перебивай, когда разговаривают старшие! Этому я тебя разве не учил?

Мальчик молча кивнул.

— Да, убивает, — продолжил старик. — Убивает загаженный разум. Эти слова таят опасность. Мы, словно Диоген, сидим в бочке, в то время, как чревоугодники разгуливают по улицам, разбрызгивая слюну и семя. Все, что вне — не настоящее, Джимми, все выдуманно, и греховники с удовольствием живут в своих фантасмагориях! В таких удивительных, уютных и сладостных мирах, которые все вместе образуют один большой, но такой дурманивший мир, что всем наркотикам Вселенной не под силу повторить его вкус. У них нет больше шанса вернуться назад — этот путь потерян давным-давно. Они могут только трепетать перед нами и ожидать пришествия своей смены.

Старик, кажется, стал успокаиваться. Спина его привычно ссутулилась, плечи поникли, а голова слегка завалилась набок.

— Вени-види-вици, Джимми. Так мы и поступим. Всему свое время.

— Что это значит? В...

— Это значит, что все будет хорошо, Джимми, поверь мне. Только мне надо, чтобы ты слушался меня, — он подошел к мальчику, присел рядом с ним на корточки. Джимми подавил мимолетное желание отплатиться. Старик протянул к нему руки, положил тяжелые ладони на плечи и пристально посмотрел на него исподлобья:

— Ты же будешь меня слушать, ведь так? С годами мы не становимся моложе, мальчик мой. Знания тоже имеют свойство умирать. Но вместе мы будем жить. Мы выживем, Джимми. Ты со мной согласен?

Мальчику ничего не оставалось делать, как кивнуть, хотя сейчас он больше всего на свете хотел оказаться где-нибудь подальше от гнусного света аварийных ламп и старческого взгляда.

***

Они вновь брели вдоль Вала. Старик — с телегой, а мальчик — со смутным чувством, что от будущего разговора с Клиффом зависит его будущее, уж очень раздражительным стал учитель в последнее время.

В телеге перекатывались прихваченные инструменты, чтобы в случае необходимости разобрать громоздкий механизм на месте и утащить в хижину в несколько заходов. Хотя столь большие машины не попадались уже давно.

— Мир наверху умирает, мальчик, — невозмутимо говорил старик. — Все ветшает, выходит из строя. А сложные механизмы греховники боятся скидывать. Боятся из-за нас.

Затхлую тишину прервал еле слышный шум, донесшийся откуда-то справа. Старик невозмутимо осветил фонариком и присмотрелся: так и есть, открылся люк мусоропровода. Спустя секунду из щербатого ржавого рта посыпались груды всевозможного хлама. Пыль летела клубами. Стой они там, их бы распылило в лепешку. Наконец, поток иссяк.

Джимми дернулся, но старик цепко схватил его за руку и удержал на месте.

Прошла минута. Другая. Наконец, когда Джимми уже решил спросить, чего они ждут, из разъявленного отверстия вылетел небольшой предмет и звонко стукнулся о мертвые железки. Пасть мусоропровода с лязгом захлопнулась.

Клифф, не говоря ни слова, первым двинулся к свежей залежи. Только оглядев новую свалку, он, еле разлепляя губы, произнес:

— Никогда не подходи к мусору, пока не захлопнется люк, Джимми, ты меня понял?

— Да, Клифф, понял.

— Запомни это хорошенько, мальчик, и, возможно, доживешь до моих лет.

— Как скажешь, Клифф.

Старик просиял и в возбуждении потер обросший густой щетиной подбородок.

— Кажется, я наконец нашел кое-что стоящее. За мной, Джимми!

***

— Рассказывай, Джимми! — великодушно велел старик. Они вновь сидели у порога хижины. На импровизированном столе в беспорядке были свалены инструменты и детали из обширных запасов Клиффа. Сам он по пояс пропал внутри стального жбана, что-то там крутил и присвистывал незатейливый мотивчик из прошлого. Его голос, экранируя, отдавал металлом, но некая веселость обнадеживала.

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, — наизусть начал Джим.

— Легче, Джимми, легче. Не усердствуй. Слова должны идти от сердца. Я же тебя этому учил. Мы рождены для того, чтобы произносить эти слова с любовью.

— Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

— Во-от, уже лучше. Продолжай, я почти закончил. То, что ты сейчас говоришь, — величайшее знание из всех. Оно даст тебе невообразимую силу, — старик вылез из жбана и принялся устанавливать внутрь какой-то огромный винт.

— И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь.

Джимми замолк, ожидая реакции.

— Превосходно! Отлично! — воскликнул старик, разгибаясь и окинув взглядом механизм.

— Я старался, Кл...

— Да я не тебе! — отмахнулся Клифф. — Все это — просто слова. А вот это — настоящий успех. Торжество над природой человека.

— Что это, Клифф?

— Мясорубка, Джимми, — сияя от гордости и самодовольства, проговорил старик.

— Мясорубка? Не понимаю... Зачем она? — нахмурился мальчик.

Клифф, старчески кряхтя, похлопал Джимми по спине и растянул в гнилой улыбке губы:

— Мы с тобой богатые люди, Джимми, так? Греховников наверху еще много, хватит на всех, — он сокрушенно вздохнул: — А вот зубы у меня уже не те.

КИР ЛУКОВКИН

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Приложив ладонь козырьком ко лбу, Орсон зачарованно разглядывал вонзившиеся в небо прямо над головой стержни гигакомплексов Рундербурга, что славился в мире своими навесными садами и точнейшей радиально-лучевой застройкой. Он только что выскочил из старенького, чихающего аэробуса, который, едва дождавшись пока пассажир опустит ногу на покрытие, бесцеремонно рванул куда-то прочь. Орсон чудом удержал равновесие и закаплялся, задыхаясь в ядовитых клубах выхлопных газов. Никчемные скотовозки давно уже должны были очутиться на свалке, мрачно подумал он, а вместо этого возят иногородних в полис, превращая каждый рейс в смертельный аттракцион.

Оторвавшись от индустриальной панорамы, он поудобнее перехватил портфель и пошарил глазами в поисках указателей движения. Прямо перед ним бурлил проспект наземного уровня, по берегам которого струились пестрые толпы людей всевозможных мастей и сортов. Прохожих было так много, что асфальт едва виднелся в мелькании тысяч ног. Орсон, как и многие провинциалы, волей судеб оказавшиеся в столице, чувствовал себя здесь крайне неудобно. Прежде всего, внешним видом, манерой держаться и простоватой одеждой он, словно индикатором, сигнализировал встречным о своем статусе и происхождении. Чувствуя, как воспаляется кожа — не только от коротких цепких взглядов, но и прямых солнечных лучей, Орсон направился к подземному переходу. Ему надо было пройти ровно квартал, вон до того цилиндрического здания, видневшегося слева, со стелой на крыше и логотипом «Астраком».

Распахнутая глотка тоннеля ежесекундно поглощала и исторгала из себя эшелоны рабочих, служащих, мелких клерков, туристов, зевак, торговцев, пенсионеров, школьной и студенческой молодежи и просто людей, по наряду которых совершенно невозможно было понять род их занятий. Сейчас Орсон присоединился к их армии, став еще одним спешащим куда-то в безликой массе человеком. Стараясь держать темп, он поглядывал по сторонам. По бокам перил лепились бездомные. В душной тени перехода они сверкали белками глаз, завывая о помощи. В местах почище обосновались продавцы различных безделушек, наперебой рекламируя свой товар.

— Сиверсы! — орали они. — Недорогие сиверсы. Антидоты. Магнитумы. Линзы всех цветов! Генераторы воздуха! Все что нужно для дома и офиса!

Дальше тянулись обшарпанные скворечники столовых, начисто лишённые даже намека на какие-то сертификаты о качестве пищи, но где можно было быстро, а главное очень дешево перекусить с гарантированным вредом для желудка. Несколько ответвлений тоннеля уходили вниз, к подземным уровням, их следовало пропустить. Пройдя мимо, Орсон с облегчением обнаружил, что переход закончился.

Миновав переход, он бодрым шагом направился по тротуару. Жара стояла неимоверная, поэтому Орсон очень быстро взмок. Попробовал расстегнуть куртку, но это мало помогло. Пот градом катился по лбу, вискам и шее, стекал вниз, темными пятнами пропитывая одежду. Избавившись от скованности, он снял куртку и перекинул ее через плечо. Плевать, что там думают окружающие.

Вскоре, ровно в назначенный час, он оказался перед входом в здание компании «Астраком». Входные двери, словно створки от ворот дворца Снежной королевы, были выполнены в минималистском стиле из металло-стекла синих, отчужденных тонов. Орсону даже показалось на мигновение, что от них веет холодным паром, как из морозильника.

Просторный холл был пуст, за исключением одиноко сидящего за конторкой охранника. Все стандартные атрибуты его профессии присутствовали — охранник был тучен, усат, с напускным интересом смотрел по визору какой-то матч и не обратил ни малейшего внимания на визит нового гостя. Компанию ему составляла чахлая, пожелтевшая пальма в кадке, которую видимо давно никто не поливал. Каким-то странным образом и пальма, и охранник потрясающе сочетались между собой. Орсон даже помедлил, захваченный этим зрелищем, и, поджав губы, решительно двинулся к конторке.

— Добрый день! Скажите пожа....

— В отдел клиентов? — перебил охранник.

— Да...

— Прямо по коридору, этаж девяносто третий, — он вяло двинул пухлым пальцем в указанном направлении.

Хотелось спросить «Как вы узнали?», но Орсон решил, что его сочтут за деревенщину и прошел дальше по скользкому плиточному полу. Затем была увлекательная лотерея с выбором лифта из четырех возможных, нажатие на все кнопки сразу, прибытие одновременно всех четырех лифтов, да еще наполненных какими-то людьми, растерянные вопросы, о том кто едет вверх, рассерженный ответ, что вверх едут все, выбор кабины, в которой было меньше всего людей, но, как выяснилось, которая двигалась так медленно, словно существовала некая корреляция скорости подъемника и количества набившихся в него людей; пропуск этажа, сначала на пять вверх, затем на три вниз, наконец лифт останавливается на требуемом девяносто третьем этаже, после чего Орсон предстает перед взором белобрысой секретарши, буквально выпрыгнув из кабины в приемную. Та, смерив его

орлиным взглядом сквозь узкие очки без оправ, как истинный профессионал мгновенно расцветает в ослепительной улыбке и выдает тираду:

— До-о-обрый день, мистер Камински! Добро пожаловать! Мы так рады видеть вас!

Орсон, стараясь не удивляться, сдержанно салютует. Он понимает, что это уловка.

— Вы так пунктуальны — пришли ровно в три. Замечательно, замечательно! — щебечет секретарша, а Орсон украдкой протирает салфеткой лоб. — Сейчас я сообщу о вашем прибытии мистеру Резнику. Присаживайтесь пока на диван.

Забавно — его приветствовали как старого гостя. Словно так и надо. В приемной работал кондиционер и Орсон ощутил, как блаженная свежесть оmyвает с ног до головы. При осмотре обстановки приемной и боковых проходов Орсона на мгновение посетило странное чувство дежавю, но он списал это на помрачение рассудка от жары. Только он собрался присесть, как секретарша вернулась назад, в компании с высоким брюнетом средних лет. Впечатывая ноги в пол, брюнет на полном ходу подлетел к Орсону, выдвинул вперед узкую лапичу и сказал:

— Здравствуйте, господин Камински! Я — Роджер Резник, менеджер по работе с клиентами! Пойдемте ко мне в кабинет, побеседуем там.

Орсон послушно побрел вслед за Резником в его апартаменты. Менеджер азартно шутил, пока они шли по коридору до нужной двери, говорил про погоду, пробки, недавнее отключение энергоблоков в полисе, а когда входили в кабинет, осведомился насчет здоровья Орсона и, без перехода, резко выдал:

— Что же мы теряем время? Давайте поговорим о вашем деле. Садитесь пожалуйста! Кофе?

— Нет, спасибо. У меня с собой есть документы... — Орсон раскрыл портфель и передал Резнику папку с бумагами. — Это для оформления кредита.

Пока менеджер шуршал бумажками, Орсон поведал ему причину своего визита. А причина была простой до банальности. Заключалась она в том, что Орсону Камински, фермеру из Калена, отцу троих детей, владельцу пяти акров посевных площадей и маленького комбината по производству свинины, как воздух нужны были деньги на модернизацию техники. Старая дышала на ладан, комбайны еле ползали, у грузовика полетела трансмиссия. Доходов от продажи продуктов еле хватало, чтобы обеспечить семью и оплатить обучение старшего сына в колледже. В прошлом году был неурожай, и Орсону удалось собрать какие-то жалкие три четверти от сезонной нормы. Как назло, с мая месяца взвинтили налоги на продажу. Если еще и техника откажет, семья Камински окажется в глубокой яме. Короче говоря, Орсон наведася в банк, собрал необходимые документы и отдал их на рассмотрение. После чего банк отказал, мотивируя решение тем, что в случае просрочки по оплате, совокупного имущества Камински не хватит на погашение долга: дом старый, земля недорогая, солидных капиталовложений или другой

собственности у фермера нет. Орсон приуныл, но знакомый банкир подсказал ему, что есть такая штука — физический пассив. То есть внутренние человеческие ресурсы, которыми можно поручиться, а, в крайнем случае — заменить при жизни протезами или отдать *post mortem* для научных целей.

Резник сочувственно кивал, бегая мелкими глазками по строчкам бумаг.

— Вот поэтому я здесь, — закончил Орсон. — Слышал, ваша контора занимается оценкой таких вещей.

— Это отчасти верно, — Резник оторвался от бумаг. — Вы пришли точно по адресу. А вы вообще имеете представление о том, как мы работаем?

— Смутное, честно говоря.

— Не беда. Если в двух словах, мы проводим физиологическую экспертизу заемщика и выносим заключение, какими ресурсами он может поручиться. Потом сообщаем в банк, и банк дает кредит под залог органа. Или не дает кредит. Но обычно дает. Сразу хочу вас успокоить — никто наших клиентов по запчастям не разбирает. Вы продолжаете жить и радоваться, просто залоговый орган как бы перестает быть... вашим. Наступает обеспечительный случай, и мы его забираем, меняя на высококачественный протез. Все происходит чисто и аккуратно. Но это — если вы злостный должник, и не собираетесь платить. Такое бывает очень редко, обычно клиенты поправляют материальное положение и быстренько возвращают деньги. Вот и вся суть.

— Хм... — Орсон почесал затылок. — В общем, я думал о чем-то таком похожем... Ладно, чего уж теперь. Выбора у меня все равно нет. Что требуется?

Менеджер, словно фокусник, сотворил из воздуха ксиву и подсунул ее фермеру.

— Соглашение об экспертизе. Просто подпишите.

У Орсона, как всегда бывает в ответственные моменты, перехватило дыхание. Он принялся старательно читать мелкий шрифт соглашения, но нить терялась, и тогда он начинал снова, а в это время Резник болтал что-то успокаивающее, отчего внимание Орсона переключалось, и он снова безуспешно пытался вникнуть в документ, при этом усердно потея. Наконец, после десятой или двенадцатой попытки, Орсон плюнул и поставил закорючку.

— Далее, вы должны пройти полное медицинское освидетельствование. Мы располагаем целым штатом высококвалифицированных специалистов, эти ребята знают свое дело.

— Долго?

— Пару часов.

— Ладно, — буркнул Орсон, и оба поднялись.

Следующие часы Орсона водили по кабинетам на разных этажах, начиная от терапевта, заканчивая хирургами. Его щупали, слушали, просвечивали, простукивали, мяли, брали анализы... Камински мужественно терпел все мучения, зная, что цель оправдывает средства.

Спустя какое-то время он снова сидел в кабинете менеджера по работе с клиентами, а тот увлеченно просматривал медкарту клиента. Брови Резника елозили по лбу в замысловатом танце.

— Ого, мистер Камински... Да вы супермен, как я погляжу. Сердце без патологий, холестерина нет, давление нормальное, кости крепкие. Слушайте, вам в космос можно летать!

Фермер скромно улыбнулся.

— Что ж. Можете считать, кредит у вас в кармане. Остался пустяк — определиться с залогом.

Орсон растерянно посмотрел на собеседника:

— Но я даже не знаю, что выбрать.

— Да что хотите! Любой орган, кроме селезенки. Вот селезенка у вас барахлит. Вы на какую сумму ориентируетесь?

— Один миллион. Должно хватить.

— Ага. У нас преysкурant имеется по органам. Вот, ознакомьтесь.

Орсон принял интерактивную карточку с таблицей, в которой каждому элементу организма соответствовала определенная сумма. Списки были разбиты по главам — пищеварительная система, сердечнососудистая, иммунная и так далее. Стал наобум читать про себя: «Сердце — 600 000»... «Почка (1) — 300 000»... «Лимфа (1 гр.) — 10 000»... «Кровь (1 л.) — 400 000»... «Желудок — 250 000»... «Лёгкое — 450 000»... Более сотни наименований. Не выдержав, он поднял глаза и поверх карточки наткнулся на жизнерадостную физиономию Резника.

— Ну как? Выбрали?

Фермер слотнул. Каждый орган был жизненно важен. Отними его — и он не сможет нормально работать, а значит, кормить жену и детей. Кому нужен такой инвалид?

— Нет, мистер Резник, не выбрал, — он раздраженно шмякнул карточкой об стол. — Мое тело всегда должно быть в рабочем состоянии. Срок кредита пролетит быстро, а кусок из меня вырвут навсегда. Это слишком рискованно.

Резник, казалось, не замечал, о чем ему говорили; он задумчиво разглядывал макушку Камински, вертя в руках автоперо. Повисла тягостная тишина.

— Мистер Камински, — торжественно начал менеджер, растягивая слова, — вы внушаете уважение. Сразу видно, вы человек серьезный. Соль земли. Поэтому я хочу предложить вам кое-что особенное. Достойное вашего внимания. — Понизив голос, он сказал, — Специальное предложение.

— Внимательно слушаю.

— Забудьте про брeнное тело. Любая плоть со временем разрушается. В нашу информационную эпоху гораздо выше ценится другое. Знаете, что это?

Камински нахмурился.

— Это разум, мистер Камински. Человеческий разум, который в миллионы раз совершеннее любого, самого навороченного компьютера. Понимаете, о чем я?

— Вам что, нужны мои мозги?!

— Нет, что вы! Лишь мысли. Ваша способность размышлять.

Это прозвучало настолько дико, что у Орсона не нашлось подходящих слов.

— Не стоит так переживать. Ваш разум останется при вас и даже забирать его никто не будет. Вы просто предоставите компании за кредит возможность использовать ваши мыслительные способности.

— Но как же я буду...

— Да погодите возмущаться. Компания завладеет правами лишь на малую часть вашей мыслительной мощности. Например, мы используем 1 процент потенциала в своих целях, вы используете остальные 99 процентов — для себя. Биотика настолько продвинулась в этом плане, что способна использовать мозг человека, как самый обычный процессор — то есть заставлять его выполнять разные задачи одновременно. Без отрыва от повседневных дел. Пока мы занимаемся вычислениями, вы занимаетесь поливкой огорода. Технически это делается легко, быстро и безболезненно. В мозг вживляется приемник, который обменивается информацией с дистанционным передатчиком и главным узлом. И это никак не скажется на вашем интеллекте. Вы останетесь самим собой. Ну, разве что реакции будут медленнее, но ведь нужно же как-то оправдывать ту кучу денег, которую вы получите за сделку почти даром! Речь идет о безвозвратном кредите, мистер Камински.

— А срок использования?

— Бессрочно. Срочное использование — обязательный возврат. Это бизнес. И еще одно, в качестве страховки обеих сторон — условия сделки строго конфиденциальны.

— Само собой, — Орсон выпрямился. Как раз то, что надо! Он принял решение неожиданно быстро. Это напоминало просветление. Он, конечно, помнется энное время для приличия, но можно считать, что вопрос решен.

...Как только Орсон Камински оформил договор, приложения и ушел в банк для получения причитающейся суммы, Роджер Резник позволил себе расслабиться и мысленно произнес: «Этот день был удачным!». Месячная надбавка к гонорару обеспечена.

Он помешивал чайной ложечкой в стакане, когда вошла секретарша:

— Можно, мистер Резник?

— Да, Кэтти, входи.

Девушка вошла, принесла несколько листов на подпись и, задержавшись у двери, спросила:

— А этот фермер... он опять сдал нам в аренду свои мозги?

— Я бы сказал, продлил старый контракт, — ухмыльнулся менеджер. — Раньше мы использовали 10 процентов его серого вещества, теперь — 12.

— Неужели он ничего не помнит?

— Память заблокирована.

— Может, было бы правильнее рассказать ему об этом?

Наивность девушки вызвала у Роджера приступ умиления.

— А зачем, милая моя? Этот человек и миллионы ему подобных, живут своей обычной жизнью, не отягощенной всякими умственными метаниями. Он не ученый, не инженер, и даже не электронщик. Он фермер, его дело — ковыряться в навозе. Мозги тут совершенно не нужны. Так пусть же они послужат на благо нам.

МАРИАННА ЯЗЕВА

БУДНИ СТОН-ГОРОДА

втор — Пестиня Порфирьевна

«... Просто удивительно, как громко может стучать деревянная ложка по дну деревянной же тарелки. И никакой, собственно, нет разницы, украшена ли эта самая ложка немыслимой красоты резными узорами, или просто до неприличия обгрызена нетерпеливыми голодными ртами.

Атагель укоризненно взглянула на сына, и он торопливо отодвинул от себя посудину, спрятал руки под стол. Глянул исподлобья. Всё чаще он так смотрит на нее: наклонил голову, нахмурил брови, и вдруг — быстрый короткий взгляд в упор.

— Иди, — отвечая на безмолвный вопрос, сказала она. — Я уберу посуду.

Тэмо кивнул и мгновенно исчез, лишь ветви колыхнулись у входа в шалаш. Гибкий, стройный... даже слишком стройный, — пора бы ему уже сменить подростковую щуплость на юношескую возмужалость, но настали такие времена, что и взрослые воины уж не выглядят могучими. Вон, даже у Бельбега-Рыжего обтянуло скулы! Если так пойдет и дальше, он скоро не сможет управляться со своим знаменитым мечом...»

Константин оттолкнулся от стола и проскрежетал колесиками старого компьютерного кресла по изодранному линолеуму. Крутнулся в сторону трюмо. Фиг его знает, как там у рыжего Бальбега, а у него, Бегунова Константина Игоревича, при том безусловного брюнета, точно — обтянуло. И не только скулы. Ребра еще, например. И, небось, позвоночник.

Размышления о собственной анатомии пришлось прервать: хлопнула входная дверь, и традиционно проспавший все на свете Балаган с опалелым лаем рванул из-под журнального столика в коридор. Там ему было громко объявлено, что он чучело бессмысленное, тупоумное и кособрюхое, место коему на заднем дворе таксидермической мастерской, и было это замечательно, потому что такие замысловатые периоды брат Артемий выдает только в хорошем расположении духа. А хорошее расположение — это, господа и граждане, удачный поход в продуктовку!

Опустевшее кресло осталось крутиться посреди комнаты.

Артемий раздувался от гордости, выкладывая на кухонный стол

сегодняшнюю добычу: три кирпича серого хлеба, пакет с неопределенного вида мелкой крупичкой, несколько консервных банок (две из них, кажется, были в солидоле), завернутые в газету длинные мороженые рыбины с колючими плавниками, фунтик сахара, россыпь глазастой картошки и разной овощной мелочи. Отдельно и с уважением извлечена была бутылка с соевым маслом, а также нечто совсем уж трудноопределяемое в прилипшей глянцевої обертке, отрекомендованное добытчиком как халва подсолнечная, сорт второй...

— Дуй сразу к Порфирьевне, — скомандовал насладившийся произведенным эффектом Артемий. — Должок за нами. Буханку одну унесешь, и это... сейчас...

Он похлопал по карманам похудевшего рюкзака и вытащил печатку мыла. Мыло было чудесное: ярко-розового цвета, с пронзительным химико-цветочным запахом.

— Тоже отдашь. Она нам хозяйственное давала, помнишь?

— Да там же обмылок был... — заспорил было Константин, но брат был непреклонен:

— Отдашь. В другой раз мало ли чего еще будем занимать, когда прищипит? Порадуем тётку, не жалься.

Порфирьевна при виде запашистого мыла всплеснула руками, помянула Господа и всех его архангелов, да еще и вынесла на блюде четыре испеченных в честь завтрашнего воскресного дня блинчика. К блинчикам пожелала приятного аппетита, а блюдечко наказала вернуть попозже, не торопиться.

Славная тётка — Порфирьевна, чего и говорить.

Взлетая через две ступеньки, Константин вернулся с первого на родной четвертый.

Артемий уже поставил на плиту кастрюлю и промывал в старой щербатой пиале крупу: подливал тонкой струйкой воду, размешивал пальцем и осторожно сливал сверху муть, полную всякой сорной мелочи. Чтобы не упустить в раковину — вдруг рука предательски дрогнет? — съедобных крупинок, муть сливалась в большую тарелку. Понаблюдать подольше за этим сложным процессом не удалось: Артемий тут же заставил брата чистить рыбу.

Балаган выганцовывал на заветном рубеже, — пороге кухни. Но собачья радость нагрянет не скоро: пока еще сварится его болтушка с рыбными потрохами и плавниками...

После ужина Константин вернулся к своим виртуальным героям, щедро одарив их богатой добычей в виде добытого геройским Бальбетом жирного оленя. Пусть уж подкрепятся, чего там. А то исхудавшая красавица Литомейна не сможет соблазнить вождя соседнего племени, и сюжет опять уйдет куда-то вкось, выравнивай его потом!

Племя заметно повеселело. Тэмо вдохновенно обглаживал презрительную

кость, его прекрасная сестрица, которой в ближайшем будущем предстоял столь важный политический шаг, тоже не отставала от него в аналогичном приятном занятии...

Но автор заметно ословел и, не колеблясь, променял писательский труд на объятия Морфея.

... Пробуждение же было скверным.

Ночью пошел, да мало того — совсем не на шутку разошелся, — холодный осенний дождь. Да не просто пошел и разошелся, а с ветром, да с порывистым! Плохо затворенное Константином окно выпустило в комнату и дождь, и ветер. Хлестнувшей занавеской сшибло на пол горшок с ванькой-мокрым, сквозняком снесло со стола стопку бумаги и стакан с карандашами, а на подоконник стремительно наплескало дождевой мокрети.

Все эти последствия и пришлось устранять, вылезая из-под одеяла и шлепая спросонья босиком по рассыпавшейся на полкомнаты мокрой земле и разным мелким дребезгам, накопившимся за последнее столетие в карандашнице. Потом следовало помыть ноги и объяснить чрезвычайно раздраженному Артемию, за каким, собственно, хреном его старший брат бренчит и трубит на весь дом с утра пораньше. В выходной-то день, святое ж дело, крен тебе в киль!

А там уже и сон окончательно пропал.

Забравшись, тем не менее, обратно в постель и тоскливо глядя сквозь мокрое стекло на дрянную непогодицу, Константин вяло размышлял. Мысли ползли медленные, серые и какие-то сырые, подстать атмосфере за окном.

«Может, хватит все же этих экспериментов... плевать, что там кто скажет... их бы сюда, сытых умников, особенно Костюнина!.. или Пака... Вот только Артёху хрен отсюда сдвинешь, упертый... А без него возвращаться нельзя... это же просто представить даже невозможно, вернуться одному!.. а если этот чертов балалаечник тут спит действительно что-то великое?..»

Константин заворочался на раскладушке, скручивая в жгут плохо расправленную простыню.

«В общем-то, у меня здесь тоже дело идет куда лучше, чем там, в их Великом Большом И Сытом Мире... пишется и быстрее, и ... запойнее, что ли. Раньше такого не было. Даже под легким кайфом...»

Воспоминания нахлынули сразу, резко, как тот прорвавшийся в распахнутое окно порыв ветра.

...Шум прибоя, солнце, чайки, деревянная веранда, шезлонги, столик с фруктами; Инга в белом сарафане, сползшая с плеча бретелька, босоножка, качающаяся на пальцах изящно вытянутой ноги; улыбающаяся девушка в форменном купальнике: еще два коктейля?.. запотевший бокал, соломинка, ломтик чего-то кислого; а ты пробовал курбо?.. конечно, сколько раз!.. может, сейчас?.. две синие капсулы, выдавленные в недопитый коктейль,

упавшая на пол соломинка, возьми мою, с удовольствием, ну как?.. как всегда, как надо, лучше всех... за руки — и к морю... не брызгай, я не люблю!.. а так?.. а так люблю!.. кого?.. и ты еще спрашиваешь?..

Он, видимо, задремал; картинка была яркой, но обманной, ненастоящей, рвущейся. К тому же вспомнилось и другое: с отвращением смятые и брошенные в камин листы распечаток романа, — накануне вечером они казались гениальными, не требующими правки, а с утра превращались в пошлую поделку. Огонь вспыхивал ярко и весело: пицци ему хватало, целые пачки бумаги, плод нескольких часов торопливого жадного метания пальцев по клавиатуре компьютера...

А впрочем, читали бы и такое. Рукописи не горят? Средненькое, серенькое, но — в струю. Мэйнстрим... У него уже было имя, его книжки ждали, покупали, брали автографы. Поклонницы, дурацкая суета. Фанфики. Где-то даже был фан-клуб... чушь, конечно, но приятно. Высылал им фотографии, афишки какие-то...

Артемий, черт гитарный, младший брат, неутомон и вечный заводила, проел буквально все мозги: я не хуже Уламетова, ты не хуже Краня...

Уламетов тогда выпустил свой очередной альбом «На голодном пире», и Артюха совсем свихнулся, слушая в тысячный раз его «тихо кричащие», как о них писали, песни. А Крань опубликовал «Дневники посыльного», совершенно не похожие на его прежние работы, и кто-то фыркал, что автор исписался, но Константин-то понимал, что вот это — настоящее...

И ведь они оба остались в Стон-Городе. Оба. Они где-то здесь, может даже, на соседней улице, в соседнем доме. Артемий, помнится, одно время всё присматривался к киоскеру, продающему журналы возле парикмахерской. Какие, говорил, у него пальцы музыкальные! Мог ведь великий бард выбрать себе внешность пожилого китайца, с него станется... Но китаец, говорят, умер, а некрологов по Уламетову не было, это точно.

И Крань... Пишет Крань. Цикл рассказов его идет в «Оттаявшем окне», и журнал резко вздернул тираж. Оценили нового Краня, да еще как оценили.

Константин в который раз пообещал себе: вот закончу свою фэнтезятину — и всё. Договор, ясное дело, надо выполнять, но потом... Потом будет то, что должно быть. Новый Бегунов. Или не Бегунов, — надо подумать над псевдонимом. Он перебрал несколько десятков вариантов, но в голову лезла какая-то вычурно-пафосная ерунда... и он снова заснул.

За стеной, включив звукопоглощающую систему (единственная привилегия поселившихся в Стон-Городе музыкантов), Артемий перебирал пальцами струны гитары. Вчера он записал пару-другую строк, и надо было срочно проверить, не скукожились ли, не обесценились ли они за ночь. Он торопился: надо было еще сбегать отметить в очереди у обувного магазина. И ведь чуть не забыл, — хорошо, Костька, черт такой, разбудил! Правда, неизвестно, что можно будет получить по карточке Н-2 (шутники

утверждали, что таким образом обозначено количество ног получателя), — рабочие башмаки или, к примеру, дамские туфли, но очередь терять не следовало. Похоже, что поставки в Стон-Город производились аппаратами, использующими метод случайных чисел. Во всяком случае, резиновой обуви всех видов, от доисторических галош до болотных сапог, жители запасли предостаточно, но вот простейших кроссовок или комнатных тапочек достать было практически невозможно!

Артемию вспомнилась его бывшая коллекция обуви: девять пар только для разных видов спорта, и это при том, что спортсменом он не был никогда... Разрешенную «на внос» одну пару любимых кроссовок он истоптал окончательно в прошлом месяце, и теперь лихо шлепал в накоротко обрезанных резиновых сапогах. Ноги невыносимо потели. А что делать? У Константина — экой ты мелкой, старший брат! — на два размера меньше нога. Ботинки у него еще держатся, потому что работа сидячая, конторская, но вот посылать его отовариваться в продуктовку смысла нет: не пробивной. И принесет — чуть, и перепсихуется весь.

Не для этого они поселились здесь, в этом искусственно созданном застенке нищеты и голода. Талант должен быть голодным... но не полумертвым от недоедания. И не взвинченным до предела. Хотя иногда и это помогает... Артемий вспомнил Джона Торчински и хохотнул.

Взял несколько громких аккордов. Потом еще. Хмыкнул, потянулся за карандашом и вписал в блокнот несколько значков, забормотал вполголоса вчерашние строчки...

А тремя этажами ниже Порфирьевна, с силой потеряв кулаками виски и совсем не по-женски почесавшись в паху, встала из-за стола, в последний раз нажав на клавишу сохранения текста. На сегодня, пожалуй, достаточно.

Что бы там ни видели окружающие, добродушную морщинистую бабью физиономию, к примеру (оригинальный выбор последних двух месяцев, позволивший решить проблему с работой няньки, — других не находилось), реальная щетина кололась и раздражала. Сегодня у Порфирьевны было настоящее туалетное мыло, — что там патентованные кремы для бритья, оставшиеся по ту сторону городских стен! — и она сейчас будет мыться и бриться в свое удовольствие! А потом часов пять... ладно, шесть!.. сна, и снова писать, править и снова писать, пока не придет время водиться с маленькой капризулькой из соседнего подъезда. Занятие непростое, зато стабильный небольшой доход и возможность отовариться с черного хода мукой и маслом! Правильные связи здесь, в Стон-Городе, — великое дело!..

И, с хрустом потянувшись, Александр Крань отправился в ванную.

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ

НАВЕРНОЕ, ОНИ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ

«Над королевством приятно пахло фиалками»
(с) Д. Семенов

Началось все с того, что Мильке, чумазой девочке-служанке явились ангелы. Дело происходило в затынутом паутиной погребе, куда малышка полезла за кувшином вина по просьбе хозяйки замковой таверны.

Высокие, прекрасные, сияющие небесным светом существа объявили Мильку великой героиней, напрогночили великое будущее и вручили ей могущественный артефакт. Кинжал, в рукоять которого мистическим образом была вмонтирована чугунная наковальня. Витиевато попрощавшись, небесные гости растворились в сырости подземелья, и погреб окутался привычной тьмой.

— Ой, — сказала Милька и попыталась сдвинуть великий дар с места. Ей показалось, что сегодня мир изменится.

Она была права.

Ранним утром в ворота замка воровато постучался цыган. Заскрипели цепи, пустили на мост утрюмую стражу. На лице десятичника появилась совсем недобрая улыбка.

— Ох... — все понял бродяга.

— Угу, — нехорошо ослабились солдаты.

Казнь цыгана назначили на полдень. Карательный отряд барона оперативно вырезал не успевший вовремя сбежать табор, но конокрадство в области тем самым не истребил. Шаг предсказуемый, и во многих окрестных деревнях даже дети знали, что старый Лука, владелец хмурого замка, бродяг не любил. Оливки уважал, породистых лошадей ценил, дочку, вино и охоту — боготворил, а вот цыгане как-то не по душе были грозному барону.

Ничего не понимающий паренек, так и не отошедший от столь "теплого приема", быстро оказался на эшафоте и оттуда тихо спросил у собравшейся на площади толпы:

— За что?!

Толпа в ответ гулко хохотнула и потребовала цыганской крови.

Палач Марк на казнь опоздал, а когда выскочил на площадь то увидел,

что его ученик с улыбкой убедился в смерти цыгана. Осторожно, почти на цыпочках, палач ретировался прочь. Работу свою он не любил, и такая радостная неожиданность ему пришлось по душе. Домой палач отправился по привычному маршруту, мимо окон молоденькой баронессы. Сердце Марка принадлежало этой миниатюрной, обворожительной красоте. Но тело, к сожалению, законом крепилось к жене-вертихвостке.

Луиза, злополучная дочка барона, всю экзекуцию цыгана провела в кровати, рыдая и прижимая карликового пуделя к пышной не по возрасту груди. Причина слез была банальна — сломался ноготь на указательном пальце, и папик запретил упражняться с мечом.

— У всех дочери как дочери, и только у меня дура, — глухо сообщил барон, когда ушел на казнь. — Что подумает благородный сэра Гудак? — буркнул он на прощанье.

Сэр Гудак, странствующий рыцарь, в замке был проездом и думать ни о чем не собирался, по причине жарких объятий жены палача. Из-за которых, собственно, он и не пошел на торжественное повешенье бродяги. А его молодой слуга, уродливый горбун по имени Дункан, долгожданную свободную минуту незамедлительно посвятил учебе (он всю жизнь мечтал стать магом). Высунув язык, он изучал дивные каракули на книге чародейства, купленной у местного торговца за баснословную сумму. Два золотых — почти годовое жалование!

Федор, удачно сплавивший юному недотепе древний букварь, смерти цыгана тоже не видел. Пухлый купец стоял в темном чулане замковой таверны, беззвучно молился известным богам и с тоской смотрел, как двое дюжих разбойников обыскивают его карманы, а третий с неприятной ухмылкой поглаживает нож.

Бандитам на экзекуцию залетного цыгана было наплевать.

Под ногами грабителей, в подвале, тихо хныкала Милька и неустанно дергала волшебный кинжал, мертво утвердившийся на полу. О казни утреннего бродяги девочка даже не знала.

Стоит сказать, что перед тем как испустить дух, безымянный цыган благословил тех жителей города, что не пришли посмотреть на его смерть, и жизнь в замке изменилась. Опять.

***

Рванулся Федор, решив оказать бандитам сопротивление, и осел на пол, зажимая перерезанное горло.

Луиза откинула в сторону недовольно твякнувшего пуделя, гордо вздернула прелестную головку и направилась убежать из дома.

Палч Марк неожиданно остановился, резко выдохнул, и с решительным видом зашагал к дворцу барона, чтобы сделать предложение возлюбленной.

Его жена, Сирен, глядя в темные глаза сэра Гудака, выдохнула:

— Забери меня с собой!

Рыцарь, не сбавляя темпа, неожиданно выпалил:

— Конечно!

Удивительно, но благородный воитель впервые не соврал.

Упрямо дернула рукоять кинжала несчастная Мильке и заправила прядь засаленных волос за ухо. В глазах девочки загорелся бойцовский огонек.

И только Дункан, наморщив лоб все водил пальцем по иероглифам магической книги, пытаясь разгадать значение рунных знаков.

***

Хозяйка таверны зычным голосом призвала с улицы патруль, едва узнала что один из ее постояльцев, мудрый купец Федор, убит под лестницей, в чулане.

Путь Марку преградили рослые стражники. Один из них, детина под шесть футов ростом, сплюнул сквозь неровный частокол зубов и недружелюбно спросил:

— Че?

— Пусти! — отважно заявил палач.

— Пшел отседа, — хмуро бросил второй стражник.

Луиза, тем временем, деловито плела из платьев веревку, чтобы красиво, как в сказках, спуститься из башни в город, и невнятно мычала под нос какую-то песенку.

— Пусти! — рванулся Марк.

Хмурый саданул палачу кулаком под дых, а его приятель, будто неохотно, приложил скорчившегося гостя древком алебарды и лениво проговорил:

— Иди, пока цел.

Ретировавшись, Марк задумал кровавую месть барону, его роду, замку и похромал домой. Он не знал, что сэр Гудак в этот самый момент усаживал Сирен в седло. Про слуту-горбуна, шлем и свадьбу с Луизой благородный рыцарь благополучно забыл.

В подвале таверны, мимо которой проходил палач, устало переводила дух несчастная Мильке. Серия интенсивных рывков ни к чему ее не привела. Кинжал с наковальней был непоколебим.

Дункан по-прежнему буравил взглядом письма волшебной книги.

***

Убийц Федора настигли у ворот города, спеленали и торжественно проводили в местную темницу.

Луиза чудом выбралась из замка и поспешила к ближайшему тракту, волоча за собой завернутый в тряпье отцовский меч. По этой дороге частенько проходили наемные отряды, к одному из которых она мечтала присоединиться. Там ее поймут! Там ее не заставят выходить замуж за противного сэра Гудака!

Вернувшись, наконец, домой, палач не нашел там жены, зато обнаружил

сверкающий шлем сэра Гудака и смятую постель. Смекнув что к чему, Марк тяжело вздохнул, махнул рукой и деловито ушел в запой.

Рыцарь и его возлюбленная долго скакали в сторону заката, пока солнце все-таки не зашло.

С ревом и воплями запершаяся в подвале Мильке самоотверженно сражалась с наковальней. А наверху голосила хозяйка таверны, проклиная заезжего мага, который наложил на дверь нерушимое заклятье. Открыть погреб можно было только специальным ключом. Ключ равнодушно висел на шее девочки-служанки.

Дункан, массируя виски, все также изучал магическую книгу.

***

Купец Федор лежал в могиле и ни о чем не думал. Несмотря на то, что тела его убийц свалили в яму по соседству.

Луиза до дороги все-таки добралась и встретила свою мечту. Предводитель наемников с удивлением поглядел на молоденькую вонительницу с огромным мечом, вкрадчиво поинтересовался, откуда она такая вылезла, а потом отдал девочку истосковавшимся по женской ласке соратникам.

Через две недели дочка барона материлась смачнее опытных вояк, пила наравне с ними у костра и в шатер к боевым товарищам удалялась гораздо охотнее, чем раньше.

Марк беспробудно пил, а его жена и сэр Гудак все скакали на белом коне в сторону заката.

Мильке, пережевывая кусок копченого мяса из обнаруженных в подвале запасов, с ненавистью глядела на рукоять кинжала и проклинала ангелов, не сообщивших, как же использовать артефакт.

Дункан тяжело вздохнул, и, наконец, раскрыл магическую книгу. Обложку он, вроде бы, изучил.

***

Спустя восемь месяцев после начала долгого путешествия, наемники оставили беременную Луизу в небольшом городке. Мечты о воинской карьере девушку уже не заботили. Добросердечная хозяйка постоялого двора с большой охотой взяла дочку барона под свою опеку.

Марк вышел из запоя, мутным взглядом окинул дом и, решившись, пошел к отцу Луизы свататься. Стража замка забила нечесанного, немытого бродягу алебардами, и только позже, со смущением, опознала в нем местного палача.

Сэр Гудака и его возлюбленную закаты сильно утомили, и они решили скакать по круту

Мильке с равнодушным видом поднимала и опускала пустой бочонок, чувствуя нарастающую силу в руках и враждебно поглядывая на могучий артефакт. Вчера она смогла сдвинуть его с места.

Заросший, оголодавший Дункан отобрал у замкового пса требуху, и поспешил назад, к великой магической книге.

***

Луиза родила мальчика и назвала его Марк, вспоминая симпатичного палача из родового замка. Наверное, она была счастлива.

Сам Марк сидел на облаке, брэнчал на арфе и умиленно улыбался, глядя на сына баронессы.

Влюбленных всадников отловили, а затем и повесили озверевшие жители деревни, вокруг которой счастливые сэръ Гудак и Сирен скакали уже не первый месяц.

Мильке передвинула наковальню поближе к выходу из подвала и повела могучими плечами.

Дункан, подслеповато щурясь, задушил крысу, откусил ей голову, бросился к книге и перевернул вторую страницу.

***

Луиза вышла замуж за Конора, слегка туповатого помощника мельника, и родила ему еще троих мальчиков. Она назвала их Мешок, Кривой и Подонок, в память о наемничьем отряде. Муж глупо, но счастливо улыбался.

Сэръ Гудак и его возлюбленная кружились на облаке вокруг внезапно захандрившего палача.

Выломав дверь, Мильке вынесла наковальню в зал заброшенной таверны, удовлетворенно хрюкнула и с радостным видом оскалилась.

Одичавшего Дункана взял к себе стареющий волшебник, показал ему пару фокусов и отобрал букварь. Теперь горбун помогал колдуну носить сумку с зельями. Впервые за много лет Дункан был счастлив... Но книги ему, почему-то, сильно не хватало...

***

— Ты мог бы пожелать им счастья. Богатств. Славы и признания, — укорил старый цыган своего казненного сына. Они оба сидели на облаке и грустно смотрели вниз, на брэнную землю. — Надо было быть проще, Ситор. Проще. Мир и так очень сложный, и потому желания должны быть простыми. Так легче жить, поверь мне.

Юноша слушал отца и согласно качал головой. Он и вправду перегнул палку. Героического упорства, смелости и целеустремленности пожелал он тем, кто не пришел на его казнь. Воистину, от ума все беды.

— И все-таки, — робко осмелился он, — наверное, они были счастливы?

ДЕН КНЯЖИЧ

ПОТОМУ ЧТО МАГ

С ад удалось захватить, когда четырнадцатый наемник упал, утыканный шипами, и нечаянно подмял под себя биремские розы. Остальные тринадцать не догадались упасть именно на цветы, испускающие смерть.

...Перед грозой так пахнут розы.

Волынщик был необычайно горд, ибо он фактически возглавлял атаку. Под «возглавлением» подразумевался тот факт, что волынщика вытолкнули вперед и сказали ему: «играй». Это лучше, чем ничего. К тому же, волынщика сегодня заметили. Это был его дебют.

Надолго его не хватило. Пройдя сад, волынщик попытался оказаться замыкающим. Не получилось. Сзади его подбодрили остриями копий. И, кажется, бревном, которое предназначалось для парадных дверей.

Вот и они... Ух и здоровенные же! Волынщик прекратил играть и несколько секунд ошеломленно рассматривал двери. Он бы еще дольше любовался архитектурой мрачного четырехэтажного особняка, окруженного железной изгородью, но...

— Твою мать, господин волынщик!

— А? — волынщик опомнился и начал снова играть.

— Твою мать, господин волынщик! — повторило несколько голосов.

Волынщик вздохнул и отошел в сторону, пропустив атакующих и плывшее над их головами бревно.

— Тук-тук! — прокричал кто-то. Бревно раскачало. Двери содрогнулись от ужасного удара.

***

В особняке было тихо. Лишь в окне на втором этаже металась тусклая блики. Кому-то сейчас тепло там, на втором этаже.

Почему так тихо? Разве услышишь скрип старых костей? Но вот в груди...

Глухие удары... словно бьется огромное сердце этой оскаленной клинками массы наемников.

А где господин рыцарь?

Волынщик присел на камень. Достал трубку и закурил.

Было холодно. Накапывал дождь. Одежда прилипла к горячей коже. Такое ощущение, будто вырос второй слой кожи. Как неприятно будет с ней расставаться!

Волынщик старался не смотреть на искромсанные двери, помятых золотых львов. Он смотрел в окно на втором этаже. Там посверкивал огонь.

«Камин, — подумал волынщик Ивар, ему стало страшно, — им там тепло... а зачем...»
И тут его словно включили!

***

А выключили его именно тогда...

Господин Неизвестный Рыцарь нанял его и отряд наемников в таверне «Свинья под дубом вековым». Мешочек с деньгами волынщик припрятал в малом эркере. Мало ли...

Сорок четыре наемника и он.

— Ты когда-нибудь играл в походе или в битве? — спросил рыцарь.

Волынщик пожал плечами. Он хотел уловить нечто особенное в голосе нанимателя. Но потом увидел деньги...

И даже не спросил причину. Заветный рычажок повернули.

***

— Для чего... — прохрипел волынщик, пряча трубку.

Нанего посмотрели, как на идиота. Волынщик немного подумал и перефразировал:

— Почему мы делаем это?

— Потому что маг, — ответили ему.

— И все? — волынщик не мог понять этого странного ответа. Да и как понять неграмотную солдатню.

Господин Неизвестный Рыцарь следил за штурмом особняка. Волынщик взглянул на тень, что метнулась с холма вместе с тучей воронья.

Все просто — потому что маг.

Волынщику захотелось погулять в поле. Среди немых чучел, стогов сена и вытоптанной травы. Когда будет тепло и скучно.

Камни теплые, покрытые едкими проплешинами лишайника.

...Перед грозой так пахнет кровью.

— Видфа! Выходи!

— Мы все равно сломаем дверь!

Скверну нужно искоренять в зародыше. Мага звали Видфа. И он был молод. Это все, что знал волынщик.

***

...Перед грозой так греет камин.

Видфа слушал шепот огня. Ему нравилось таинственное потрескивание бревен. Как, в принципе, и вой волынки, и таранная дробь.

— А теперь кот, — сказал Видфа, — я назову тебя...

Маг не любил отвлекаться. Он гладил кота.

Прибежал Джакузи.

— Мой господин, — прокричал он, — наемники ломают двери!

Видфа молчал. Он отвлекся. Вместо кота снова пламя... а ведь все так хорошо началось. Он даже имя дал коту... а какое?

В камине был огонь. А ему не хватало кота. Именно сейчас. Из дождя хорошего кота не слепишь. Разве что рыбу.

Пламя пощипывало пальцы. Видфа поморщился.

— Мой господин! Парадные двери скоро рухнут.

Видфа обернулся. Проблеск пламени скользнул по его щеке.

— Джакузи, спрячься куда-нибудь. И почему волынщик не играет?

— Он играл для наемников, — удивленно пожал плечами слуга.

— Странно, — нахмурился Видфа, — а мне показалось, что именно для меня. А ведь такой знакомый мотив... не каждый волынщик такое исполнит.

***

Сердце прекратило биться, когда волынщик во второй раз раскурил трубку. И когда двери рухнули. Тогда потекла грязь.

Наемники осторожно заглядывали в щербатый проем, в густую тьму коридора. Волынщик краем глаза увидел лестницу и что-то наподобие чучела. Чучело стояло прямо посреди пустой залы.

— Видфа-а-а-а!

Наемники дружно опустили бревно и помчались... Господин Неизвестный Рыцарь вырос словно из-под земли.

— Согласно договору я вхожу первый, — прогудело из-под забрала.

— И очень просто, господин рыцарь! — ответила толпа. — Мы только посмотрим.

Рыцарь махнул рукой и подъехал к волынщику.

— Отдыхаешь?

— Ага.

— Хорошо, — кивнул рыцарь. И указал на запасную дверь, что темнела сбоку от покосившейся пристройки.

Волынщику стало еще страшнее. Все больше хотелось в поле. Или в малый эркер таверны. Но только не в те двери.

— Именно туда, — посоветовал рыцарь. — Потому что...

Запахло горелым. Волынщик принюхался и снова стал мечтать о поле с чучелами.

— Вот так сорок чепыре человека погубила фраза: «потому что маг», — сказал рыцарь.

***

— Я же говорил вам! Был договор.

Рыцарю никто не ответил. Жаль.

Жаль, что они не додумались зайти через запасные двери. Вроде как пепел...

— Ты за обещанным? — прогремел голос Видфы.

Рыцарь молчал.

— Говори, — кивнул Видфа, не оборачиваясь. Он сосредоточился на пламени. И был доволен — у него снова был кот.

— Пожалуйста, — проговорил рыцарь, осторожно вынимая меч из ножен, — давайте встретимся в библиотеке.

— Хорошо, — согласился маг.

Меч застрял в ножнах. Рыцарь многозначительно хмыкнул.

— С тобой никого?

— Волыньщик, — недовольно пробурчал рыцарь. — Он прошел через запасные двери.

— Сколько погибло с твоей стороны? — Видфа продолжал гладить потрескивающее пламя. Кот мурлыкал.

— Все, кроме меня и волыньщика. Тридцать. Еще раньше — четырнадцать. В твоём саду.

— Хм...

— Пожалуйста, — повторил рыцарь, — давайте встретимся в библиотеке.

***

Библиотека заканчивалась широким балконом, откуда можно было увидеть лес. Внизу был глубокий скалистый пролом, на дне которого тихо журчал ручеек. Рыцарь почему-то знал об этом преимуществе.

— Зачем ты пришла, Изабо? — спросил Видфа. Он уже сидел на парапете.

Рыцарь снял шлем. И вздохнул. Было тесно. Еще теснее было этой ночью, под дождем.

Изабо оставалась собой даже в доспехах. Это нравилось Видфе.

— Твои условия исполнены, — сказала рассержено девушка. — Я пошушулю о смерти людей, чтобы проверить качество защиты твоего особняка, трачу деньги на музыку... все, как ты хотел. А теперь научи меня колдовать.

Видфа прищурился.

— Зови волыньщика. Пусть сыграет.

— Я знала, он подойдет, — улыбнулась Изабо. — Этот парень знает нашу любимую мелодию.

А волыньщик хотел в поле. Нет, скорее всего, в малый эркер. Там оставила деньги... Дождь утихал. Стало немного теплее.

— Играй, — сказала Изабо.

Волыньщик удивленно округлил глаза.

— Вы... вы... женщина?

— Играй, — сказал Видфа, — играй.

— Но зачем все это? — волыньщик украдкой посматривал на скалы.

— Затем... — Изабо хотела что-то сказать. Наверное, что-то важное.

Но не успела. Видфа протянул вперед руку.

— Отойди, парень, — посоветовал он волыньщику.

Забившись между книжными полками, волыньщик увидел черную тряпку, которую Видфа сжимал в кулаке.

— Твое платье? — вкрадчиво спросил маг.

— Мое, — прохрипела Изабо. — Отдаааай...

— Жаль, что оно намокло, — сказал Видфа, — надо выжать.

Он сжал тряпку сильнее. Изабо согнулась чуть ли не вдвое, словно ее кто-то душил.

— Отдай, — прошипела девушка, скрипя доспехами.

— Забери.

Меч не поддавался. Второй рукой Видфа как будто удерживал клинок в ножнах.

— Не можешь? — поинтересовался он. — Зря. Прощай, Изабо.

Воздух завибрировал. Волыничику показалось, что пространство превратилось в кисель, который то сжимается, то растекается. Видфа переливал этот кисель из одного сосуда в другой.

Но почему Изабо?

Рррраз — в пропасть полетела черная тряпка. Воздух сжался в тугой клубок. Волыничик боялся пошевелинуться.

...Перед грозой так пахнет смертью.

Хочу в поле...

От камней веет теплом.

И...

...Следом за тряпкой, последовала Изабо. Воздух спружинил, словно его с силой разкрутили. Парашют треснул.

Обрывистый вскрик. Лязг доспехов. Как будто камнем вскрыли консервную банку. Откликнулось эхо... тишина.

Видфа стоял и смотрел. Его руки кого-то гладили.

***

— Везучий ты человек, волыничик! — рассмеялся маг.

— Почему? — дрожащими губами прошептал волыничик.

Видфа помог ему встать. Отряхнул пыль и паутину.

— Потому что я маг, — просто ответил Видфа.

Они вышли на балкон. Ручей по-прежнему щекотал ущелье. После дождя было удивительно тихо.

— Почему? — упрямо повторил волыничик.

— Да потому что это уже седьмая Изабо, которая приходит сюда с наемниками и волыничиком! — воскликнул Видфа. Посмотрел в сторону леса и продолжил. — Позволь объясню... Мою невесту звали Изабо. Она хотела научиться колдовать, а я отказался ей помочь (мне нужна была обычная девушка, а не ведьма). Тогда Изабо направилась к девяти выпшеградским ведьмам. Они убили ее. И теперь приходят, — Видфа хмыкнул. — Думают, что я щедро награжу их умениями. Эта, которая тебя наняла, дошла намного дальше, чем предполагалось. Осталось еще две.

— Но почему...

— Потому что мне не хватает кота, — сердито пробормотал Видфа. — Ладно, хватит расспрашивать. Я в долгу не останусь, угощу, чем магия послала. Твои деньги все еще в малом эркере, можешь не волноваться. А теперь сыграй-ка мне вот что...

АНДРЕЙ НОВОСЕЛОВ

КУРЬЕР

— П

онимаете, я курьер, — терпеливо начал он в двадцать четвертый раз. — Я принес вам сообщение. Не могу сказать, от кого. От кого-то. Кому-то там вы очень небезразличны. Вам не понять почему, я сам не понимаю... Так или иначе, я должен

доставить сообщение и получить расписку о вручении.

Туземец энергично закивал и указал на квитанцию — вот, мол. Курьер в восемнадцатый раз перечитал длинный ряд значков без огласовок. Судя по всему, туземцы расписались не только в доставке.

— Да, да, — согласился он. — Но подпись — это только половина дела. Надо еще доставить сообщение. Это вопрос любви к работе, понимаете? Не было еще случая, чтобы мы кому-то чего-то не доставили. Так что я вам доставлю. Время не важно, я бессмертен, а потом смогу вернуться к исходной точке... Ладно. Понимаете, — повторил он в двадцать второй раз, — сообщение очень большое. Тысячи... э... тысяч тысяч слов. У тебя не хватит пергамента, чтобы все записать. Потом еще останется проблема точного копирования — клиент специально подчеркнул, что хочет донести эту информацию в строго неизменной форме до каждой особи вашего вида. Нет, не знаю, небось реклама какая. Не важно. Лучше всего мне бы подошла глобальная сеть...

Туземец переспросил.

— Нет, не для рыбы. Для людей. Ладно, я понял, сети у вас нету. Тогда оптический диск, лучше два. Что это такое? Ну, такая круглая плоская штука, твердая, небольшая. На нее мельчайшими точками и черточками можно записать очень много информации...

Туземец опять закивал и подтвердил, что у него как раз есть такая вещь, даже две, он сейчас принесет. И резво уковылял к хижине.

— Невероятно... — пробормотал курьер, разглядывая две каменные пластины. Все, как он заказывал: плоские, твердые... И это называется небольшие? Но даже местами круглые. Туземец уже наострил резец: диктуй давай. — Так, я понял. Форсированное развитие технологической цивилизации, действуем по учебнику. Глава первая, воспитание избранного народа. Параграф первый, лицензионное соглашение. Записывай: мы обязуемся не прибегать к услугам других курьеров для получения данного сообщения. Мы обязуемся не изготавливать и не распространять контрафактные копии переданной информации, как то: текстов, изображений, аудио — и видеoinформации, полносенсорных объемных образов и так далее...

АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ

ПОВЕЛИТЕЛИ МЕЛКОВ

Город рос не по дням, а по часам. Мосты перепрыгивали реки, каменные коробки с людьми обрастали зеленью, парки множились в каждом районе. Дружные хороводы машин тащили своих хозяев на работу, а веселые стайки птиц в солнечном небе даже и не думали гадить на головы прогуливающихся по набережной старичков.

Город толстел, город удлинялся. Его границы сторожили танки с зелеными солдатами, а на центральной площади довольных жителей поливал огромный фонтан. По железной дороге катался поезд с доверху набитыми деньгами вагонами. Наверное, развозил зарплату. А рядом с депо отворил двери циклопических размеров магазин шоколадных конфет. Он был такой огромный, что даже непонятная корова-великан не могла накрыть его своей тенью.

— Аленка! Ну что ты тут нарисовала опять!

Девчушка поморщилась и с высунутым языком подкрасила корове хвост.

— Это коровка, — смущенно сказала она Максиму, который весь был измазан мелками, а пот с кудрявой макушки перебирался к лицу.

— Да какая это коровка?! — верещал Максим, самопровозглашенный градоначальник. — Это ж целая Годзилла!

Левка, выпцветший на солнце восьмилетка, похожий на альбиноса, отвлекся от создания грандиозного кинотеатра своей мечты. Он глянул на друзей-одноклассников и ехидно захихикал.

— А ты чего ржешь? — продолжал возмущаться Максим. — Это чудинце хвостатое нам тут все портит!

— Тебе всегда ничего не нравится! — Аленка тоже повысила голос. — А коровка тут просто травку жует, ты сам вон какой луг нарисовал!

Максим закатил глаза. Взвалив на себя обязанности главы города, мальчишка и не думал, что придется так тяжело. Двое помощников постоянно пытались изобразить что-то непонятное, их выдумки никак не хотели ложиться в ряд с городскими сооружениями. Но даже несмотря на это, результат общих трудов не мог его не радовать. Город на асфальтовой дороге стал настоящим украшением парка. Прохожие подбадривали детвору, подбрасывали идеи, а старшие ребята, которые поначалу приписывали к рисункам нехорошие слова, быстро оставили их в покое. Теперь даже девчонки рисовали квадраты для своих «прыгалок» ближе к центру парка, оставляя место на асфальте либо для судоходного причала, либо для аэропорта.

— Да не жалко мне, — чуть успокоившись, говорил Максим, — только чего она у тебя такая здоровая? Мы ж ее не прокормим.

— Она, просто она такая потому... — замялась Аленка. — Не знаю.

Левка вновь захихикал, потирая замазанную зеленкой коленку.

— Ладно уж, пусть до утра попасется, — сказал Максим. — Хватит на сегодня, а то меня мамка уже три раза звала.

— Ага, — кивнул Левка, — мне вообще по шее дадут, опять чумазый весь приду.

Аленка, в отличие от мальчишек, умудрялась оставаться стерильно чистой, хотя мелков расходовала больше всех. У Максима даже возникали подозрения: уж не ест ли она их?

— Ну и идите домой, малыши, — пробурчала девчушка. — А я еще к Ольке пойду, будем мультики смотреть на новом телевизоре!

Шагая на родной седьмой этаж мимо давно замороженных лифтовых дверей, Максим не мог сдержать улыбки. Город получался чудесный, в таком сказочном царстве не отказался бы жить любой человек. Даже сам президент! Создавать этот мир было настолько увлекательно, что неразлучная троица проводила едва ли не все свободное время у входа в парк, где и шпирился их асфальтовый мольберт. Дождей не было как по заказу, так что творить идеальное общество никто не мешал. Единственное, что огорчало Максима, так это никак не шедшее в голову название. Грешно было оставаться такому городу безымянным.

Дома Макса заставили съесть целую тарелку борща, а папка сказал, что в следующий раз придется мыть сына из планга. Спать Максим отправился как всегда — на балкон. Мягкий матрас и любимое одеяло уже давно дожидались хозяина, а за окнами ворчали полчища насекомых. Это лето выдалось очень жарким, за день стены прогревались так сильно, что ночью в комнате не чем было дышать. Поэтому Максим и переполз с липкой и горячей кровати на проветриваемый и прохладный балкон. Обидно только, что следом за ним ушли и комары.

На следующее утро ребят ждали неприятности. От коровки остались только полупрозрачные линии-кишки, но это не было самым страшным. Город изменился. Зелень словно отцвела, по высотным домам пошли трещины, а поезда обокрали, выпотрошив все вагоны. Кроме того, на месте центральной площади расплодилось какое-то болото с вытянутыми из жижи черными перекрестьями. Кладбище.

— Это, это, как это? — тараторила Аленка.

Максим в ужасе смотрел на старания неизвестных и не мог выдать ни слова. Ладно еще найти собачью какашку в городском пруду — ничего страшного, это все-таки парк, — но такое! Рисунки были весьма неплохи, так что времени они заняли прилично. Получается, кто-то заранее это спланировал, а потом и провернул. Но когда? Неужели ночью?

— Старшаки, козлы! — выплюнул Левка, косясь пороссячими глазками на кинотеатр, который переплетали стальные цепи с амбарным замком.

— Ничего, — процедил Максим, — мы все поправим. И сделаем еще лучше!

Вновь закипела работа, засверкали на солнце разноцветные мелки. Пыхтящая ребятня устраняла последствия чьей-то злой шутки, ползая по асфальту, как муравьи. Сложнее всего пришлось с кладбищем. Разгоняя мрачность, Аленка превратила кресты в деревья, а Максим на ходу выдумывал зверей для будущего заповедника. Левка же с осторожностью хирурга освобождал от пут кинотеатр, стараясь не протереть в его стенах дыры.

К обеду город вернул свое величие, что не осталось без похвалы гуляющих в парке молодых мам с колясками. Солнце жарило нещадно, поэтому ребятня перебралась к фонтану, опустив руки в холодную воду и сделав себе смешные прически.

— А если они опять все испортят? — спросила Аленка.

— Может, оставим часовых? — предложил Левка.

— Да у нас и так здесь целая армия, — усмехнулся Максим.

Левка хитро посмотрел на друга и выдал фирменное зловещее хихиканье. На таком солнцепеке бледная кожа Левки будто просвечивалась, поэтому сейчас он походил на призрака.

— Я имею в виду настоящих часовых.

— Ночью? — изумился Максим. — Ты что, мне папка таких часовых устроит, мало не покажется.

— Ага, — кивнула Аленка, — я даже спрашивать не буду.

Левка развернулся и опустил босые ноги в фонтан, имитируя движения ластами.

— Да и мне не разрепат, — сказал он. — Просто я могу и не спрашивать, все-таки на первом этаже живу и дорогу на улицу через окно знаю.

— А обратно как?

— Что-нибудь придумаю.

— Ага, знаем мы тебя, — лыбился Максим. — Придумаешь себе домашний арест до конца лета.

Друзья загостились, а потом брызги фонтана в их руках превратились в опасное «умокряющее» оружие. Спустя пару минут довольные и насквозь сырые повелители мелков, как их окрестили зеваки,ковыляя к дому. За ними шлепали мокрые отпечатки ног, а справа раскинулся небывалых размеров чудный город на асфальте, имя которому еще только где-то зарождалось.

Днем позже родители Аленки утешали дочь в зоопарке, показывать жирафа, поэтому новый образ города довелось увидеть лишь Максиму и Левке. Кинотеатр сгорел дотла. На железной дороге выстроилась вереница людей, закапывающая останки поезда. Все здания приобрели заброшенный вид, в парках царил запустение. Огромные очереди змеились всего к двум открытым заведениям — булочной и водонапорной башне. Все остальное, включая магазин конфет и заповедник диких зверей, поггло и развалилось. Кладбище теперь проглотило полгорода, едва не захватывая бесконечные очереди черных человечков. Райский уголок превратили в выжженный край, жители которого могли сразу становиться в другую очередь — к мопилам. В этой долине теней не было ничего, только толпы голодных людей.

Вся красота, все цветущее великолепие, над которыми так долго трудилась ребятня, исчезли под беспроглядным слоем тьмы.

— Это уже не смешно, — чуть слышно буркнул Левка.

— Кто же это делает... — стараясь сдержать слезы, проговорил Максим.

— Разве так можно шутить?

— Наверное, их много. Как бы еще они столько успели.

— Я все папке расскажу! — не выдержал Максим. — Он им так уши отдерет!

— Да ты чего, нас же тогда все малявками звать будут. Родителям ябедничать ведь последнее дело. Тем более, мы ж не знаем на кого.

— Ну да, — вздохнул Максим, — жаль, нет у меня старшего брата. Но мы подловим их... А пока надо эту гадость стереть.

Этой ночью Максим упросил родителей разрешить ему ночевать на втором балконе — кухонном, который выходил в парк. Разобрав залежи каких-то банок и ведер, Максим приоткрыл в импровизированном спальном мешке и стал ждать. Балкон не был застеклен, а у самого соединения пола со стенкой располагалась щель в несколько сантиметров. Максим не понимал, для чего строители выбрали именно такой вид конструкции, но любил высовывать наружу ноги, когда дышал тут свежим воздухом. Теперь же это место превратилось в отличный наблюдательный пункт.

Вход в парк лежал прямо по курсу, забор из черных прутьев уходил в темноту. Свет из окон дома медленно пропадал, оставляя гореть снаружи несколько фонарей у тротуара и россыпь ламповых глаз в глубине парка. Ветер свистел в пролетах и хрустел карнизами. Ночь приходила спокойно, словно подкрадываясь. Тьму в центре парка не рассеивал и электрический свет, а округа затихала под убаюкивание насекомых.

Максим слушал писк комаров над головой и смотрел из своего укрытия на улицу. Ничего особенного там не происходило: изредка проезжали машины, или местная дворняга ковыляла вслед улетающему мусорному пакету. Нарисованный город почти целиком скрывался за густыми слочными ветвями, похожими на старинные сарафаны, но часть его все же попадала в кружок света. Старшие пока не показывались, но Макс знал, что они обязательно явятся. В его девятилетнем понимании это было настолько же очевидно, как и полная несъедобность всех видов каш.

Внизу что-то скрипнуло. Угол обзора не позволял разглядеть источник шума, и Максиму пришлось подняться. Легонько высунув голову над поручнем, он уставился в небольшой сад, который примыкал к дому. В тамошних зарослях что-то шевелилось, и это был не ветер.

Максим вжался в железную шкуру поручня и задержал дыхание. Ему казалось, что таким образом он точно станет невидимкой. Теперь Макс уже не хотелось никого выслеживать, потому что вдруг до него дошло, что портить рисунки могли не только старшие. Совсем не старшие.

Существо продолжало шуршать в карликовых кустах. По дороге проскочил

копачий патруль, наполняя ночь отважным мяуканьем. Тогда из садовых угодий и показалась голова, и даже с высоты седьмого этажа не узнать ее Максим не мог. Левка! Он как мешок с картошкой перевалился через невысокий забор и метнулся в парк. Макс улыбнулся, глядя на друга-разведчика, однако улыбка быстро сползла с его лица. За Левкой двинулась огромная тень, все это время дожидавшаяся под заброшенным сто лет назад грузовиком. Словно масляное пятно на воде, она переплыла дорогу и вошла в русло парка. Вскоре темнота опоясала редкие осветители, и асфальтовая дорожка провалилась в ночь. Электрические глаза потухли, как залитые водой угли.

Не дать испорчить, не дать сломать, не дать вновь развалить идеальный город, куда ушло столько трудов! Но ведь там сейчас Левка и... эта штука. В голове Максима плясали фразы, мысли, но сделать он ничего не мог. Бродя взад-вперед по балкону, мальчишка натыкался взглядом на черноту парка. Что там могло происходить в этот самый момент? Что там могло происходить с его лучшим другом?!

Наконец ноги сами потащили Макса в нужном направлении. Входная дверь была рядом с кухней, поэтому выскользнуть на улицу он смог очень быстро. Ворчание замка и дверных петель разбудило кого-то из родственников, но Максиму было не до этого. Он пересчитывал ступеньки вниз, стараясь за раз захватить по две штуки.

Обежав дом и выскользнув из-под защиты тротуарных светил, Макс остановился. Темнота плескалась в парке как мутная вода в бассейне, но две фигуры, уходящие в глубину черной воронки, он все же разглядел — одна маленькая и едва ли не прозрачная, а вторая высоченная и нескладная, как огородное пугало.

— Левка! — крикнул Макс во тьму, подняв в воздух птиц, ночующих в тополиных кронах.

Эхо его голоса пронеслось по сумрачному парку и фонари зажглись. Обе фигуры исчезли, на дороге возились только клубки мертвых листьев.

— Оно нас поджидало, — прошептал Макс и по щекам поползли слезы. — Специально портило город, чтобы мы...

Откуда-то из другого мира прибежали родители с вылупленными глазами. Максим пытался все объяснить, но это оказалось совсем не просто. Ближе к утру милиция прочесывала парк, а Левкин отец устанавливал на окна решетку. Кроме заспанного бомжа они так никого и не нашли.

Историю Макса обозвали расстройством на почве шока, а в городской розыск объявили маньяка. Левкины родители почему-то перестали заботиться, но Максим не обращал на это внимания. Теперь он облюбовал кухонный балкон, хотя прекрасно знал, что тень вряд ли тут опять появится. Но когда в ночной уличной тишине раздавался шорох, Макс вскакивал на месте, а с губ летело простое слово:

— Левка.

Когда у Аленки наконец-то закончились слезы, они сидели на прогретом асфальте у своего города и ловили нитки солнечных лучей. Город стал лучше. Страшные очереди разошлись, вновь открылись магазины, а

на дорогах появились автомобили. Машиниста денежного поезда теперь можно было разглядеть: им был худой мальчишка с полупрозрачной кожей. Похожий на альбиноса.

Ни Аленка, ни Максим этого не рисовали — картинка изменилась в ту ночь. С тех пор прошла почти неделя, а город словно остался на фотографии. В новостях крутили сюжеты о еще двух пропавших детях, и в каждом из них Макс видел игровую площадку с необычными рисунками. Много ли еще повелителей мелков осталось в их городе?

— Все равно когда-нибудь дождик смоем, — грустно сказала Аленка.

— А мы новый нарисуем. А потом еще один. И еще.

— Правда?

— Конечно, — кивнул Максим, доставая коробку с мелками. — И на этот раз уже не безымянный.

Они нависли над асфальтом и стали выводить название города. Дурацкое, но зато правильное. Не просто надпись, а настоящую вывеску, которая должна встречать всех гостей.

Левкинград.

И это был не бедный и полумертвый мир, который рисовала сама ночь, а натуральный чудо-град. Город, в котором поезд с полными вагонами денег развозил зарплату. Город, где был самый лучший кинотеатр в мире. Город, в котором не отказался бы жить любой человек.

Даже сам президент.

АЛЕКСЕЙ КАРАВАЕВ

ВСЁ, ЧТО ВЫ ДУМАЛИ О КРИТИКЕ, НО СТЕСНЯЛИСЬ СКАЗАТЬ

(Окончание, начало в предыдущем номере)

В 2001 году в фэнзине «Семечки» были опубликованы ответы известных писателей и критиков на вопросы Алексея Караваева, посвящённые критике фантастики. С тех пор прошло почти десять лет, многие опрошенные стали ещё более известными, но их ответы отнюдь не потеряли актуальности. Именно поэтому, мы сочли возможным предложить их сегодня вниманию читателей РФ. Материал публикуется с небольшими сокращениями.

Генри Лайон Олди (Харьков)

1. Критика! Кому как не писателю в полной мере ощущать ее воздействие! Какие Вы испытываете чувства, когда препарируют Ваши произведения? Когда рецензент не понял посылы, вложенного Вами в книгу, и с блеском разделался с «конструктом», созданным исключительно его, рецензента, воображением?

Мы испытываем искреннее удовольствие, интерес и бодрое урчание в желудке. По вполне понятным причинам: критик «препарирует» отнюдь не наше произведение. Он расчленяет и демонстрирует почтенной публике тот образ, который возник в его критической душе (сознании, интеллекте, афедроне; нужно подчеркнуть) по прочтению нашей книги. Поэтому критическая работа создает впечатление о самом критике в десять раз большее, чем о подлежащей разбору книге.

Когда мы работаем с текстом, мы не в состоянии логично оценивать его структуру, качества или фактор воздействия — мы находимся внутри, а не снаружи. Критик же находится снаружи. Способен (хуже или лучше) выстраивать логические цепочки, анализировать и делать выводы. Неважно, верные или неверные, радующие автора или обижающие. Мы ведь уже давно не романтические мальчишки, чтобы страдать от наездов и краснеть от комплиментов. Нам критик интересен в той же мере, что и мы — ему.

Любой критик.

Хороший, плохой, умный, глупый...

Потому что он в первую очередь — читатель, а уже во вторую — критик.

А можно и с другой стороны: наблюдать за анализом и препарированием твоей души — любопытно, знаете ли... И полезно. Душа от этого только крепчает, как хороший коньяк.

2. Сейчас нет недостатка в чрезвычайно жесткой, «негативной» критике в адрес писателей. То не о том пишут, то не так, то совершенно проглядели Интернет. На Ваш взгляд, чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент, разбирая произведение?

- а) Переходить на личность писателя;
- б) тунуть в собственном остроумии;
- в) пытаться самовозвыситься за счет критикуемого текста;
- г) быть тенденциозным, подгоняя анализ и выводы под заранее готовую (или заказную) концепцию.

3. А возможна ли она вообще — объективная критика? Тысячи читателей — тысячи мнений. И какой она, по Вашему мнению, вообще должна быть — критика?
Критика просто должна — быть.

4. Как Вы считаете, полезна ли критика писателю? Ведь по меньшей мере наивно думать, что она заставит халтурщика писать лучше, а до инфаркта довести может вполне. Как известно были прецеденты.

Критика (не обязательно доброжелательная, но обязательно — конструктивная) бывает полезной. Более того, иногда критик открывает в творчестве писателя (или в отдельно взятом произведении) такие нюансы, подтексты и ассоциации, над которыми и сам автор раньше не задумывался, не замечал их. Это всегда очень интересно. И может подтолкнуть к новым мыслям, к сознательному использованию наиболее удачных, но не осознанных логически приемов и ходов; и наоборот — к избавлению от замеченных критиком реальных огрехов в последующих произведениях.

Но для этого критика должна быть умной и конструктивной. А автор — выносливым и огнеупорным. Плохо мотивированное тенденциозное охаивание или славословие со стороны субъекта критики, так же как и детские обиды объекта, приносят лишь вред.

К счастью, за много лет работы лично мы научились «фильтровать базар» критики в свой адрес. И не принимать близко к сердцу ни резко отрицательные, ни излишне хвалебные отзывы. Прекрасно сознавая, что все это мало соответствует «реальности, данной нам в ощущениях». Чего и другим желаем.

5. Сейчас в редкой книге есть предисловие, справка об авторе или послесловие. В конце многих книг исчезло даже отчество писателя. Не говорит ли это косвенно о некотором

кризисе критики, когда издатели совершенно не видят смысла вкладывать в нее деньги? Не вредит ли это в какой-то степени самому писателю?

Примерно года полтора назад мы задумались о том же. И предложили издательству ЭКСМО восполнить сей литературоведческий пробел в серии «Нить Времен», где публикуются Олди, Валентинов и дуэт Дяченко. Издатель отнесся к такой идее совершенно лояльно. Много книг вышло (и готовится к выходу) с послесловиями, предисловиями, цитатами из различной критики, очерками о творчестве данного автора, библиографическими списками и прочими материалами такого рода. Получается, издатель — если предложить ему готовый материал — вполне готов публиковать такие работы. Аналогичная история с журналами. Редкий журнал-альманах сейчас выходит без соответствующих разделов. И пускай большинство статей ангажировано, пускай наемные плакальщицы хором оплакивают кризис жанра, но ведь сам факт наличен?

Возникла другая проблема: реакция читателя. Многие отнеслись к эксперименту послесловий негативно. Говорили о бессмысленности литературоведения в целом, о разрушении их впечатления от книги, о несогласии, неприятии и отторжении критических статей внутри авторской книги. Исследовать причину такого отторжения мы не возьмемся, но факты однозначно говорят: оно существует.

Мэри Шелли, Перси Шелли (Рунет)

1. Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголом жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?

Во-первых, «сжигание сердец глаголом» — это определение литературы позапрошлого века. Кстати, позже были и другие определения, к примеру «ты словно колокол на башне вечевой» и так далее. В середине двадцатого века таких определений появилось еще больше — чего стоит один только постмодернизм с его «деконструкцией». Нам кажется, что все эти определения устарели. Ведь все они предполагают, что литература — это некое производство будильников, монополизированное кучкой людей, которые якобы больше других чувствуют и понимают, так что могут сделать это «чувствование» профессией. Получается эдакое распределение ролей: «вы пашете на заводе, а я за вас чувствую, после чего вы можете поесть пережатой кашки моих чувств».

Нам кажется, что в XXI веке, и особенно с учетом Интернета и других «персональных технологий», литература вернется к тому, с чего она начиналась — то есть к письму от одного конкретного человека другому конкретному человеку или небольшой группе. Без идолов и без монополизации.

Именно так, кстати, относились к литературе во многих древних

культурах — например, в древней Японии. Литература была формой общения и развлечения, а не конвейером макулатуры. В сборниках лучших японских танка нередко можно видеть стихи, написанные императорами, рядом со стихами безымянных монахов. То есть момент озарения мог испытать любой человек, и он мог поделиться этим с другими — без мыслей типа: «а что я напишу завтра, а куда я это продам». Вот такова и должна быть настоящая литература.

Задачи критики в этом случае тоже понятны: критика должна напоминать авторам, что они не работают на фабрике абстрактных будильников, что они не являются «лицензированными приемниками». Если продолжить нашу японскую аналогию, то критик должен выполнять примерно ту же роль, что сэнсэй на конкурсе танка: то есть указывать те тексты, которые «могут зацепить». Лучший критик XXI века будет, вероятно, очень субъективен. Например, он будет читать каждый текст как лично ему посланное анонимное письмо — то есть позволит себе узнать имя автора только после того, как составлено мнение о тексте.

Возвращаясь к глаголам, которые «жгут сердца людей», можно сказать, что критик XXI века должен быть тем Прометеем, который наконец разрушит литературную монополию и отдаст огонь литературы обычным людям для повседневного употребления.

2. Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самостоятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги: книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватит. Что же — мельчает критика?

Скорее, мельчает литература. Когда здание разваливается — как-то глупо водить вокруг него экскурсии со словами «посмотрите, какие пилястры!». Кроме того, критика видимо находится под гораздо большим влиянием стереотипов, чем сама литература. Ждут нового Толстого — и в ожидании динозавра часто не видят тех маленьких зверьков, которые бегают внизу и за которыми будущее.

С другой стороны, действительно, критика все-таки понемногу мельчает вслед за литературой. Разбивается привычка к некой единой морали, идеологии, стройной жанровой иерархии и т.п. Но маленькие зверьки под ногам динозавров все-таки бегают, вполне живые. Их нельзя не заметить совсем. Получается ситуация, когда «большой критики» нету, зато есть много «маленьких». Но плохо ли это? Так ли уж нужна большая «монополярная» критика — вот в чем вопрос. Нам кажется, что процесс идет именно в ту сторону, о которой мы говорили выше. Литература становится более разнообразной, более персональной — такой же должна стать и критика. Нам будущее видится так: отдельные группы «по интересам» будут иметь своих любимых критиков так же, как любимых ведущих на ТВ или любимых диджеев. Такая система действительно не кажется «серьезной» с точки зрения

динозавроведения. Но она живая. Она обслуживает реальных людей, а не интересы абстрактных теорий литературы.

3. На Ваш взгляд, отчего в России не сложился, несколько утрируя, «фынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о молодых авторах приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «расейский» подход или нечто иное?

Это во многом от попыток построить у нас капитализм в отдельно взятую пятилетку. На коллективную российскую ментальность очень хорошо наложилась рекламно-корпоративная ментальность примитивного рынка. Просто идола стали немножко другими, и процесс поклонения им стал более ускоренным. Макулатурная литература — один из таких идолов. Конвейерное печатание «макулатуры» не предполагает задержек даже на ВЫЧИТЫВАНИЕ ОПЕЧАТОК, не говоря уже о предисловиях. Ну а вдумчивая критика при такой коммерциализации процесса воспринимается как анти-реклама. Потому вполне естественно, что вдумчивая критика как жанр вообще вытесняется жанром коротких восхищенных рецензий.

Хотя есть наверное и плюсы в такой смене ориентации. В принципе, это «первая ласточка» той новой критики, которая работает лишь субъективным указателем, а не железным законодворцем. Остается только отойти от глянцево-рекламного отношения к этому процессу. Скажем, сейчас в рецензии на Лукьяненко может быть написано «это настоящий киберпанк». Для одних людей это нормально, потому что они уже подсади на этого автора, а настоящих киберпанков никогда не читали; зато для более грамотных любителей фантастики это чистое рекламное вранье, потому что они разбираются в киберпанке. Другое дело, когда появятся специализированные рецензии типа «эта книга продолжает добрые традиции лукьянизма-крапивнизма» — тут уже не будет споров о связи лукьянизма-крапивнизма с киберпанком, потому что книга сразу будет адресована своей группе любителей и будет рецензироваться своим жанровым критиком.

4. Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?

Сложный вопрос. Вероятно, он может все — ведь автора-то не ограничивают, почему же критик должен ограничиваться? Кстати, очень смешно бывает наблюдать, как авторы раздражаются от того, что критик переходит на какие-то «личные темы», связанные конкретно с автором, а не с текстом. Считается, что это нехорошо — но ведь сам-то автор только и делает, что пишет о себе, о своих мыслях и чувствах! Так что критик вполне может перейти в персональную сферу.

Единственное, что мы можем предложить в качестве запрета — это

запрет на повторы. Бывает, критик зацепится за некую скучную мысль — и повторяет ее в каждом абзаце. Вот это действительно плохо. Уж лучше короткий отзыв типа «это фигня», чем длинное разжевывание всех ошибок, выдающее в критике не меньшего графомана, чем критикуемый им автор.

5. Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диаду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?

Как летучая мышь и лабиринт.

Мы давно поняли, что очень часто из-за наличия писательского таланта человека ОШИБОЧНО наделяют и другими талантами. А в реальности чаще бывает ситуация «по одному таланту в руки»: автор, который хорошо генерирует тексты, не имеет вкуса для того, чтобы выбрать из этих текстов лучшее. Или наоборот: человек имеет очень хороший литературный вкус, но сам ничего создать не может. Поэтому многим авторам на самом деле очень нужен отклик (хотя они сами этого могут и не понимать, особенно если среди их талантов есть «ослиное упрямство»). Сейчас литература по-прежнему очень далека от того возвращения к персонализации, о котором сказано выше. И обычные читательские отзывы, как правило, тяготеют к идолопоклонству. Между тем отзыв типа «Мне понравилось!» не несет никакой полезной информации для автора — если автор действительно задается целью исследовать мир и людей, а не просто заработать денег. Потому часто получается, что лишь реакция критики дает те отражения сигнала, которые автор ловит, чтобы понять, куда он летит.

Это, кстати, вовсе не означает, что он полетит именно туда, куда скажет критик. Возможно, что для автора это будет, наоборот, знак того, что впереди стена и что надо сворачивать. Хотя некоторые под воздействием критики действительно начинают двигаться не в ту сторону. Но это уже зависит от способности автора «фильтровать шум». Что, вообще говоря, тоже является отдельным талантом. На этот случай писателю, кроме критика, нужна еще веселая подруга и хороший повар-китаец.

Андрей Балабуха (Санкт-Петербург)

1. Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголом жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?

Я бы позволил себе с большой осторожностью отнестись и к первому определению. Во-первых, жечь — это, все-таки, как-то негуманно (невзирая на все уважение к первоисточнику). Во-вторых, чересчур амбициозно: я отнюдь не против амбиций, без них любой творец — не творец, но стоит ли уподобляться той собаке из древнешумерской басни, которая возжаждала перевернуть наковальню, а в конце концов опрокинула собственную

плошку, причем была до чрезвычайности довольна результатом. Писатель — это прежде всего хороший рассказчик, умеющий придумать занимательную историю, увлекательно изложить ее, а уж намек сыщется во всякой сказке. И пусть оный намек разбирает, жечь ему или не жечь и что именно. И, кстати, почесывать людские извилины, на мой взгляд, ничуть не менее достойно, нежели палить ни в чем не повинную сердечную мышцу.

Теперь о критике. Хорошая критика (а о плохой — что говорить?) — это интересный и умный комментарий к увлекательному рассказу. Критик — он тоже рассказчик, из тех, что вовремя и к слову умеет сказать: «А кстати...» — только и всего.

2. Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самодеятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги... книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватит. Что же — мельчает критика?

Никоим образом. Это не от критиков, а от состояния издательского рынка. Покажите пальцем на того издателя, который себе в убыток начнет издавать серию критических книг (я одного такого знал — разорился бедолага, не успев до дела дойти, да иначе и быть не могло), и в указанном вами направлении ринутся одичалые стаи критиков с книжками под мышкой. Это во-первых. Во-вторых, критиков всегда меньше, чем писателей — так ведь комментаторов и должно быть меньше, чем рассказчиков (единственное исключение — Библия, у которой авторов не так уж много, а комментаторов за два тысячелетия накопились тьмы и тьмы).

3. На Ваш взгляд, отчего в России не сложился, несколько утрируя, «рынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о молодых авторах приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «фасейский» подход или нечто иное?

Причина одна — нищета. Нищета финансовая, заставляющая до беспредельности удешевлять книгу, которая все равно получается в итоге достаточно дорогой, чтобы ее не могли купить все, кому надо и хочется; и нищета духовная, ибо подавляющее большинство нынешних издателей, мягко говоря, не отягощено избытком общей культуры (счастливые исключения, разумеется, имеют быть, но на то они и исключения).

4. Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?

Поучать.

5. *Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диаду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?*

Прежде всего, критик — он и есть писатель. Как-то забывают у нас, что критика — не наука, в отличие от академического литературоведения (которое, замечу, в лучших проявлениях и само пребывает как минимум на грани изящной словесности), а жанр художественной литературы. Писатель же — тот, кто пишет, а не тот, кто пишет нечто жанрово определенное. Он может быть и прозаиком, и поэтом, и критиком, и драматургом, и публицистом, переводчиком (а то у нас ведь говорят порою: «писатель и поэт»!)... Именно поэтому мне интересно читать, скажем, критические эссе Честертона, который был и отменным прозаиком, и интересным поэтом. Так что никакой диады я здесь попросту не вижу, если только не рассматривать в качестве диад две руки, две ноги, два полушария... Ваш вопрос, увы, подразумевает тех несчастных, кто, не сумев создать ничего стоящего сам, кинулся поучать других. Но об этом — см. выше.

А насчет паразитов — так все мы, грешные, таковы. Еще Свифт писал:

Натуралистами открыты
У паразитов паразиты,
И произвел переполох
Тот факт, что блохи есть у блох.
И обнаружил микроскоп,
Что на клопе бывает клоп,
Питающийся паразитом,
На нем — другой, *ad infinitum*.

Мы паразитируем на кошельках ни в чем не повинных читателей. Но происходит это, заметим, к обоюдному удовольствию, и потому, очевидно, писатель, издатель и читатель составляют уникальную триаду паразитов-симбионтов. Гордиться этим или оплакивать сие — пусть всяк решает сам.

Александр Лурье (Иерусалим)

1. *Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголом жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?*

Тем же глаголом жечь сердца писателей. Или, как писал С.Лец про философию, «придать плоти немного сути». Если литература — рассуждение о жизни, то критика — рассуждение о литературе и ее месте в жизни. Это если коротко. А подробнее можно писать трактаты, чем и занимаются настоящие профессионалы.

2. *Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самостоятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги... книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватает. Что же — мельчает критика?*

При всем уважении к конвентам (а вдруг когда еще пригласят на халяву?) отчеты о них к критике не имеют ни малейшего отношения, а должны публиковаться в рубрике «Светские новости». Разве что, если речь идет о качестве питания и условиях размещения, а также о личностях организаторов. Впрочем, и эта критика отношения к литературе не имеет, а скорее к вышеупомянутой рубрике. Как это у еще живого классика? «Это не к нам, это в медпункт!»

Появление рецензий куда более отрадно. Во-первых, это свидетельствует о наличии не только читающей, но и мыслящей публики. Во-вторых, это прекрасная трибуна для непрофессионалов, которые со временем смогут влиться в «бурный поток». В-третьих, это просто красиво. Что может лучше разогнать кровь по жилам, чем ироничная и точная рецензия г.г. Валентинова, Карабаева или Соболева (перечисление не по значимости, а по алфавиту).

Российский критик, по моему мнению, сбит с толку еще более, чем обычный российский гражданин или писатель. Но если гражданин вручает себя инстинктам, а писатель их свистопляску по мере сил и умения отражает, работа критика невозможна без логического анализа и ostranenia. Российская критика не измельчала, она просто потеряла себя в вихре событий. После «Ока тайфуна» остались лишь развалины, сам Переслегин подался в альтернативную военную историю. Для того, чтобы появилась новое компетентное исследование, нужно, как минимум, разобрать завалы и вынести пададь.

Серьезные статьи появляются на уровне обобщений — от книги к истории, философии, социологии. В ситуации намеренного и временами хорошо организуемого хаоса, критик не в состоянии уйти от повседневности, абстрагироваться и воспарить до высот дедукции. Отказавшийся от суждений критик все равно, что бросивший дедуктивный метод Шерлок Холмс. И как уход на покой сыщика приводит к росту преступности, так бездействие критика дает возможность беспрепятственно плодиться графоманам и прочим литсорнякам. Таким образом, хаос не только не уменьшается, но и продолжает нарастать.

Позиция зарубежных критиков современной российской словесности, в том числе и Вашего покорного слуги, расположена над схваткой — они не связаны групповыми интересами, не заинтересованы материально и имеют все необходимое для объективного взгляда. Хочется верить, что в дискуссии с нами вырастут достойные оппоненты, которым удастся от статей перейти и к критическим монографиям.

3. *На Ваш взгляд, отчего в России не сложились, несколько утрируя, «фынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о*

молодых авторов приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «расейский» подход или нечто иное?

Литературная критика заключается не в писании на заказ вполне бессмысленных пред- и послесловий. В ней можно быть непрофессионалом, но невозможно — графоманом. Настоящий критик всегда пишет потому, что не может не писать. И его слово зачастую меняет литературу, а за ней и самую жизнь, покруче любой революции. Поэтому на критику нет и не может быть рынка. Печатный журнал не окупался бы и в застойные времена. Назрела идея создания такого бесцензурного журнала в Интернете. Он был бы и фундаментом для создания библиографической базы данных об авторах и прочих персоналиях.

Пренебрежительное отношение к авторам, боюсь вызвано не «расейским подходом», а специфическим, мягко говоря, уровнем творчества большинства. Из 10 книг в лучшем случае 1-2 заслуживают публикации, остальные видимо создаются на вес, по весу принимаются в издательствах и так же по весу сдаются распространителям. Трудно ожидать уважения поточно-штампованной продукции и ее производителям.

4. Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?

Надо вести себя так, как любой порядочный человек ведет себя в жизни.

Если расширить этот тезис, то нельзя — по мере нарастания — пасти народы, заниматься самообманом, кривить лицом и лизать задницу. Не стоит этого бессмертная душа.

5. Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диаду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?

Отношения симбионтов, причем критик-сапрофит не отделим от писателя. Писатель и критик не просто братья, это неразделяемые сямские близнецы. Попытка отделиться вплоть до полного самоопределения ведет только к гибели обоих. Рыба-лоцман не может без акулы и наоборот.

Николай Ютанов (Санкт-Петербург)

1. Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголам жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?

Научить читать.

В то числе: найти тенденции в развитии литературы, дать понять, что нет литературы «высокой» и «низкой», а есть «эксперимент» и «масс-культ», сопоставить тенденции эволюции литературы и общества, восхвалить :-)

разумные книги, и не писать ничего о дряни, восхититься достоинствами и невысокомерно отнестись к недостаткам. И сделать это умно, весело, профессионально... Так, чтобы читалась критика запоем, а после чтения оной хотелось схватить все упомянутые книги и опять же читать, читать и читать. Поскольку научили.

2. Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самодеятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги: книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватит. Что же — мельчает критика?

Отчеты о конвентах категорически не могут быть критикой. А то, что критика перешла в рецензии — ничего удивительного: за что платят, то и пишут. При этом и рецензии все смотрятся как побочный продукт: лишь бы кто написал. Наблюдается отток критиков в литераторы: Роман Арбитман ушел в Лвы Гурские, да и у Переслегина вышла фундаментальная книжища по военной истории «Тихоокеанская премьера». Группа авторов сохранилась в сетевых проектах: Бережной, Владимирский, и «Если» держит хорошую банду «оценщиков из ломбарда», собранных Эдиком Геворкяном. Из старой гвардии Вл.Гаков пишет обзоры о Буржуинии. Обзоры читаются чудесно, если только не разбираться в обзорном вопросе.

Формально за последние несколько лет только «Если» и «Озон» держали профессиональные площадки для литературной фантастической критики. Сейчас тему критики, благодаря энергии Г.А.Олди, активно начал развивать Харьков. Но у них упор на своих украинских или примкнувших к их литературному агентству. Что предельно логично.

Что касательно книг, то это — чистый героизм либо авторский, либо спонсорский, либо издательский. Есть героизм — есть книга, нет героизма — ... Поскольку никаких гарантий в продажах она дает.

Критика не мельчает. Ее просто нет. На этом бизнесе прожить невозможно. Надеюсь — до поры до времени.

3. На Ваш взгляд, отчего в России не сложился, несколько утрируя, «фынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о молодых авторах приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «фрасейский» подход или нечто иное?

Часть ответа — в предыдущем.

Как раз наоборот — в книгах АСТ участвовали вспомогательные материалы, а в книгах ЭКСМО они инициализированы харьковской группой.

А отчества писателей... Ну, не оказалось информации под рукой в момент передачи книги в типографию. Это сбоя, основанные на «спокойном» отношении к ГОСТу.

4. *Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?*

Быть глупым. Высокомерно жевать одинокую мысль. Вообще что-либо делать высокомерно. Вытирать об автора галоши. Выпячивать свое я. Делать далеко идущие выводы совкового посла: что-нибудь вроде «недо-литературы»... Список велик, как и список человеческих достоинств.

Точно знаю, что критик должен делать: читать те книги и быть осведомленным в творчестве авторов, о которых он пишет.

5. *Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диаду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?*

Творец и богослов. А паразитом может быть и критик, и писатель

Сергей Бережной (Санкт-Петербург)

Primo — спасибо за теплые слова. Я, в свою очередь с удовольствием читаю Ваш журнал, и очень признателен вам за то, что включили меня в список опрашиваемых.

Secundo — Вы пишете, что считаете меня критиком. За что? За ошибки молодости, когда я называл свои маленькие заметки «критическими», а большие — «литературоведческими»? Я давно осознал свои заблуждения и не хотел бы их повторять. Поэтому предупреждаю честно: я не критик. Вернее, скажем так: я стараюсь ради точности формулировок не называть себя критиком и поправляю других, когда они пытаются это сделать. Еще вернее, если пользоваться модной ныне терминологией: я не позиционирую себя в качестве критика.

Кем меня считать в таком случае — ну, это каждый сам для себя придумает. Я же просто занимаюсь тем, что мне интересно, и стараюсь при этом как можно меньше халтурить (хотя, конечно, не без этого...) Для меня, как ни странно, практически нет разницы — пишу я рецензию, биографический очерк, рассказ или песню. Или отвечаю на вопросы, которые вы придумали. Это все явления примерно одного порядка.

Так что, читая и публикуя мои ответы, принимайте во внимание — я не критик, не писатель, и даже, кажется, уже гораздо меньше фэн, чем прежде. А может быть, я — все это вместе, в одном салате. Приятного аппетита.

Теперь — собственно ответы.

1. *Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголам жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?*

Да черт ее знает. У каждого, кто работает в этой области, как мне представляется, своя целевая установка, и проводить какие-то обобщения я не

рискнул бы. Лично для меня ценность литературного труда определяется не тем, относится он к художественной прозе или non-fiction. «Глаголом жечь» может при необходимости и то, и другое. «Архипелаг ГУЛАГ» — определенно non-fiction, а как жжет-то! Впрочем, это не литературоведческий труд, конечно.

Специфика критики — собственно, любой литературоведческой работы, — заключается в том, что эта работа является некоторым отражением других текстов — возможно, кстати, существующих только в воображении автора критической работы. Обычно критик каким-то образом передает свое видение, свое восприятие обсуждаемого текста. Иногда получается так, что видение критика не менее интересно, чем само произведение. Такие случаи я полагаю удачей критика. Как и всякие удачи, такие случаи редки.

Что до меня, то я всего-навсего достаточно самоуверен (нагл? нахален?), чтобы считать свои писания достойными прочтения кем-нибудь еще.

2. Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самостоятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги... книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватит. Что же — мельчает критика?

Не понял. Какое отношение к «критическим материалам» имеют самостоятельные или несамостоятельные отчеты о конвентах?

Теперь по сути вопроса. Критика, в моем понимании, не мельчает. Критика живет так, как ей живется. Зарабатывает на хлеб заказными песнопениями. Создает себе имя скандальными выходками. Выстраивает комфортное «жизненное пространство» для своей литературной группировки. Она это делала всегда — и всегда будет делать. Именно из этого и складывается то, к чему мы все, как мне хотелось бы верить, стремимся: насыщенная и хорошо структурированная информационная среда. Фантастики это касается в той же степени, что и всех прочих направлений массовой и немассовой культуры.

С фантастикой, впрочем (хотя и не только с ней), наблюдается некоторый перекосяк: потребность в критике в этой среде, как мне кажется, гораздо выше, чем то, что критика сейчас может предложить. Спрос превышает предложение. Именно поэтому чисто коммерческий «Если» такое место уделяет non-fiction, именно поэтому нацеленный на чистую коммерцию Интернет-магазин «оЗон» публиковал так много материалов, посвященных фантастике. Можно надеяться, что мало-помалу количество публикуемых материалов вырастет до удовлетворительного.

С качеством хуже. И проблема даже не в том, что нет достойных материалов — есть, и много. Проблема в том, что практически нет материалов структурирующих, выстраивающих информационную среду в соответствии с какой-либо значимой концепцией. Какую еще книгу можно поставить в один ряд с «Русским советским научно-фантастическим романом»

А.Ф.Бритикова? Это был — и остается — единственный труд, который осознанно посвящен автором структурированию, концептуальному выстраиванию истории развития отечественной фантастики. Другие опубликованные труды — например, книга Чернышевой, — создают теоретический базис для такого структурирования, но не заменяют его — так же, скажем, как книга Проппа не отменяет необходимости изучать культуру средневековой Руси.

Но книга Бритикова вышла 30 лет назад и по отдельным пунктам заметно устарела. А известные мне попытки других исследователей сделать нечто подобное даже не претендуют на столь же полный охват материала, на создание концепции исторического развития фантастики.

В общем, это понятно — создание такого труда требует совершенно определенных предпосылок. Библиография первичная и вторичная, энциклопедическая информация об авторах, добросовестный охват материала — одно чтение и осмысление значимых книг займет много лет... Покажите мне сегодня исследователя (дураков не предлагать), который рискнул бы сказать, что у него уже есть предпосылки для того, чтобы начать и закончить такую работу.

Самый грандиозный труд такого рода из известных мне — «Энциклопедия фантастики» под редакцией Гакова. Значение этого тома для структурирования интересующей нас информационной среды... скажем так, видится мне очень небольшим. При том, что материал охвачен громадный — полное пренебрежение системностью подхода. Обратите внимание, что в энциклопедии, скажем, Кляута и Николлса материал структурировали в значительной мере именно те статьи, которые Гаков из первого тома вынес — статьи о журналах, статьи тематические, статьи региональные. А как представить историю фантастики без фантастических фильмов?

Так что, в этом вопросе отечественное фантастиковедение лишь планирует свое рождение...

3. На ваш взгляд, отчего в России не сложился, несколько утрируя, «фынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о молодых авторах приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «фрасейский» подход или нечто иное?

Мне кажется, вы сильно утрируете. Все ваши утверждения легко опровергнуть примерами. Специализированный журнал — есть. Почему вы сбрасываете «Если» со счетов? Издательства не отказались от сопроводительных материалов — сам только что написал послесловие к книге Александра Щеголева для «Невы», другие издательства тоже не прекращают этой практики. Да, не ко всем книгам — ну так, положи руку на что-то духовно ценное, многие ли книги достойны того, чтобы к ним были написаны послесловия или, тем

паче, предисловия? А информация о новых авторах — это проблема для всех библиографов во всем мире, ничего специфически «расейского» в этом нет.

Впрочем, отечественное раздолбайство, конечно, добавляет остроты в эту общую тенденцию. Но вовсе не определяет само ее существование.

4. Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?

Лгать себе. Лгать другим. Быть убежденным в своей правоте.

Все прочие гнусности, которые может позволить себе автор литературоведческих материалов — халтура, апломб, хамство, «литературное киллерство», непрофессионализм — все это сводится к трем перечисленным выше смертным грехам.

5. Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диадду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?

Ну, то что я — паразит, у меня сомнений не вызывает. Но больше всего на меня почему-то обижаются писатели, на которых я не паразитирую.

Очень мне этот парадокс по душе.

Роман Арбитман (Саратов)

1. Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголом жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?

Если задачу наших писателей уложить в формулу «глаголом жечь сердца людей», то задача критиков — тактично намекнуть читателю, чьи глаголы способны гореть, а чьи — только тлеть, пованивая.

2. Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самостоятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги... книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватит. Что же — мельчает критика?

Дурацкая постановка проблемы. Во-первых, и раньше с книгами по фантасике было скудно. Во-вторых, вопрос не в том, что критика мельчает, а в том, что издателям такие книжки не нужны, а критикам запахло тратить собственные деньги и издаваться за свой счет. Да и обидно, знаете. В общем, будут гранты — будут и книги. Прямо пропорциональная зависимость. У меня у самого в голове несколько проектов. Дайте мне баксов четыреста, и я сам за три месяца сделаю книжку... Эй, где там у вас деньги выдают? Ауууууу???

3. На Ваш взгляд, отчего в России не сложился, несколько утрируя, «фынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем

издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о молодых авторах приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «расейский» подход или нечто иное?

См. выше. От предисловий и послесловий отказываются потому, что содержание книг такое, что ни в какие ворота. В свое время я еще так-сяк мог написать послесловие к Спинраду, Тенну или Кордавейеру Смиту. А что можно сочинить в послесловии к какому-нибудь Вохе Пупкину-Дрюбкину? Что автор русского языка не знает, а редактора надо гнать в три пень? Но такие послесловия у нас публиковать не принято... Что касается отчеств в книгах. Их писать перестали, потому что и имена с фамилиями чаще всего придуманные. Ну какое отчество могут быть у Макса Фрая или Генри Олди? Разве что «Остапович».

4. Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?

Касаться частной жизни критикуемых авторов. Запрещенный прием. Нельзя апеллировать к тому, что Василий Икс — пассивный гомик, что Вячеслав Игрек — непросыхающий алкаш, что Виктор Зет недавно перешел с экстази на героин, что Елену Лямбду перетрахало все издательство «Тритон»... Читателю, сволочи, такие подробности очень интересны. Но мало ли что кому интересно!

5. Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диаду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?

Диада «творец и паразит» абсолютно справедлива. Поскольку творец — это, естественно, критик.

Евгений Лукин (Волгоград)

НЕХАЙ КЛЕВЕЩУТ!

*Милостивый государь! Вы — рецензент!!!
А. П. Чехов*

В моем понимании, критик — это цензор, у которого руки короткие. Не в силах причинить вред уже выпущенной книге, он предается злобным мечтаниям, именуемым рецензией. Слова, обратите внимание, однокоренные. А поскольку критик обычно по происхождению — неудавшийся прозаик (или поэт), то из рецензии прежде всего явствует, как бы он сам написал данное произведение, будь у него способности.

Зачем вообще нужна критика, я не знаю. Мало того, я даже не знаю, зачем нужна литература, не говоря уже об искусстве в целом, но в эти дебри

лучше не углубляться, иначе мы, подобно герою того же А. П. Чехова, придем к мысли, что всё на свете — лишнее. Впрочем, при советской власти польза от критики была очевидна, ибо рецензенты, избирательно ругая лучшие книги, помогали читающей публике сориентироваться.

В те ныне баснословные времена в наших шпиротах обитало два подвита критиков: цепной и ученый. Цепных легко можно было отличить по следующим признакам: бесконечная преданность хозяину, дубоватый язык, склонность к риторике, упрощенная до уровня школьного учебника терминология, принципиальное непонимание прочитанного и умение доказывать два прямо противоположных утверждения сразу. Критики ученые, напротив, делали вид, что хозяин — сам по себе, а они — сами по себе. Правда, за эту нечеловеческую отвагу им приходилось довольно дорого расплачиваться, усложняя текст до полной его непонимабельности простыми смертными. Хозяин (сам не шибко грамотный), дойдя до термина «амбивалентность», ощущал некое внутреннее неудобство и, убоившись бездны премудростей, статью до конца не дочитывал. Публика — тоже.

Насколько я могу судить, в наши дни ареал обитания ученых критиков ограничен элитной литературой («мэйнстрим»), в то время как критики цепного подвита успешно освоили патриотическую нишу и, представьте, фантастику. Именно такое ощущение остается после прочтения большинства нынешних рецензий (как положительных, так и отрицательных). Был случай, когда друзья-фантасты долго убеждали меня в том, что опубликованный в прессе отзыв не является блистательной пародией на разгромные статьи застойных лет и написан на полном серьезе.

Вначале я полагал, что явление это — реликтовое. Дескать, авторы — бывшие фэны с трудной судьбой, на собственных маковках издевавшие тяжесть критической дубины ушедших времен и многому научившиеся у противника. Однако опыт показывает, что, чем моложе рецензент — тем совковее (в худшем смысле этого слова).

Нет, кое в чем, конечно, цепной критик изменился. Ушла бесконечная преданность хозяину, а взамен явилось упонительное чувство вседозволенности, порожденное свободой слова. Все прочее осталось (см. выше).

Повторяю: я не знаю, кому и зачем нужна критика. Но коль скоро она существует, то пусть хотя бы прилично выглядит. Кстати, я не против цепного критика как подвита; при нынешнем наплыве графоманов он даже может кому-то показаться полезным существом, этаким санитаром фантастических дебрей. Увы, издателю он — не указ. То же касается и критика ученого, встречающегося в наших джунглях гораздо реже.

А вот кого нам, считаю, по-настоящему недостает, так это теоретика. (Литературоведение, как известно, включает в себя три дисциплины: теорию, историю и критику.) С теорией у нас из рук вон плохо. Необходим филолог. Необходима основополагающая работа, на которую могли бы опираться те же критики. Ну сколько можно путать жанр с направлением!

Даже «Странник» — и тот не избежал обычной путаницы: жанровая премия вручается за направление (хоррор, фэнтези и проч.), а «Странник» как таковой — именно за жанр (роман, повесть, рассказ).

Я прекрасно отдаю себе отчет, что литературоведение, подобно прочим гуманитарным дисциплинам, есть не что иное как лженаука. И слава богу! Пусть она бесполезна, зато и вреда от нее никакого. Ни озоновых дыр, ни атомных взрывов. Но дело даже не в этом. Поймите, что ее терминология — общепринята во всех отраслях литературы. Хватит быть посмешищем в глазах филологов! Хотите выйти из гетто? Так учитесь говорить, как белые люди!

Еще одно пожелание. Я понимаю, что до двух считать легче, но господа критики! Кто вам вообще сказал, что фантастика делится на два без остатка: НФ и фэнтези? Вы же сами не раз признавали с прискорбием, что представителем «твердой» научной фантастики можно назвать одного Александра Громова. Ну так будьте честны до конца: замените «НФ» на «АГ» — и вся недолга! Разберитесь с классификацией. Здесь я, кстати, преследую вполне шкурные интересы. Недавно мне прямо заявили, что никакой я не фантаст. А как возразишь, если ни в ту, ни в другую графу я не вписываюсь? Так сказать, не имеющий чина.

Когда-то я воспринимал отзывы в прессе весьма болезненно. Был счастлив, когда похвалят, бился в истерику, когда разбранят. Теперь же вдруг с удивлением обнаружил, что искренне способен радоваться ругани в свой адрес, если при этом рецензент понял, ради чего написана данная книга. Пусть не принял, но ведь понял же! По нашим временам это большая редкость...

Подводя итоги, скажу: поскольку толку от критики все равно нет и не будет, пусть она хотя бы надувает щеки, создавая фантастике должный имидж.

А в остальном... Да нехай клеветают!

Вопросы задавал Алексей Караваев

ОЛЬГА КОЦЮБАНСКАЯ

ФЭНТЕЗИ КАК ВЫБОР МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПОБЕЖДЕННЫХ

Историю пишут победители. Эта расхожая истина вполне жизнеспособна. Их, победителей, как известно, не судят. Вот они и пишут. Мемуары. Но это первых пару десятков лет. Потому как есть и другая история. История побежденных.

История побежденных лучше всего пишется тогда, когда победитель уже не первую сотню лет лежит в гробу. Дать по шее уже не может, зато регулярно переворачивается. Неплохо пишется и в эмиграции (на безопасном расстоянии от победителя). История побежденных всегда свежа, актуальна и содержит сенсационные подробности. Победитель был дурак и сволочь! А дуракам везет, вот он и победил. История побежденных — это бумажный реванш. В лучшем случае, гордо надетый мученический венец. И сакраментальное «если бы».

В Истории — не побежденных, и не победителей, истории с большой буквы, нет слова «если». Строгая девица Клио его не приемлет. Сумма сложившихся обстоятельств, требования эпохи — не учел, не увидел, не направил — пролетел.

А если...

— А если бы да кабы — говорит строгая девица Клио — да во рту росли бобы, это был бы не рот, а целый огород. Жила-была девочка — сама виновата.

И тут из-за угла плавной походкой выходит квазинисторическая фэнтези.

А если... — взмахивает она мечтательно ресницами.

— Ну?! — с интонацией Остапа Вишни цедит Клио. — То есть, простите, не ну, а я вас слушаю.

Вот и начинается кутерьма. В этом плане, как иллюстрация борьбы истории победителей и побежденных, более всего запутанной мне представляется тема инквизиции. Горячо любимая как в мейнстриме, так и в фэнтези, и бесконечно уважаемая порносайтами. Обращаясь к этой теме, в

первую очередь хочется заявить, что речь пойдет от «лица, сидящего верхом на заборе». Поскольку именно там, по моему глубокому убеждению, и есть место историка. Главная проблема истории — ее вопиющая субъективность, вопреки формально закрепленному принципу объективности, о котором знает любой аспирант, потому что именно его, зевая, расписывает казенными фразами в первом разделе диссертации. И возможно, именно поэтому, позднее, став доктором наук, профессором Шварценгольдом, под давлением отчасти обстоятельств, и во многом личных убеждений, благополучно его забывает.

Таким образом, в нашей пьесе про инквизицию уже два лица — Я, сидящее верхом на заборе, и профессор Шварценгольд. Добавим еще два — Правдоискатель и писатель (наконец, и до него добрались).

Итак... «Инквизиция (от лат. *inquisitio* — расследование, розыск), в католической церкви особый церковный суд по делам о еретиках, существовавший в 13–19 вв.» — такова краткая энциклопедическая сентенция. «ИНКВИЗИЦИЯ — религиозный или религиозно-гос. институт, предназначенный для борьбы с гетеродоксальными течениями как в духовной, так и в полит. жизни; в узком значении — юридическая процедура в XII–XIII вв., а с сер. XIII в. до сер. XIX в. — особые трибуналы, созданные для расследования отклонений от катол. веры и преступлений против нравственности». А вот это уже официальное определение виновников торжества, выдержка из католической энциклопедии. И на протяжении нашего *inquisitio* мы еще не раз вернемся к этому источнику. Правда, начало делу было положено несколько ранее, ещё в 1184, когда папа Луций III и император Фридрих I Барбаросса установили строгий порядок розыска епископами еретиков и расследования их дел.

Но вернемся к нашим действующим лицам. И увидим, что их полку прибыло. Со мной на заборе сидит мистер Тоби Грин, очень приятно, сэр. Его работа «Инквизиция: царство страха» — пахнет свежей типографией, у нас она вышла в 2009 году, в издательстве АСТ. «Книга, которая раскрывает читателям истину, стоящую за нагромождением мифов и домыслов», — глубокомысленно замечает Таймс о творении мистера Грина.

В стройных рядах профессора Шварценгольда толкотня и давка. В креслах вип-персон невозмутимо восседают Льоренте и Ли Генри Чарльз.

Среди правдоискателей выделяется буйным нравом парижский коммунарь Артур Арну. В 1871 году вышла его книга «История инквизиции». Его детище, как выразился в предисловии к изданию 1926 года профессор Е.В. Тарле, «не есть ученое исследование. Это боевой антиклерикальный памфлет». Автор исправно изображает инквизицию истреблением ада, основной целью которого было извести, или, на крайний случай, покалечить как можно большее количество невинных жертв. Во многом работа Арну основывается на фактаже, предоставленном господином Льоренте. Книга Арну написана в экспрессивной манере, она увлекает читателя, вздымая бурю

чувств, но мало что говорит историку. Возвращаясь к мнению профессора Е.В. Тарле, «Арну за деревьями не видит леса». Рассматривая инквизицию, автор совершенно опускает экономические вопросы, которые во многом, если не во всем определяли ее политику. Порой даже может показаться, что творение Арну одно из тех, что своим бездумным разбором истории инквизиции задали отправную точку половине порносайтов. Но разбор Арну не бездумен. Он — Правдоискатель своей эпохи. Из всех действующих лиц именно он ближе всего к писателю. Писатель, погружаясь в чужую эпоху, ищет ответы на вопросы, заданные его временем. Но Правдоискатель не спрашивает. Он отвечает, с пылкой категоричностью меряя века прокрустовым ложем собственного времени.

Ибо господин Артур Арну — это 60-е годы XIX столетия, когда воинствующая политика папы Пия поддерживала все притязания средневекового папства. Если и не на практике, то в теории. А притязания эти, ни много, ни мало — верховенство церкви над светской властью. Одним из результатов такой политики римской курии являлся пересмотр в интересах церкви целого ряда исторических вопросов. Казалось бы, давно и бесповоротно решенных. Были среди них и попытки оправдать и возвеличить инквизицию. Во Франции же, с 1850-го года, после разгрома рабочих восстаний, большинство буржуазии увидело спасение от социализма в союзе с католической церковью, отойдя от старой вольтерьянской традиции. Одним из последствий стал «закон Фаллу» — передача народного образования в руки католической церкви. В подобных обстоятельствах антиклерикализм оппозиции обрел достаточно острые формы, и одним из его воплощений является работа Арну.

Одновременно творение Арну является самым ярким продуктом того, что называется в истории называется *La legenda negra* (Черная легенда), родившаяся в Нидерландах, в ту пору, когда шла борьба за освобождение от власти Испании. В частности, Тоби Грин уточняет, что «черная легенда» родилась после освобождения папой Альфонсо Диаса, юриста папского двора. Диас подстрекал к убийству собственного брата, который стал протестантом в Париже, где учился. Это дело стало знаменитым и привело к появлению многочисленных антикатолических памфлетов по всей Северной Европе. Они дополнились выходом в свет в 1560 г. книги, написанной анонимным испанским беженцем от инквизиции, под псевдонимом Монтес. После своего бегства в Северную Европу он опубликовал графический и мало-симпатичный рассказ об инквизиции. Вскоре памфлеты превратились в инструменты антииспанской пропаганды. И они, без сомнения, очернили деятельность инквизиции, представив ее в куда более страшном свете. Но как настаивает Тоби Грин, «существует различие между рассмотрением инквизиции в этом контексте и оправданием ее крайностей».

Итак, в первую очередь следует различать средневековую, папскую инквизицию и инквизицию Испании и Португалии времен католических королей, начиная с Фердинанда и Изабеллы.

Основание средневековой инквизиции, согласно изысканиям Ли Генри Чарльза, следует относить ко времени крайнего нравственного упадка католической церкви, катастрофической потери авторитета у прихожан, разброда и шатаний между белым и черным духовенством. Разумеется, самые энергичные и прозорливые видели крайнюю необходимость реорганизации церкви. Церковный разброд вызывал вполне закономерную реакцию — появившиеся в ответ ереси были ориентированы на воздержание, скромность, ратовали за возвращение к апостольской простоте. Запоздалым контрударом стало появление нищенствующих монашеских орденов — францисканцев и доминиканцев.

Святой Доминик, он же Доминго Гузман, основатель свеженспекенного ордена, обязанность церкви видел в том, чтоб наставлять и убеждать. Никакой двусмысленности в этой фразе полагать не стоит. Епископы, которым, собственно и поручалось в то время контроль над ересью путем обращения словом — словом! — на путь истинный, были слишком заняты бизнесом. На теологические диспуты у сих достойных мужей не было времени, ибо время — деньги. В 1220 г. орденом святого Доминика была официально принят обет бедности. Впрочем, орден сравнительно быстро стянул его с себя.

Официальным днем рождения Инквизиции во многих источниках принято считать 20 апреля 1233 года — день оглашения буллы, поручающей доминиканцам дело преследования ереси. Но инквизиция формировалась скорей постепенно, с большими региональными различиями, так что вышеуказанная дата достаточно спорна.

После небольшой, но упорной борьбы с епископством за финансовую сторону дела, инквизиция уверенно оттяпала себе право на штрафы, покрывающие ее издержки. 15 марта 1252 года Иннокентий IV издает буллу «Ad extirpanda», устанавливающую систему преследования как элемент социального строя, при котором государство обязано оказывать официуму всяческую поддержку. Политика пап была незамедлительно поддержана владыками. Инквизиторы становятся прямыми уполномоченными папского престола, де-факто возвышаясь над епископами.

Так рождался миф о всемогуществе инквизиции. Сеть, накрывающая всю Европу, непрерывность и постоянство ее действия, четкость регистров и связей обеспечивали образцовую международную полицию в те времена, когда взаимные отношения между народами были чрезвычайно слабы. Именно это и послужило причиной мистического ужаса, ее окружавшего. Инквизиция ничего не забывала, и ничего не прощала, она сосредотачивалась на мелочах. Так, к примеру, человек мог быть вызван в трибунал за то, что десять лет назад он имел несчастье переброситься парой слов с подозреваемым в ереси.

Случайная дотошность некоего служителя? Нет. Система. Хорошо продуманная система. Судила ли инквизиция тело? Или же на первом

месте была душа подсудимого? Да и нет. Хотя зачастую расследованием руководили экономические и политические интересы церкви, особенность инквизиционного судопроизводства состояла именно в том, что с полной самоотдачей и вопиющей искренностью, инквизиция судила душу. Пожалуй, категорическое различие между инквизицией королевской, инквизицией государственной — и папской, заключалось в том, что папская инквизиция, менее отличившаяся по количеству жертв, значительно более увлекалась поигрушками с человеческой психикой. Государственный же институт католической Испании, хоть и не чуждался наследия прошлого, все же действовал проще, «моменто в море».

Да, был срок милосердия, 15–30 дней, когда грешник мог быть полностью прощен... если заложит единоверцев. Ну, или укажет на таковых. Возможных.

Прекрасной иллюстрацией к играм с тонкими материями служит «Практика» Бернара Ги, опытейшего инквизитора, подробнейший учебник инквизиторского делопроизводства. Неторопливое, медленно сводящее с ума подследственного теологическое витийство. За 15 лет своей деятельности Ги сжег живьем 40 человек. Нас, детей XX–XXI веков с нашим тоталитарным прошлым, данная цифра, как это ни прискорбно, напавал не убивает. Поэтому приведем другой пример, из работ все того же Ли Генри Чарльза, одного из наиболее сдержанных в своих суждениях исследователя: «за редким исключением, инквизиция умела ждать. Следствие могло длиться десятки лет. Так, подследственного после пыток и длительного заключения могли привести в светлую опочивальню, дать мяса и вина — и, размягченный внезапным благодеянием, человек ломался намного проще».

Католическая энциклопедия настаивает на том, что множество еретиков были прощены инквизицией и отпущены на волю. Но она обходит с флангов тот факт, что однажды обвиненный в ереси навсегда оставался под прицелом инквизиции, мог в любую минуту быть возвращен в тюрьму без всяких на то предлогов. Об использовании пытки в папской инквизиции известно то, что после Латеранского собора 1215 года, когда были запрещены ордалии (божий суд), законоведы ощутили потребность в пытке. И только в 1317 году папой Иоанном XXII были утверждены ограничения в пытках. Теперь на их применение требовалось официальное разрешение епископа. Также предполагалось единоразовое применение пытки. Но инквизиторы уже достаточно поднаторели в казуистике, посему данные ограничения им отнюдь не мешали.

В состав трибунала инквизиции входило два инквизитора, местный епископ или его представитель, а также двенадцать человек, известных добропорядочным поведением (*boni viri*). Инквизиторами могли быть лица не моложе сорока лет, ведшие благочестивую жизнь и имевшие богословское и юридическое образование. Решения принимались коллегиально, но

правом решающего голоса обладали инквизиторы. В трибунале работали также два нотариуса, врачи, гонцы, а с XIV в. квалификаторы — светские юристы, следившие за соответствием выносимых приговоров законодательству данной страны. «Во время следствия — поучает Бернар Ги — лицо твоё должно излучать спокойствие, глаза — кротость и милосердие».

Читаешь вот, и думаешь — и за что так невзлюбили этих милашек?

И тем не менее, правда состоит в том, что в глазах общества XIII века, устройство инквизиции, врученной в руки доминиканцев и францисканцев, казалось естественным и неизбежным средством против зол, которые тяготели над этой эпохой.

Вторая часть Марлезонского балета начинается 1 ноября 1478 года, с выпуска папой Сикстом IV буллы, разрешающей учреждение испанской инквизиции. Она была ответом на отправленное в Ватикан посольство знаменной королевской четы, Фердинанда и Изабеллы. Таким образом, с самого начала инквизиция Испании находилась под прямым и жестким контролем короны. Объединение Кастилии и Арагона заложило основы новой Испании. Рождавшейся державе нужно было национальное объединение. А что может быть лучше для пробуждения чувства национального единства, чем общая вера... и общий враг? Позднее неоднократно писали о том, что в Испании гонения на ведьм имели куда более скромный характер, нежели в других местах. Чистая правда. Но, как подсказывает с забора мистер Тоби Грин: «это происходило в основном оттого, что уникальная смесь культур Испании и Португалии обеспечивала для преследования других козлов отпущения. Не имелось необходимости придумывать ведьм».

В номинации козлов выступали жертвы Реконксты — мориски (обращенные в христианство мусульмане), конверсос (обращенные в христианство иудеи), и, после экспорта инквизиции в Южную Америку — индейцы. Мориски и конверсос — потому как ни Богу свечка, ни черту кочерга. Индейцы — потому как нечего тут шастать по испанской Америке. А чтоб никто и не сомневался, в том, что испанская, так вон Хуан Лопес де Паласиос Рубиос сбавал от лица Фердинандо Пятого документ. «Рекеримьенто» называется. «Рекеримьенто» требовало от индейцев признать церковь госпожой и владычицей вселенной, а папу и испанского короля — повелителями и властелинами индейских земель. Григулевич в своей книге «Крест и меч» приводит следующее: «Когда названный выше Фернандес де Энсисо, сам участник конксты, растолковал индейцам в Венесуэле содержание «Рекеримьенто», они ответили ему, что папа римский, по-видимому, был пьян, когда дарил то, что ему не принадлежало, а испанский король, принимавший подобный дар, был, по всей вероятности, не в своем уме».

Ярко выраженный государственный характер испанской инквизиции проявился на первых же порах становления. Папский престол, к тому времени уже значительно утихомирившийся, попытался оказать

сдерживающее влияние на новую организацию. Сикст IV в булле от 18 апреля 1482 года активно возмущался тем, что инквизиторы получали доносы от слуг и врагов обвиняемых, требовал принять любое признание, сделанное с целью оправдать обвиняемого, открывать имена свидетелей, откладывать дела до вынесения решений по апелляциям. Католические короли пришли в ярость. В июле 1485 года было приказано приостановить (!) исполнение папских булл, полученных конверсос для защиты от нового трибунала. С этого момента инквизиция в Испании начала действовать самостоятельно, без вмешательства папского престола. С 1539 года испанскую песнь подхватила Португалия. Папский престол, опасаясь повторения истории, наложил на новую инквизицию значительные ограничения. Которые вынужден был снять под давлением со стороны португальского короля Жуана III. Католический король угрожал порвать (!) с Римом, так как его новая доминиканская игрушка в урезанной версии не подходила для королевских целей и задач. Таким образом, с инквизицией в ее классическом виде в Испании и Португалии мы более не встречаемся. Инквизиция же государственная инквизицию папскую основательно переплонула по части жертв.

Таким образом, приступая к теме инквизиции, мы попадаем в целый водоворот, в котором главная опасность состоит в том, чтоб не заняться развешиванием ярлыков. Инквизиция как орган корпоративной безопасности, как потребность времени, являлась одной из консолидирующих сил во времена феодальной раздробленности. Инквизиция по мере сил и понятий блюла общественную мораль. В тоже время ее роль пугала огородного была категорически обязательной. И совсем уже другой мы видим инквизицию католических королей. Тоталитарные режимы XX века слишком многое взяли на вооружение из ее обширного арсенала.

Что же делать писателю? К кому присоединиться? К черной легенде? К белой, над которой работали историки времен Папы Пия и времен Франко? Выбор остается за нами. Я же скромно снимаю шляпу перед паном Анджеем Сапковским. Его «Сага об Рейневане» подарила литературе, пожалуй, один из лучших образов инквизитора и инквизиции. Сами посудите. Положительный ли герой Гжегож Гейнче? Отрицательный? Рядом брат Арнульф, истовый фанатик, его подчиненный. Палач, испанский сапог — ничто не выкинуто из картины, не забелено, не подкрашено. Но и не зачернено. Борьба с инакомыслием, так или иначе, пронизывает историю человечества. Возвращаясь к вопросу о «если», фэнтези дает возможность через призму истории и человеческой психологии, отрешившись от условностей и конкретики мира, разграничить общества тирании и свободы, и попробовать, переступив положенные нам рамки, искать третий путь.

Выбор за вами, господа.

СЕРГЕЙ ШИКАРЕВ

«ОТЧАЯНИЕ» И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРЕГА ИГАНА

Грег Иган — один из тех авторов научной фантастики, что не избалованы переводами на русский язык. И хотя его рассказы появляются в журналах фантастики, да и в ежегодных антологиях «Лучшее за год» Гарднера Дозуа, которые выпускает издательство «Азбука», он частый гость, его единственное произведение крупной формы, известное русскоязычному читателю — дебютный НФ-роман «Карантин» («Quarantine», 1992), опубликованный в авторском сборнике более десяти лет назад.

Между тем, популярность Игана не ограничивается лишь Австралией, где родился, живет и работает писатель. Он известен среди любителей фантастики по всему миру, что подтверждается и его наградами. На счету у автора не только австралийские Ditmar и Aurealis, обладателем которых он становился неоднократно, но и такие авторитетные награды, как Hugo и Locus Award.

Творчество Игана характеризуется несколькими знаменательными чертами, одна из которых — и самая заметная — масштабность. Размах, с которым писатель смело оперирует тысячелетиями и парсеками, напоминает о грандиозных построениях Олафа Стэплдона. И в отличие от многих сочинителей, простодушно заглянувших в далекое будущее и увидевших там космические империи, ведущие звездные войны, Иган представляет читателям (например, в романе «Diaspora» («Диаспора», 1997)) человечество, изменившееся настолько, что может показаться чуждым. Однако, куда больше истории будущего, его интересуют темы еще величественнее — например, космология Вселенной.

Роман «Distress» («Отчаяние», 1995), относимый критиками к циклу «Субъективной космологии» (также в него входят уже упомянутый «Карантин» и выпедший годом позже «Permutation City» («Город перестановок»)), как раз описывает поиск Теории Всего, прозванной современными учеными священным Граалем физики и призванной объяснить взаимосвязь всех четырех типов фундаментальных взаимодействий. А заодно автор касается вопросов пола и человечности, эпидемиологии и эпистемологии.

Читатель, предположивший, что все сказанное делает произведения Игана трудными для восприятия, будет прав. Фантазия писателя научна, рациональна и даже доказательна.

Сегодня Иган входит в когорту самых известных авторов «твердой» научной фантастики, уверенно следующий за открытиями и гипотезами современной науки; в книгах он с легкостью оперирует концепциями математики, квантовой физики и молекулярной биологии. При этом чтение его произведений, хотя и не позволяет бездумно следить за приключениями героев, но требует от читателя не академического багажа знаний (сам Иган является бакалавром в области математики), а лишь (лишь?) интеллектуального любопытства и готовности к умственным усилиям. Заметим, что Иган и понятия «эпистемология» в тексте не употребляет, и вообще к читателям относится уважительно.

Действие «Отчаяния» отнесено в середину нашего столетия, когда био- и информационные технологии прыгнули далеко вперед и начинается с весьма детального и впечатляющего рассказа об оживлении в интересах следствия мертвой жертвы преступления.

Ключевая фигура повествования — научный журналист сети ЗРИнет Эндрю Ворт, автор успешных документальных лент «Окрошка из ДНК» и «Половой перебор». Его новое задание — фильм о гениальном физике, нобелевском лауреате Вайолет Мосале. Для того, чтобы взять интервью у ученого, он пребывает в Безгосударство, самый большой в мире коралловый остров, выращенный искусственно с помощью бионженерных технологий. Там должна состояться приуроченная к годовщине смерти Эйнштейна конференция физиков, на которой Мосала и ее коллеги собираются представить и обсудить конкурирующие Теории Всего.

Вооруженный вживленным в тело Очевидцем — аудио- и видеозаписывающей аппаратурой с четырьмя тысячами терабайт оперативной памяти и Сизифом — электронным сборщиком информации, своего рода «Лейкой» и блокнотом двадцать первого века, Ворт прилетает на остров и попадает в центр детективной интриги с покушением на жизнь Мосалы неизвестными, скрывающимися под загадочной аббревиатурой АК. И они, похоже, готовы на все, чтобы не допустить появления окончательной Теории Всего. А тем временем по всему миру распространяется тяжелое психическое заболевание «Отчаяние», вызываемое неизвестными причинами.

Иган использует детективный сюжет как основу для представления своих идей. Отсюда и профессия главного героя: появление в повествовании фигуры журналиста — прием распространенный, если не сказать избитый, но действенный. Он позволяет не рвать сюжет объяснениями, необходимыми читателю, а сделать их органической частью текста. Отметим, что ждать стилистических высот от Игана не стоит, да и грандиозность замысла скорее всего обрушила бы или сделала незаметной любую художественную конструкцию.

Текст «Отчаяния» богат на идеи и детали, которые могли бы стать основой самостоятельных произведений. Так, на обочине сюжета остается история миллиардера Неда Ландерса, преобразовавшего свое тело в практически неуязвимую сущность с новым генетическим кодом и мечтающего о создании нового царства. Не в феодальном, а в биологическом понимании — наряду с царствами животных и растений.

А эпизод, связывающий эмоциональную некомпетентность с функциональными расстройствами работы головного мозга, позднее найдет свое развитие в доминанте характера Сири Кигона, персонажа «Ложной слепоты» Питера Уотса.

Мир «Отчаяния», отделенный от нас лишь несколькими быстрыми десятилетиями, отличается от нашего. Компьютерные и коммуникационные технологии сделали ненужными офисы и привели к деурбанизации; биологические сделали возможной не только биохимическую регуляцию циклов сна и бодрствования, но и «половую миграцию» — изменение пола путем хирургического вмешательства или невральной коррекции, которая приводит в соответствие реальной физиологии тела половые схемы и предпочтения, существующие в мозгу.

Одна из главных тем «Отчаяния» заключается в исследовании конфликта между наукой и научной картиной мира и мистическим, иррациональным мировоззрением. Последнее в книге представляют различные Культы Невежества: Мистическое Возрождение и движение «Смирись, Наука!». Представители первого обвиняют ученых в том, что те готовы «сокрушить последние прибежища человеческого достоинства, последние источники духовности, последние бесценные тайны тафраном своего «интеллектуального прогресса» — перемолоть нас всех в одно уравнение и записать на майке, как дешевый лозунг. Люди, которые считают, что можно взять все чудеса природы, все тайны сердца и объявить: «Это оно. Оно все здесь». Что ж, у этих доводов давняя история. Еще в девятнадцатом столетии английский поэт Джон Китс сокрушался о том, что научное объяснение развеет красоту радути. Из иррационального страха утратить красоту и гармонию, а также ошибочного предположения, что восторгаться можно только загадочным и непознанным, пронстекает неприятие науки и познания в целом.

И вот что отвечает им Иган устами своего персонажа:

« — Мистическое Возрождение? — Мосала иронически улыбнулась. — У них благие намерения, правда? Они говорят, люди слепы к окружающему миру, полжизни зарабатывают на хлеб, полжизни предаются отупляющим развлечениям. Согласна на сто процентов. Они хотят, чтобы все обитатели планеты «настроились» на Вселенную, в которой мы живем, разделили их священный трепет перед ее загадками: ошеломляющими временными и пространственными масштабами космологии, бесконечным многообразием биосферы, поразительными парадоксами квантовой механики. Что ж, эти вещи приводят в трепет и меня — однако Мистическое Возрождение считает такую реакцию окончательной. Они хотят, чтоб наука отступилась от исследования всего, что повергает их в это дивное, необъяснимое состояние — на тот случай, если, поняв явление, они перестанут приходить от него в экстаз».

Впрочем, есть и те, чье отношение к науке не исчерпывается неприятием и страхом. Их позиция более деятельна и, в результате, разрушительна и опасна.

« — «Смирись, Наука!»? — Глаза Мосалы сверкнули гневом. — Они много хуже остальных. Самые циничные, самые заносчивые. В своей коллективной мудрости они решили, что хрупкий цветок человеческой культуры не переживет новых откровений о сущности человека или устройстве Вселенной».

...Если бы они обличали издержки биотехнологии, я бы поддерживала их. Если бы они протестовали против военных разработок — я была бы обеими руками за.

Однако когда они объявляют, что всякое знание — за рамками, которые они сами определили, — губительно для душевного здоровья человека и благополучия цивилизации, и что некая самозваная культурная элита вправе заменить его доморощенными мифами, чтобы наполнить человеческую жизнь облагораживающим — и политически удобным — смыслом, они превращаются в цензоров и социальных манипуляторов».

Легко понять, на чьей стороне симпатии писателя, но его выбор не объясняется силлогическим трюизмом «положение обязывает» и тем, что иного от автора научной фантастики ожидать не приходится. Или тем, что наука является одним из краеугольных камней современной цивилизации. Истинные причины, по которым Иган ставит науку столь высоко, лежат глубже.

Присмотримся к тексту чуть пристальнее. Например, к основному месту действия.

Безгосударство, расположенное в нейтральных водах Тихого океана, славится тем, что устроено и существует по принципам анархо-синдикализма. (Кстати, есть в нем и улица Хомского — современного лингвиста, известного своим левым взглядом.)

«Безгосударство основано на принципе, согласно которому люди договорились об одинаковых нормах поведения, руководствуясь при этом совершенно разными мотивами. Своего рода сумма взаимно противоречивых топологий, оставляющая все лишнее прошлому; общество, не отягощенное политикой, философией, религией, избежавшее безумно-восторженного поклонения гербам и знаменам — и, тем не менее, упорядоченное.

II все же я никак не мог решить, чудо ли это, или ровным счетом ничего невероятного здесь нет. Упорядоченность возникает и сохраняется там, где этому благоволят... Любая демократия при ближайшем рассмотрении оказывается разновидностью анархии: любой законодательный акт, любая конституция могут быть со временем изменены; любая социальная норма, писаная или неписаная, может быть нарушена... II в Безгосударстве осмелились — возможно, безрассудно — распутать политический узел до основания, дабы увидеть как есть, без прикрас, власть и ответственность, терпимость и согласие».

Безгосударство избавлено от гнета политических идеологий и государственной власти. Здесь следует оговорить, что и сама анархия для жителей Безгосударства является не навязанной идеологией с установленными и требующими подчинения догмами, а осознанно выбранным способом обустройства общественной жизни.

В «Отчаянии» Иган говорит о свободе.

И наука, доказывает он, является инструментом освобождения общества и человека.

Само существование искусственного острова, на котором расположено Безгосударство стало возможным благодаря достижениям науки и технологий — а также нарушению законов о биотехнологическом лицензировании.

Таков наглядный пример того, как наука дает обществу новую степень свободы. Для этого процесса Иган изобретает специальный термин: технолиберация — освобождение человека с помощью технологии. Ее условием является то, что и наука должна быть свободна от различного рода ограничений, будь то идеологические или расовые предрассудки («Нет мужского и женского вакуума. Нет бельгийского или заирского пространства-времени... Всякий ученый видит дальше, потому что стоит на плечах мертвецов — и не имеет значения, какой у них был цвет кожи, или на каком языке они говорили») или патентное право («Я не могу сказать, что кража интеллектуальной собственности — такое уж безобидное преступление; мне убедительно объяснили, что никто не стал бы заниматься научными разработками, если б результаты не патентовались — но все-таки это безумие, когда мощнейшие средства против голода, мощнейшие средства защиты окружающей среды, мощнейшие средства против бедности из-за дороговизны недоступны тем, кто нуждается в них больше всего»).

Я объявляю, что ни один синдикат не владеет патентом на числа
или монополей на единицу и ноль;
ни одно государство не властно над аденином и гуанином,
ни одна империя не правит квантовыми волнами.

И всем должно хватить места на празднике понимания,
ибо истину нельзя купить и продать,
навязать силой, от нее невозможно скрыться
или бежать.

Из «Технолиберации» Мутебы Казади, 2019
(эпиграф к роману «Отчаяние»)

Впрочем, свобода человека не сводится лишь к возможности создания общества без властного государственного принуждения. Столь же важно и необходимо освободить сознание от обманчивых идеологий, навязанных мировоззрений и бездумных готовых ответов.

Один из лучших рассказов Грега Игана «Неустойчивые орбиты в пространстве лжи» (Unstable Orbits in the Space of Lies, 1992; рус — 1997) описывает мир, преображенный 12 января 2018 года Переплавкой — загадочным катаклизмом, который разделил мир на аттракторы. И те подчинили оказавшихся в зоне влияния людей определенным убеждениям и представлениям, сформировав для своих обитателей «единственно верную» картину мира. «Через неделю после начала Переплавки... выкристаллизовалась нынешняя конфигурация аттракторов. Девяносто девять процентов жителей либо переехали, либо сами настолько изменились, что были вполне довольны тем, где они находятся и что собой представляют».

Так образовались территории, заселенные сообществами астрологов,

католиков, рационалистов и многих других. И лишь немногие стали бродягами и сохранили свободу.

Впрочем, Иган последователен и честен в рассуждениях, высказанных в прозрачной метафоре.

Не являются ли свободные бродяги пленниками странного аттрактора, направляющего их движение по сложным траекториям, но не выпускающего из своей орбиты?

Не является мнимой свобода от иллюзий и заблуждений?

И не иллюзорна ли сама возможность такой свободы?

***

Однако узы человека не сводятся только к социальному измерению. Диктатура тела обусловлена генетической наследственностью, лимфатической системой, врожденными инстинктами, гормонами и феромонами. Настроение и поведение человека зависит не только его разума, но и от собственного тела — причем больше, чем это обычно представляют. Можно не сомневаться, что перед развитием биотехнологий и генной инженерии падет и этот бастион (после чего понятие человечности нужно будет серьезно переосмыслить).

«Если люди понимают биологические силы, действующие в них и в окружающих, они могут хотя бы надеяться, что выработают разумную стратегию достижения желаемого... а не будут действовать наугад, вооруженные лишь романтическими мифами и добрыми намерениями, позаимствованными у давно умерших философов»

Вспомним, что схожих взглядов придерживался и Иван Ефремов, который считал, что в основе построения лучшего общества лежит победа человечества над естественными инстинктами первобытного человека.

Знание делает свободным. Лишь оно, доказывает Иган, может избавить от гнета биологических ограничений, политических требований и идеологических заблуждений.

Однако знания сопряжены не только со многими печальями, но и с множеством опасностей.

Совсем не случайно описание открытия, а точнее — постижения, Теории Всего содержит отсылку к начальному эпизоду, в котором Ворт становится свидетелем того, как в медицинской лаборатории жертва преступления, стянувшая с глаз повязку, осознает, что ее лишь временно «воскресли» из мертвых и после допроса ей предстоит вернуться в небытие.

И миллиардер, создающий новое царство с собственной персоной на троне, обеспокоен вопросами не только жизни, но и смерти — в его лабораториях велись разработки вирусов, смертельных для человечества. Всего остального человечества.

Да и вообще в мире, где существует ядерное, химическое и биологическое оружие, достаточно доказательств того, что развитие науки неминуемо отражается в увеличении рисков, связанных со зловредным применением ее достижений. Следует, конечно, помнить, что совершают открытия и распоряжаются ими, как правило, совершенно разные люди.

Что ж, эмпирически выведенное правило говорит, что остановить развитие науки и прогресс технологий невозможно, а знание лучше неведения. Кто предупрежден, тот вооружен.

Опасность знания и в том, что оно развеивает некоторые полезные иллюзии.

Так и перед героем становятся важные и совсем не простые вопросы: *«Когда каждая клетка, каждый долбаный атом вашего тела выжигает на вашей коже: все, что вы цените, чем дорожите, ради чего живете... просто пена на поверхности вакуума глубиной десять в тридцать пятой — как вы продолжаете лгать? Как закрываете глаза?»*.

Не в этот ли вакуум как в бездну глубиной десять в тридцать пятой степени заглянул Ницше?

«...Я не верю, что честность ведет к безумию. Что рассудок не сохранить без самообольщения. Не верю, что путь истины усеян ловушками, готовыми поглотить всякого, кто слишком много думает... Я не нуждаюсь в красивой лжи, чтобы принимать решения, которые считаю верными, вести жизнь, которую считаю хорошей»

Важно, что освобождение от гнета биологии и социобиологии является не отказом от человеческой природы, а предоставлением возможности осознанного выбора: пола, тела, поведенческих реакций, etc. Такова универсальная максима: освобождение достигается не через разрушение, а через выбор, основанный на знании.

«Правило свободы» верно и для анархического Безгосударства, существующего не благодаря отсутствию государственной власти, а благодаря наличию согласованных правил поведения и взаимодействия (*«принять любую форму цивилизации — значит выбрать тот или иной культурный ответ»*), и для человеческого сознания.

В рассказе «Причины для счастья» (Reasons to Be Cheerful, 1997; рус — 2007) Иган описывает человека, прокатившегося на гормональных американских горках. Если, конечно, такая бодрая метафора подходит для описания настоящей трагедии. Сначала раковое заболевание запускает у двенадцатилетнего Марка процесс выделения лей-энкефалина, дарующего радость и положительные эмоции — постоянно и непрерывно.

А затем, после и энкефалинового блаженства, лечение вместе с раковыми клетками уничтожает и все участки мозга, способные испытывать положительные эмоции, погружая Марка в восемнадцатилетнюю депрессию.

Когда протезная реконструктивная нейропластика восстанавливает его мозг, перед Марком встает необходимость самому выбирать, устанавливая, словно на пульте, свои пристрастия и отвращения, объекты любви и ненависти.

«Всем приходится создавать свою жизнь из одинакового материала: отчасти общего, отчасти индивидуального, отчасти скорректированного бесконечным естественным отбором, отчасти смягченного свободой выбора. Мне просто пришлось... прямо взглянуть правде в глаза...»

И я мог продолжать так жить, балансировать на тонкой грани между

бессмысленным счастьем и бессмысленным отчаянием. Может быть, мне повезло; может быть, лучший способ удерживаться на этом узком мостике — ясно понимать, что находится с той и с другой стороны».

Истины недостаточно, но она — хорошее начало.

И приверженность Игана науке обусловлена тем, что она является инструментом познания действительности. Способом увидеть ее объективно и во всей полноте.

Также как технологии являются средством ее, действительности, преобразования и возможностью реализовать сделанный выбор — а значит, освободиться.

***

Заслуженная популярность Игана и его место в первом ряду авторов научной фантастики обусловлены тем, что он не растрчивает возможности жанра на космические сражения и приключения, а размышляет на темы, которые, что называется, «стоят в повестке дня» для всего человечества. Качество, характерное для лучших фантастических книг, ставит писателя в один ряд с такими мыслителями, как Иван Ефремов и Станислав Лем.

И вдвойне привлекательно то, что для этих размышлений он использует строго научный инструментарий: как написал один из зарубежных рецензентов, «в книгах Игана больше науки, чем в некоторых статьях *Physical Review*».

Об уважительном отношении к Игану со стороны коллег красноречиво свидетельствует упоминание Вернором Винджем в «Конце радуг» вероятностной игры, названной в честь впервые описавшего ее «изобретателя» «футболом Игана».

Впрочем, это уважение остается заочным.

Иган заботится о неприкосновенности частной жизни, освободив ее от ненужных и навязываемых ограничений в виде таких традиционных для писателей занятий, как автограф-сессии, встречи с читателями и даже посещения конвентов.

Да что там конвенты? У Игана, по его словам, и аккаунта в социальных сетях нет.

Как нет на его персональном сайте личных фотографий, вместо которых размещено уведомление о том, что писатель неодобрительно относится к появлению своих фотографий в сети.

Также Иган выступает против размещения на обложках своих книг хвалебных отзывов коллег по перу, подчеркивая различие между рекламными слогами и критическими обзорами, пренебрегая первыми и отдавая предпочтение вторым.

Однако сказанное не означает, что писатель как сумеречный затворник, чужд общественной жизни. Как сказал он в одном из интервью, «когда я пишу о будущем, я даже не пытаюсь забыть о насущных проблемах

современности, в частности нищете, войнах, болезнях и расизме... Хотя в отдельных своих произведениях, например в «Диаспоре», я и заглядывал в далекое будущее, меня гораздо больше заботит будущее ближайшее. Словами Иган не ограничивается: он активно сотрудничает с международной организацией «Amnesty International» и помогает беженцам, переселяющимся в Австралию.

И, возможно, именно это определило локации его нового романа, «Zendegi» (2010).

Одним из действующих лиц книги является уроженка Ирана, а речь в ней идет о топографическом картировании мозга, исследованиях нейрофизиологической основы сознания и виртуальной реальности.

На сей раз подготовка Игана к созданию романа не ограничилась изучением научных трудов. Чтобы собрать необходимый для книги материал, он предпринял поездку в Иран.

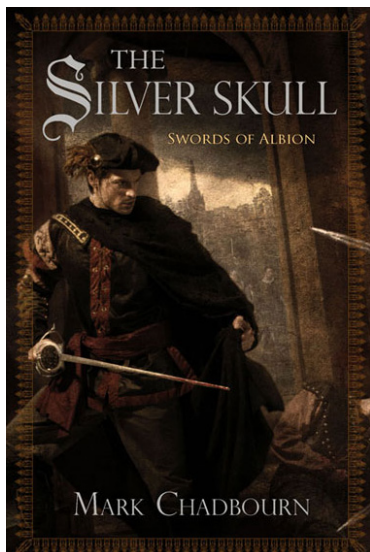
Впрочем, уже в следующем, еще не опубликованном, романе, Иган обещал вернуться от исследования человеческой природы к космологическим построениям.

Действие «Orthogonal» («Прямоугольный») будет происходить в другой вселенной, чьи физические законы отличны от законов нашего мира. Например, скорость света во вселенной от Игана не является константой.

Зная писателя, можно предположить, что сотворен и устроен этот дивный мир будет не проще, а, может быть, и разумней нашего.

ДЕНИС ЧЕКАЛОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖЕЙМСА БОНДА И ДОКТОРА ВАТСОНА

(новинки зарубежной фантастики)

Марк Чедберн. Серебряный череп / Mark Chadbourn. The Silver Skull.

Мы уже знакомы с циклом «Эпоха безвластия», принадлежащем перу Марка Чедберна. Несколько обычных людей, — таких, как Вы и я, — внезапно сталкиваются с миром магии, драконов и фей. И встреча эта не сулит ничего хорошего.

Фишкой серии стало то, что главными героями выступают взрослые, — тогда как обычно с феями шушукуются детишки да подростки. Этот интересный ход позволил автору по-новому подойти к сюжету.

В новом романе Чедберна, «Серебряный череп», действие происходит в той же вселенной, с ее законами, — меняется только время. Мы отправимся в эпоху королевы Елизаветы.

Наш герой — Свифт, Уилл Свифт, шпион на службе Ее Величества. Этаким Джеймс Бонд со шпагой. Его помощник — Нэт, — напомнит Вам другого известного персонажа, доктора Ватсона. Вместе они должны разобраться с феями, — ведь от фей, как известно, вечно одни проблемы...

Книга открывает новую серию, «Клинки Альбиона».

Чарльз Стросс. Меморандум Фуллера / The Fuller Memorandum by Charles Stross.

Третий роман в цикле «Хроники Прачечной». Как Вы наверняка знаете, Прачечная — особое подразделение британской разведки. Его задача — охранять мир от сил Зла.

А займется этим Боб Ховард, — ботан-компьютерщик. Как же ботаник смог стать суперагентом? Все просто, — ведь магия это всего лишь часть высшей математики. И если Вы слишком хорошо разбираетесь в цифрах и интегралах, — то рискуете шагнуть в мир опасного колдовства.

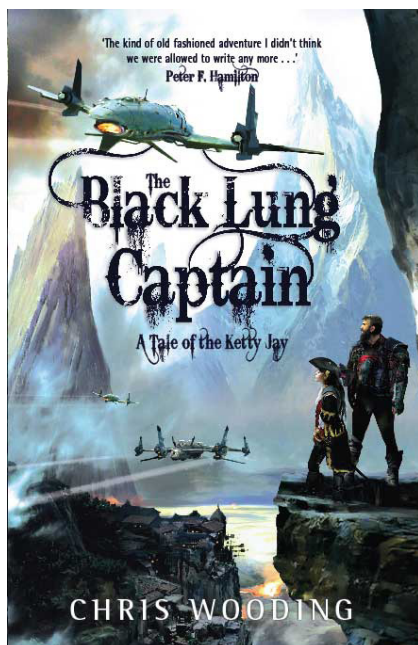
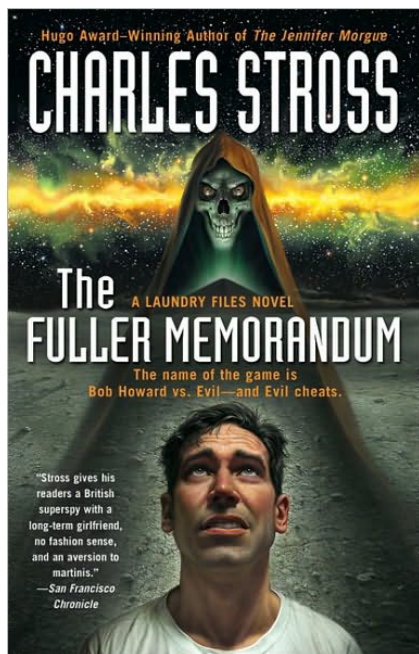
Действие происходит во времена холодной войны. В этот раз Бобу предстоит столкнуться с Директоратом Тринадцати, — зловещей и опасной организацией, одним из главных оплотов Советского Союза...

Крис Вудинг. Хроники Китти Джей. Книга 2 / The Black Lung Captain by Chris Wooding.

Вторая история из цикла «Хроники Китти Джей». (Первая называлась «Retribution Falls»). Книги написаны в стиле телесериала «Светлячок» и романа «Остров сокровищ». Приключения в космосе, — и обстановка Викторианской Англии. Кто может устоять?

Храбрый (а порой даже чересчур) капитан Фрей снова отправляется в опасное путешествие. Ему напештали об одном местечке, где сокровища просто валяются под ногами... Правда, чтобы найти их, придется рисковать жизнью. Но Фрею не привыкать.

А вот когда на горизонте появится его бывшая жена, — вот тогда и начнутся настоящие приключения!

ЛЕВ ГУРСКИЙ

МЯСНИКИ, СУПЕРАГЕНТЫ И СНОВИДЦЫ

Каких только профессий не бывает в мире! В фантастических фильмах выбор значительно меньше. Если вы в SF, то пожалуйста в скафандр космонавта или в доспехи робота, а если вы в fantasy — то вот вам хламида и меч... Герои сегодняшнего обзора прописаны в жанре околonaучной фантастики, однако у них — совсем другие специальности...

Режем по живому

Вот обыденный сюжет из реальной жизни (зарубежной ли, отечественной ли — неважно): человек взял ипотечный кредит, купил квартиру, потом в жизни его белая полоса сменилась черной, и он уже не смог выплачивать по кредиту, и через некоторое время квартиру банк отобрал... Теперь замените слово «квартира» словом «почка» или словом «сердце» — и вы получите сюжет картины Мигеля Сапючника «Потрошители» (Repo Men, Канада — США, 111 минут, «Universal Pictures Rus», 2010). Особой фантазии сценаристам тут не требуется: налицо небольшая провокационная замена сущностей, и перед вами произведение о зверином облике современного (ну пусть недалекого будущего) капитализма. Друзья-ветераны Реми (Джуд Лоу) и Джейк (Форест Уайткер) работают в корпорации «Союз», которая продает своим клиентам (в рассрочку) искусственные органы на все случаи жизни. Но поскольку органы стоят дорого, велико и число тех, кто не в состоянии погасить кредит. К ним-то начальник соответствующей службы «Союза» улыбочивый медоточивый Фрэнк (Лив Шрайбер) и посылает упомянутых профи, чья специализация — изымать органы у должников. Друзья проливают чужую кровь весело, непринужденно, под хорошую музыку. Иногда клиенты сопротивляются — и тогда приходится действовать жестко, иногда они принимают свою участь со смирением — и тогда у потрошителей вообще никаких хлопот нет. Но однажды в результате производственной травмы (о ее причинах благоразумно умолчим, дабы не подбрасывать будущим зрителям дохлую кошку стюйлера) Реми попадает в больницу и приходит в себя уже с искусственным сердцем от «Союза». И поскольку именно в это время профессиональная сноровка героя отказывает, он вскоре становится должником. И со дня на день ждет, когда служащие «Союза» — его бывшие коллеги — придут и вырвут ему сердце. Он, конечно, будет сопротивляться, поскольку знает кое-какие секреты профессии, и бежит вместе с бывшей наркоманкой Бет (Алисия Брага), которая уже столько раз меняла свои органы, что давно уже стала собственностью компании... Сюжет про то, как исполнительный рабочий «винтик» тоталитарной структуры, до поры исправно работающий на систему,

однажды начинает (по разным причинам, от идейных до шкурных) бунт против хозяев, не просто стар — он засажжен донельзя. Бунтовали тысячи и тысячи: он Уинстона Смита в «1984» и Гая Монтега в «451 по Фаренгейту», от Сама Лоури в «Бразилии» и (возьмем пример поновее) Джона Престона в «Эвильбруме» — до сонма киллеров, становящихся мишенями. Режиссер по фамилии Sapochnik (которую при некотором воображении можно передавать в русской транскрипции и как «сапожники»), не придумав ничего своего, пошел по стопам Виктора Франкенштейна: он спил свою ленту из готовых сцен-органов, бесхитростно позаимствованных в «Метрополисе» и «Бегущем по лезвию», «Темном городе» и «Заводном апельсине», «Олдбое» и «Адреналине», «Генетической опере» и «Криминальном чтиве», а из упомянутой выше «Бразилии» нагло содрал финальный кунштюк. Краденое не помогло. Режиссер запутался в жанрах: если это сатира, то унылая, если комедия, то чересчур кровавая (не очень-то посмеешься среди мясных опметков), если антиутопия, то прямолинейная донельзя, а если боевик, то постоянно провисающий по части драйва. Не случайно фильм с бюджетом 32 миллиона долларов в прокате не окупился, собрав по всему миру меньше 18 миллионов. Теперь Мигелю Сапочнику уж тем более следует опасаться, что обворованные Тарантино, Верховен, Гиллиам, Уиммер, Чак-Вук Парк и другие придут к должнику и, убедившись в его некредитоспособности, вырвут без анестезии из его фильма чужую собственность...

Батарейки в комплект не входят

У братьев Стругацких в «Пикнике на обочине» упоминаются этики — вечные батарейки, которые найдены в Зоне и стали неплохим товаром. А, по мнению создателей фильма «Рыцарь дня» (Knight and Day, США, 125 минут, «XX век Фокс СНГ», 2010, режиссер — Джеймс Мэнголд) лишь одна такая фантастическая батарейка, смахивающая на маленький *perpetuum mobile*, способна привести в действие огромный механизм международных интриг, в которые замешаны отступники из ЦРУ, оружейные бароны и еще множество неустановленных (но вооруженных) личностей. Однако батарейки в этом фильме — лишь (выражаясь словом Хичкока) мактаффин, призванный сдвинуть шестеренки сюжета. Фантастическое допущение запускает комедийный боевик, в котором самое невинное — это русская версия прокатного названия. Если бы российские прокатчики не были пофитистами, им бы пришлось поломать голову в попытках найти адекватную замену оригинальному заголовку фильма. Поскольку авторы обыгрывают одинаково звучащие слова «Knight» (рыцарь) и «Night» (ночь), причем второе еще и — фамилия главного героя картины. «Рыцарь дня» — это даже не вариант, это какое-то недоразумение. Так что если бы картина Джеймса Мэнголда (на счету которого, к примеру, драма «Прерванная жизнь» с Анджелиной Джоли) была «серьезной» лентой с глубоким смыслом, шалости прокатчиков вышли им боком. Однако нынешняя картина — комедийный боевик, и название неважно. Рыцарь-шмыцарь, главное, чтобы умел стрелять и улыбаться, а красавчик Том Круз умеет и то, и другое. Найдт, кстати, — это настоящая фамилия его персонажа, но о ней мы узнаем ближе к финалу, а почти все дорогу Круз будет известен как Рой Миллер. Однажды этот обаяшка встретил в аэропорту усталую блондинку сильно за тридцать, Джун Хэвенс (Кэмерон Диас), которая

летела на свадьбу сестры. А Миллер, он же Найт, улепетывал от коллег из ЦРУ, потому что те его подставили при попытке выманить гениальное изобретение — практически вечную батарейку. Теперь наш герой присматривает за юным изобретателем Саймоном Феком (Пол Дано) и повсюду таскает с собой эту батарейку, а цэрэушные предатели охотятся и за тем, и за другим, а вскоре еще и за Джун, потому что Найт (он же Миллер) вынужден не упускать из виду и девушку. Стрельба, погони, перемещения с континента на континент, опять стрельба, опять погони... Кинокритики сошлись во мнении, что Круз в этом фильме, разминаясь перед четвертой «Невыполнимой миссией», изобразил нечто вроде пародии на своего суперагента Итона Ханта. Однако Мэнголд ответственно отнесся и к «боевиковой» составляющей сюжета, а потому здесь есть множество эпизодов action, сработанных на совесть (чего стоит хотя бы сцена с посадкой авиалайнера на кукурузном поле или автопогоня, красиво вписанная в корриду — кстати, испанские эпизоды снимались в настоящей, без обмана, Севилье. С юмором и иронией в картине тоже все в порядке («Никто за нами не идет, иначе я убью себя, а потом ее»), а Кэмерон Диас, ответственная еще и за романтическую составляющую, грамотно вжилась в образ. Всю жизнь Джун хотела встретить рыцаря — и вот он, пожалуйста! Правда, он то и дело убивает людей, но, как оправдывался Шварценеггер в «Правдивой лжи», «они все — плохие». А он — хороший. Таким образом, хэппи-энд абсолютно неизбежен... Вы спросите: а как там с батарейкой? Успокойтесь, она взорвалась. Но не потому, что вечные двигатели противоречат законам физики, а потому что физик из этого фильма кое-что недорассчитал. Когда рассчитает, будет нам счастье.

Как залезть в голову и что делать потом

Братья Вачовски, придумавшие «Матрицу», заморозили мир идей о притягательной опасности подмены виртуальной реальностью «реальной» реальности. Однако еще за тысячелетия до изобретения компьютерного пространства всякий человек хотя бы раз в сутки погружался в мир фантомной действительности, похожей на «натуральную», но таковой не являющейся. Мысль о том, что жизнь есть сон, или что смерть есть сон, приходило в голову многим, включая драматургов Шекспира (вспомним классический монолог Гамлета) и Кальдерона или прозаика Достоевского, который одним из первых в русской литературе создал сюжет о манипуляциях сознанием человека, не понимающего, бодрствует он или спит (повесть «Дядюшкин сон»). Знаменитая сказка Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» заканчивалась, как известно, парадоксальными рассуждениями главной героини о том, В ЧЕЙ сон ее угораздило попасть: то ли в ее собственный, то ли в сон Черного Короля, где кошка Китти играла роль Черной Королевы... Разрабатывая идею фильма «Внедрение», у нас почему-то названного «Начало» (Inception, США — Великобритания, 148 минут, «Universal Pictures Rus», 2011), режиссер и сценарист Кристофер Нолан — постановщик «Помни» и «Темного рыцаря» — принял за основу идею о том, что в недалеком будущем создано устройство, способное нескольким людям смотреть одно и то же сновидение. Таким образом можно, особенно не рискуя жизнью, пробираться

в подсознание того или иного человека, чтобы вывести какой-нибудь секрет. Герой фильма Нолана, Доминик Кобб (Леонардо Ди Каприо) — именно такой Извлекатель. Но однажды ему предлагают осуществить проект куда более сложный: не украсть мысль, а внедрить ее. Японский бизнесмен Сайто (Кен Ватанабэ — «Бэтман: Начало») просит у Кобба повлиять на Роберта Фишера (Киллиан Мерфи), сына умирающего магната Мориса Фишера (Пит Постлетуэйт), чтобы наследник бизнес-империи разрушил конструкцию отца (которая уже придавила почти всех конкурентов и вот-вот придавит фирму самого Сайто). Взамен заказчик обещает Доминику амнистию на его родине, в США, где героя все еще разыскивают по обвинению в убийстве жены (на самом же деле жена Кобба, Мол — Марион Котийяр — покончила с собой, перепутав сон с бодствованием). Кобб хочет вернуться домой, к детям, и ради этого готов осуществить почти невозможный многоступенчатый план. Герой Ди Каприо приглашает в свою команду Артура (Джозеф Гордон-Левитт), Проводника по миру сна, Ариадну (Эллен Пейдж), Архитектора сна и Имса (Том Харди), Имитатора, который в чужом сне может принять образ любого. Теперь достаточно воспользоваться уникальными сновидческими наркотиками, придуманные химиком Юсуфом (Диллип Рао), — и можно отправляться на задание. У заговорщиков, казалось бы, совсем немного времени — несколько часов, пока они вместе с Робертом Фишером оказываются на борту самолета, летящего из Австралии в США. Однако в «сонной» реальности — иное течение сна. Первый уровень сна — секунды становятся минутами, второй (более глубокий) уровень — минуты становятся часами, третий уровень (еще глубже) — часы превращаются в сутки, а если нырнуть в четвертый слой, лимбо, то изначальные мгновения превратятся в годы. Однако лимбо — опасная область, ибо трудно вернуться оттуда, где грани между сном и явью полностью утрачены... Сон внутри сна, который внутри сна, который внутри сна... — от такой конструкции ум заходит за разум, однако Кристофер Нолан создал отнюдь не высокоинтеллектуальную головоломку, но замечательное зрелище, сюжетно выверенное, рациональное, но не громоздкое. Элементы знакомых нам «фильмов-стрелялок», «фильмов-катастроф» и, кроме того, «фильмов-про-ограбление», ничуть не затемняют главный сюжетный посыл картины. Как и в своем дебютном фильме «Помни», Нолан не устает подчеркивать, что подлинная Страна Чудес (подчас «ужасных чудес», говоря словами Лема) — наше подсознание, которое управляет нашей жизнью, будь ты наяву, во сне или в Матрице. Герой Ди Каприо уязвим, потому что мучим чувством вины из-за самоубийства жены. Однако, в отличие от персонажа того же актера в фильме «Остров проклятых», Кобб выбирает не смерть, а жизнь. Ему есть что терять и есть ради чего жить дальше. Как бы ни был приятным сон, Кобб возьмет из рук Морфеуса правильную таблетку... Многозначительный нюанс: актер Пит Постлетуэйт, сыгравший роль умирающего на больничной койке Фишера-старшего, скончался на больничной койке через несколько месяцев после мировой премьеры фильма...

ПАВЕЛ БОЙКО

ГАРРИ ПОТТЕР И ЩЕДРЫЕ ПРОДЮСЕРСКИЕ ДАРЫ

«Гарри Поттер и Дары Смерти:
часть 1»

В ролях: Дэниел Рэдклифф, Эмма
Уотсон, Руперт Гринт и др.

Режиссёр: Дэвид Йетс

Производство: США

2010 год

По продюсерскому велению и собственному хотению, объявляю сегодняшний день «Днем великой кинематографической благодати». Подходите поближе, детипки, можете садиться к доброму дяде прямо на колени и говорить ему свои самые-самые заветные желания. Что ты говоришь, девочка? Нет, это не Санта-Клаус, это Очень Важный-Важный Продюсер из замечательной компании «Warner Brothers», и вместо бесполезных конфет, самокатов и плюшевых медвежат, он сегодня начнет раздавать нечто

гораздо более важное и интересное, а именно — Бесценные Продюсерские Дары. Загадывайте все самое заветное, эксклюзивное и потаенное — и все это непременно сбудется. Честное уорнеровское!

Садись, малыш! Какое твое самое заветное желание? Самому снять два последних фильма о Гарри Поттере? А как тебя зовут? Крис? Извини, Крис, но у нас для этого уже есть другой мальчик по имени Дэвид — он гораздо более послушный и все делает так, как ему говорят взрослые дяди. Ну не расстраивайся ты так, беги лучше вон к тем дядям из 20 Century Fox, им как раз нужен, кто-то вроде тебя, что бы снять собственный фильм про Гарри... ой, то есть я хотел сказать — про Перси Джексона. Кто следующий? Привет, малышка! Какое твое

самое заветное же... А-а-а, тебе не хочется расставаться с Гарри Поттером! Если бы ты только знала, как мы тебя понимаем! Это же почти каждый год — по миллиарду мировых кассовых сборов плюс майки, сувениры, школьные тетрадки и рюкзаки, игрушки наконец — и все это, извините, спустить под хвост госпоже Роулинг?! Ну что ей стоило и дальше продолжать писать: и ей — развлечение, и людям — заработок! Но ты не расстраивайся, деточка, наша доблестная компания не позволит просто так сплунуть халявным баб... то есть, конечно же, всенародно любимым героям, поэтому последняя седьмая часть приключений Гарри Поттера и их друзей станет одновременно седьмой и восьмой! Все еще не поняла, родная? Поясняю: экранизацию заключительного седьмого романа про Порри Гаттера... тьфу ты, ну главное, что ты поняла про кого — мы распилим... в смысле — тематически разделим сразу на два немаленьких фильма, продолжительностью — по два с лишним часа каждый. Здорово, правда? Щечки сразу покраснели, в глазах зажглись огоньки неподдельной радости — эх, как же мы любим вот так просто, по доброте душевной приносить счастье в душу наших маленьких человечков, нашей будущей гордости и опоре... Ну и родителях, ясное дело на забудем — теперь за один фильм им придется заплатить аж два раза, причем во второй раз — значительно дороже, ведь он будет снят в новомодном вырвиглазном ТРИ ДЭ. И ведь все заплатите до последней копейки — ну сами посудите, куда ж вы денетесь, золотые мои?

Тем из поклонников Поттера, кто имеет прописку в стране «вечно розовых единорогов», очевидно, должно понравится заявление продюсеров золотосного киносериала про мальчика в профессорских очках, согласно которому «идея создателей разделить экранизацию седьмой книги на две части выполняет сразу две задачи: и как можно полнее отразить содержание прозы Дж. К. Роулинг, и одновременно растянуть удовольствие потенциальных зрителей, тем самым подготовив их к неизбежному расставанию с сагой»

Ну да может это и к лучшему — ведь в краю чудесных мифологических созданий пока нет своего кинопроката, и поэтому им не придется платить за культпоход для всей семьи на то, что так и подмывает грубо и нелитературно сравнить с негодным к употреблению полуфабрикатом: спинкой от стула, дверцей от шкафа, ножкой от кровати и извините — с сидением от унитаза. В то время, как губы всех остальных поклонников и невольных сочувствующих при прочтении расплзаются в злорадной циничной ухмылке. Ведь одно словосочетание «Уорнер бразерс» пытается «как можно полнее отразить содержание прозы Дж. К. Роулинг» уже тянет на шутку года. Что же Вам раньше мешало отражать это содержание, невнимательные Вы мои — когда стараниями и усилиями кинорежиссера Дэвида Йетса и всей продюсерской братии, экранизации самой раскрученной литературной саги десятилетия вдруг превратились в какую-то секту из серии «вход только для посвященных». То есть в то время, как фанаты литературного оригинала еще перемигиваются друг с другом, обмениваясь тайными знаками с теми, кто «в теме», лицам несведущим в роулинговских нетленках

остается только по два с половиной часа сидеть головой вверх, изучая интересные особенности орнамента на потолке кинотеатра — это по крайней мере, избавит их мозг от idiotских мучений на тему: «Кто эти люди?», «Что они здесь делают?», «Почему этот пришел и сразу же ушел?», «Зачем сразу же за первым пришел второй?» и наконец — «Что я здесь вообще позабыл?». И наличие в соседнем кресле хлюпающего носом чада в качестве ответа на последний вопрос, отнюдь не отменяет смысла всех предыдущих!

Вторая часть фразы веселит не меньше, потому что она написана целиком по заветам старикам Фрейда. Ведь это не потенциальным зрителям нужно «подготовиться с неизбежным расставанием с сагой», а веселым молочникам из компании братьев Уорнер, которым в течение 10 лет так весело доили эту упитанную буренку, что когда в ее вымени осталась единственная и последняя струя, ее решили в целях «продления удовольствия» разлить сразу по двум молочным пакетам, разбавив и смешав содержимое с различными примесями. О, эти люди знают толк в приготовлении неаппетитного пищевого экстракта: благодаря этому подходу пятая часть киноцикла «Гарри Поттер и Орден Феникса» скрестили с конспектом лекции по воспитанию школьников в закрытых общеобразовательных учреждениях, зачитанным полусонным лектором на занятиях в провинциальном пединституте, а шестая, «Гарри Поттер и Принц-Полукровка» — мутировала в самый высокобюджетный и неаппетитный ромком, в котором за все два с половиной часа экранного времени не нашлось места ни Принцу, ни полукровке, зато было много-много поцелуев, псевдоромантического хихиканья и Поисков Большой и Очень Чистой Любффи. И все это — в сопровождении персонажей, которые дикими оленями скачут по сюжету, лишь изредка заглядывая в глаза другу другу в отчаянных поисках личной мотивации, совершенно проходной игры самой замечательной подборки из британских актеров, вся работа которых в 90% случаев сводится к «пришел — потоптался на месте-что то буркнул в камеру — и поминай как звали!» и огромных дыр, только не черных, а сюжетных, через которые при желании может пролезть не только злосчастная Птица-Феникс и Сам Тот-Чье_имя-Нельзя_Называть, лорд Волан-Де-Морт! Тем из поклонников кинопоттерианы, кто истово надеялся, что разделение седьмой экранизации на две почти трехчасовые части поможет избежать вышеописанных граблей, мой добрый совет: попить водички и хорошенько сплунуть на пол. Ибо этот год (равно как и предыдущий, и предыдущий) для них явно не задался.

Сначала о хорошем: в фильме есть сюжет. Он уже не напоминает «кашу из всего со всем» в духе предыдущих постановок Йетса, иногда даже способен изъясняться связными фразами, и даже отдаленно напоминает о своем литературном первоисточнике. Нет, поймите меня правильно: я далек от идеализации писательского таланта Дж. К. Роулинг и не принадлежу к кругу ее помешанных фанатов, которые на масленицу во дворе жигают соломенные чучела всего

руководства Warner Bros, нараспев повторяя: «ТАКУЮ-книгу-загубили-демоны-сволочи-загубили-ТАКУЮ-книгу», но по сложившейся у меня уверенности, господин Йетс даже к завершению работы над третьим для себя фильмом из поттерианы, похоже, так и не понял, что жанр «киноэкранизации» должен быть предназначен для любого зрителя, а не только для тех, кто с любой страницы наизусть процитирует оригинал. Между некоторыми эпизодами утеряна смысловая связь, многие персонажи просто беспомощно тусуются на экране, ожидая, когда на них снизойдет благословенное объяснение от сценариста, режиссера или САМИХ продюсеров, что они здесь делают. А-а-а, книга слишком большая по объему, аж целых 600 страниц, поэтому и времени не хватило! Однако, формат трехчасового фильма, почему-то не помешал далекому от понятия режиссерской гениальности, Питеру Джексону внятно, связно, без провисаний и лишних длиннот — с чувством, с толком, с расстановкой — перенести на экран гораздо более масштабного и сложного в постановке «Властелина Колец», и сделать это так, что бы у людей, в глаза не выдавших одноименную трилогию Джона Роальда Толкиена не возникало idiotских вопросов из серии: «Кто эти молокососы и на кой черт, они поперлись в эту пышущую лавой горную пещеру — что, просто других дел не нашлось?». Увы, в этом отношении, «Гарри Поттер и Дары Смерти часть 1» является достойным преемником своих молочных братьев, швыряющихся с экрана в несчастного зрителя обрывками неряшливо оборванных сюжетных линий, блуждающей из крайности в крайность мотивации персонажей и прочих интересных вопросов, ответы на которые (в зависимости от знакомства с одноименным романом), Вам придется искать/вспоминать самостоятельно. И похоже, что вместе с сопутствующими товарами (канцтоварами, брелками, рюкзаками, фигурками маленького плюшевого Волан-Де-Морта), Уорнерам нужно было прямо в кинотеатрах устроить распродажу одноименных книг с волшебной пометкой «Там Вы найдете все ответы» или розлив одноименной водки — для тех, кто не любит читать, но страсть, как хочет во всем разобраться.

Продолжаем радоваться хорошему: в фильме почти присутствует режиссура. Правда, это в основном касается единственной стильно сделанной анимационной вставки, рассказывающей о трех братьях, которые встретились со Смертью — она длится всего четыре минуты и стоит того, что бы ради нее посмотреть и прочие 8520 секунд сего немверно затянутого действия. Правда, как мне подсказывают из зала, снимать эту вставку поручили вовсе не Йетсу, а швейцарскому художнику Бену Хибону, поэтому оценку за постановку придется пилить (какое знакомое слово, правда, Дэвид?) напополам. и если часть Хибона смотрится свежо, оригинально и стилистически безупречно, то у Дэвида нашего Йетса — опять полный кавардак, сопряженный с очередной заикленности на очередном из легких голливудских жанров. Правда, его предыдущее увлечение романтическими комедиями было выжжено каленым продюсерским железом, и теперь, когда лавочка Дня Святого Валентина навсегда закрылась, наш удалой британский постановщик решил удаться в экшен. По сути, большую часть всего фильма можно описать с помощью

единственной фразы: «Бздыщщщ — и все бегут! Кому сильно интересно куда, зачем и от кого — тоже могут смело бежать в фойе кинотеатра за одноименной книгой. Совсем неудивительно, что во время этой постоянной спешки и дикой беготни, где-то на полкорпуса позади, спешащих в никуда персонажей скоростной панорамой пролетают эпизоды, которые по идее должны были стать ключевыми, например — выглядящие абсолютной повседневностью, смерти вроде бы ключевых персонажей. Впрочем, на эмоциональную реакцию и какую-бы то ни было рефлексии у героев просто нет времени: их мышцы ног сокращаются со скоростью кузнечного молота, а глаза устремлены в одну неподвижную точку в самом конце экрана — именно оттуда, в июле следующего года должен появиться долгожданный 3-D-сиквел.

Впрочем, ортодоксальным фанатам советую немедленно отложить в сторону самодельные фигурки вуду с неряшливо наклеенной поверх лица фотографией Дэвида Йетса: не стреляйте в пианиста — он играет как умеет. Всех, кто в этом сомневается — отсылаю к просмотру мини-телесериалов «Большая игра» (2003, State of Play) и «Секс-трафик» (2004, Sex Traffic), снятых им по заказу британской телекомпании BBC — смотрите и убедитесь в умении Йетса снимать хоть и не динамичное (все-таки, формат обязывает), но очень острое, проблемное и качественное кино. И не его вина, что для проектов с более чем 100 миллионным бюджетом ему не хватает ни опыта, ни элементарной сноровки — об этом, как раз должны были думать добренькие дяденьки из Уорнера, когда утверждали его кандидатуру на беспрецедентном режиссерском кастинге, в котором что ни имя — то фигура, что ни фильм — то событие! В самом деле, чем же безвестный телевизионный режиссер так поразил уорнеровцев, что они вручили ему золотой ключик, предпочтя его кандидатурам Стивена Спилберга, Роберта Земекиса, Гильермо дель Торо, самого Терри Гиллиама, Альфонсо Куарона или того же Криса Коламбуса? Ответ кроется на поверхности: для воссоздания этого проекта, продюсерской группе нужен был не режиссер с яркой индивидуальностью, а старательный исполнитель в духе: «командир сказал — рядовой отжался» — без всяких там поисков глубинного смысла и трату время на бесполезные творческие споры, только затягивающие время на выполнение прямых прика... ой, извините, разумеется — ценных продюсерских указаний. Именно по этой причине, к началам съемок седьмой серии очередь из кандидатов на постановку значительно поредела: кто-то уже успел обзавестись собственными проектами, другие — брезгливо сморщились от перспективе провести пару лет в тесном бриллиантовом опейнике, с последующим неминуемым преданием анафеме от доброй половины всех поттеровских фанатов, которых в масштабе всей планеты — ой как немало! Зато, у ворот студии по-прежнему маячил добрый и по-прежнему послушный Дэвид Йетс — безотказный Вы наш!

Теперь перейдем к грустному: актерской игры в фильме скорее нет, чем она есть. Да, да, Вы не ослышались, и не надо жадными глазами вновь и вновь изучать перечень великолепного актерского состава, включающего в

себя таких мастодонтов британской театральной сцены, как Алан Рикман, Рэйф Файнс, Тимоти Сполл, Дэвид Тьюлис, Хелена Бонэм Картер — потому что, 90 процентов экранного времени вы будете паяниться совсем не на них. Произшедшую за 9 лет буквально у нас на глазах эволюцию «детского актерского состава» сначала в «поношеский», а потом — и во «взрослый» тянет сравнить лишь с комическим монологом из одной стародавшей оперетты про чудесного розовощекого маленького поросеночка, который рос-рос, рос-рос, пока не превратился в одно довольно крупное животное. Конечно, от 10–11 летних ребятешек на кастинге никто не требовал сильной актерской игры — их набирали за милые детские физиономии и соответствие литературным типажам. Однако, почти 10 лет спустя, когда перед ними поставлены актерские задачи куда более серьезного характера, они с ними совершенно не справляются, и обзаведясь с трудом влезаящими в широкоформатный экран физиономиями и, извините, даже вторичными половыми признаками, играют просто ОТ-ВРА-ТИ-ТЕЛЬ-НО. Особенно комично на этом фоне смотрятся заявления Дэниела Рэдклиффа и Эммы Уотсон, что они де так устали от своих героев и не хотят больше участвовать в подобных проектах. Ха, да куда же вы денетесь, мои сладенькие? Когда весь арсенал актерских приемов ограничивается только простодушным хлопаньем глазами (а у исполнителя роли Рона Уизли, Руперта Гринта — еще и ушами), тут уж не до амбиций, особенно когда так сильна конкуренция с рвущимися на большой экран фотомоделями! Зато, на актерских гонорах всей троицы это практически не отражается: сумма всех уплаченных вознаграждений составляет собой зарплату двух с половиной том крузов, хотя по харизме, обаянию и даже актерскому мастерству, в кадре не наблюдается даже одного. Весь остальной актерский состав, во главе с харизматичными Северусом Снеггом и самим Волан-де-Мортом, стараются вытаскивать на себе отдельные сцены, но спасти картину целиком у них не получается, так как детская составляющая коллектива старательно укатывает эту телегу в противоположную сторону.

К концу рабочего дня у палатки, где раздавались бесценные Продюсерские Дары остался лишь один единственный мальчик. Ну, что же ты, малыш, стоишь? Скорее залезай на колени и загадывай желание! Что ты говоришь? Ты хочешь, что бы тебя наконец оставили в покое? А как тебя зовут, малец? Гарри? Просто Гарри, а фами... Поттер? Гарри Поттер? Хе-хе-хе, и не даже не мечтай, бриллиантовый ты наш! Нет, малец, ты еще нам послужишь, благо как раз сейчас наш юридический отдел пытается заключить новую договоренность с твоей литературной хозяйкой о передаче нам авторских прав на создание дальнейших фильмов о твоей дальнейшей юности, молодости, зрелости, старости... Стой, ты куда побежал? А ну держите его скорее! Ничего, далеко не убежишь! Беги, беги, Поттер, только помни, что отныне ты нигде не сможешь чувствовать себя в безопасности! Помни, что этот, тобой так долгожданный конец еще только начинается!

СЕРГЕЙ ЛАПАЧ, СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ДНИ НОЯБРЯ

Некоторые полагают, что в природе ничего не происходит просто так, и всякая аномалия что-то собою знаменует. Как писал духовный отец киевских фантастов: «Кирпич ни с того ни с сего ... никому и никогда на голову не свалится». Если так, то аномально тёплая погода середины ноября 2010 года (15-16, а порой и до 20 градусов тепла!), явно должна была знаменовать нечто фантастическое. И точно, именно эти по-весеннему тёплые дни стали не просто днями, а «Днями Фантастики в Киеве». Так называется новый киевский конвент, а точнее Международная литературная конференция. Дабы не быть обвинёнными в предвзятости, предоставим слово харьковско-германскому гостю фестиваля Григорию Панченко:

«Совершенно неожиданно на наших глазах родился новый конвент, причем гораздо более полнокровный и оригинальный, чем приходилось ожидать. Поясню: да, это по-прежнему мероприятие при книжной ярмарке «Медвин», но раньше то был «День фантастики», один, с краткой и не вполне самостоятельной программой (как бы постскриптум к апрельскому «Порталу» при апрельском же «Медвине»); а сейчас — «Дни». Причем дело не в трехкратном количественном увеличении. Оно, вполне по законам диалектики, дало качественный скачок, особенно ярко заметный на фоне «исходника»: «Портал» явно захирел, с нынешними «Днями» не мог сравниться даже и позатрошлогодний апрельский конвент».

Несмотря на то, что конференция в таком формате проводилась впервые, для участия в ней официально зарегистрировалось более сотни человек, а общее число участников мероприятий конференции, включая «вольнотрушателей», для которых вход на большинство мероприятий был свободным, было в несколько раз больше.

Обрела новое дыхание международная книжная ярмарка «Медвин». Снова были заполнены оба зала, и второй — не только религиозной и эзотерической литературой. Людей значительно больше, чем в прошлые годы: каждый день с утра до вечера — не протолкнуться. Любому посетителю выставки было очевидно, что у нас нет проблем с детской литературой, в том числе и на украинском языке. Очень много книг по истории, как популярных, так и специальных. Не изменилась, однако, тенденция исчезновения технической и естественнонаучной литературы, и, как ни странно, фантастики.

Меч Григория Панченко стал неофициальным талисманом конференции

Открытие конференции, к сожалению, вышло смазанным. Оно потерялось в общем бесформенном открытии выставки, да еще помещено было в самое его конце. Думаем, оргкомитету стоит подумать о, пусть очень коротком, но своем открытии.

Впрочем, как знают все опытные фэны, главное на конвенте, не открытие, а банкет. Но по пути к нему состоялось ещё множество интересных мероприятий. Описать их все не позволяет объем репортажа, а потому волонтаристски выделим лишь некоторые особо запомнившиеся, вкратце упомянув остальные.

Первый день начался с презентации сетевого украиноязычного конкурса фантастики «Зоряна фортеця», уже знакомого нашим читателям, и литературного объединения «Кобзарі», которое впервые участвовало в фантастическом конвенте.

Затем последовал доклад Кирилла Кашеева и Илоны Воынской «Литература для подростков: Погоня за Глет Глатисанд, или “Я не догоняю!”», пропедший в битком набитой аудитории и вызвавший горячее обсуждение. Предоставим слово активному участнику обсуждения Григорию Панченко.

«Бет Глатисант — это такая зверь из артуровского цикла, обладающая главою змеи, туловищем леопарда, лядвеями льва и голеньями оленя. За ней можно гнаться, но еще никому не удавалось ее поймать. По мысли докладчиков, данный мутант является вполне подходящей аналогией подростковой литературы».

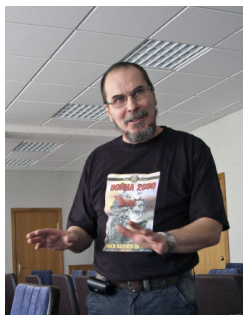
Сразу скажу: выступление показалось мне хотя и спорным в некоторых пунктах, но ОЧЕНЬ интересным. Особенно — сравнение того, что принято считать «литературой для подростков», и того, что выбирает для чтения сам читатель-подросток. Против вывода докладчиков, что «читатели 12–15 лет читают ту же литературу, что и 30–40-летние... но одновременно и ту, что читают 6–8-летние» в последней части категорически бы поспорил (проводил исследования силами всей своей редколлегии — и у меня сложилось впечатление, что литературу «для маленьких» подростки в основном читать перестают: надолго, вплоть до того момента, когда в этак 30-летнем возрасте вернутся к ней вновь, читая вслух своим детям...), но обратное несомненно: литература для подростков с удовольствием читается как 7–10-летними детьми, так и взрослыми».

Убедительны выводы и насчет автоматического срабатывания у авторов внутренних запретов.

Также на меня большое впечатление произвел еще один из тезисов

Диана Коленко

Фёдор Берзин

доклада: по словам Кирилла и Илюны, на Украине с уменьшением в школах часов, посвященных русской литературе, резко вырос интерес к прозе Пушкина и «Герое нашего времени». С того момента как в них перестали искать «идеологично лишнего человека», их снова активно читают: как истории о любви — девочки, как приключенческий триллер (это, понятно, преимущественно о «Герое нашего времени») — пареньки».

Сам Григорий Панченко сделал на «Днях Фантастики» два доклада: в первый день — «Наши в Дойчланде и наоборот», а во второй — «Слово о периодике: пьем не чокаясь — или...?». Оба доклада базировались на докладах автора на «Звездном мосту», но были существенно переработаны и дополнены. В первом была представлена картина переводов и популярности «наших» там. Во втором — состояние дел с фантастическими периодическими изданиями. Похоже, что судьба и того и другого в значительной степени определяется внешними факторами. Так, Сергей Лукьяненко стал популярен в Германии после фильма «Ночной дозор», а фантастические журналы существуют в основном как «прицепы» к другим изданиям.

Михаил Назаренко прочитал вторую часть практически академического доклада «"К добру ли эта встреча при луне?..": британские эльфы в XIX-XX веках». Мы ждали её год. Осталось дожидаться третьей части, а потом, как мы очень надеемся, доклад будет опубликован на страницах РФ и читатель сможет насладиться им полностью и в спокойной обстановке.

Завершился первый день концертом авторской песни Дианы Коденко. Постоянные посетители конвентов могли слышать её в Харькове на «Звездном мосту», а теперь творчеством Дианы смогли насладиться и киевляне.

Кроме того, хочется также отметить весьма познавательный доклад Юрия Шевелы «История украинской фантастики: 1890–1930 годы». К сожалению, он проходил в гостинице и был мало кому доступен. Возможно, в следующем году стоило бы его повторить для более широкой аудитории.

Второй день начался с презентации «Лаборатории фантастики». Зал был полон фантлабовцами, и презентация превратилась в обсуждение проблем и перспектив этого популярного сетевого ресурса, объединяющего настоящих любителей (которые пытаются бесплатно делать профессиональные вещи) фантастики, независимо от их статуса. Кстати, на Фантлабе выложены аудиозаписи большинства мероприятий «Дней Фантастики» (<http://fantlab.ru/blogarticle10685>).

Юрий Винничук

Федор Берзин учёл неположительное отношение ряда товарищей к своему творчеству и блестяще

решил задачу презентации в юмористическом стиле, что полностью обезоружило потенциальных критиков. В кулуарах, кстати, выяснилось, что многие ярые хулители Березина его книг или не читали вовсе, или «читали, но не помнят что».

Михаил Успенский ответил на вопросы читателей, рассказал об упадке Сибири и о том, что подумывает, не перебраться ли в тёплую Украину.

Андрей Валентинов в докладе «Новый Гулливер или Фэндом сегодня» говорил о различных контрреволюциях в фантастике, в частности о конвентной контрреволюции, которая ведёт к появлению большого количества малолюдных специализированных конвентов с большими отрывностями. Последний пункт сильно не понравился нашим личным земноводным, но такого рода тенденции к дроблению и обособлению, увы, характерны не только для фэндома, но и для всего окружающего мира. И, наряду с положительными последствиями в виде разнообразия и полифоничности, имеют и отрицательные: разобщённость, непонимание и проч.

Мария Галина в докладе «Загадка Ходжсона или странная привлекательность Ночной земли» удивлялась необъяснимой привлекательности написанной тяжёлым языком книги, с картонными персонажами, в которой нет ни активного действия, ни живых эмоций. Причём удивлялась так смачно, что, несмотря на постоянные замечания типа «героиня ещё большая идиотка, чем герой», «дурацкие диалоги» и пр., у многих возникло желание почитать книгу лично, а Фёдор Березин даже заявил о готовности написать роман «в этом мире».

Яна Дубинянская поведала историю о своей вылазке за пределы нашего фантастического гетто: «В далеком прекрасном мейнстриме, или Туда и обратно». В общем, оказалось, что мейстрим это такое же гетто, только люди там злее.

Доклад Юрия Винничука «Міфологічні персонажі в українській готичній прозі» по замыслу организаторов должен был привлечь в первую очередь молодых украиноязычных авторов. И хотя у большинства из них,

похоже, нашлись другие дела, аудитория была переполнена, и присутствующие активно задавали вопросы и участвовали в обсуждении. Многие, наконец, увидели, насколько персонажи украинской мифологии отличаются от привычных читателям фэнтези западных. И вновь Григорий Панченко:

«Винничук известный исследователь «старой» украинской фантастики, у него за последние годы вышло несколько серьезных

Ведущий круглого стола Сергей Дяченко представляет собравшимся Анджее Сапковского

Анджей Сапковский на встрече с читателями

Председатель Оргкомитета Ираклий Вахтангишвили объявляет о закрытии Дней Фантастики

Борис Сидюк вручает Наталье Щербе диплом Еврокна — 2010

подборку. Наиболее интересной мне показалась часть доклада, посвященная львовской межвоенной фантастике. Вообще, стало очень жаль сгинувшую культуру того Львова, пеструю и мультинациональную (фантастика там была такая же: даже среди тех, кто писал по-украински — главным образом или эпизодически — попадались и поляки, и другие «осколки империи»...), чем-то напоминающую культуру прежних Вильно, Ташкента или Баку. Любопытно, что нынешние львовские экскурсионные фирмы, оказывается, вводят туристов по «историческим местам» (дома с привидениями и пр.), руководствуясь «старинными легендами», опубликованными в одном из прошлых томов Винничука — и полностью игнорируя четко указанный там факт, что это не собственно легенды, а литературная городская фэнтези, принадлежащая перу одного автора».

Хотелось бы увидеть доклад Винничука напечатанным. А знакомство с отечественной мифологией и историей сделать традицией нового конвента.

Круглый стол «Почему молодежь не читает фантастику» оказался не круглым, а длинным. Но, увы, недостаточно продолжительным, что позволило участникам (Дяченко, Аренев, Дубинянская, Назаренко, Олди, Сапковский, Успенский, Щерба и примкнувший к ним Панченко) лишь обозначить разные грани вопроса и точки зрения на них. Возможно, обсуждение стоило бы продолжить, предварительно проведя некоторые опросы и запасясь статистическими данными.

Первым мероприятием третьего дня был просмотр фильма «Видримастор» в авторской редакции. Фильм оказался хорош, но досмотреть его до конца не удалось, поскольку внезапно во всём корпусе пропал свет. Отсутствие света наложило отпечаток и на встречу с почётным президентом конференции Анджеем Сапковским, которая началась в одной аудитории, а закончилась в другой. Впрочем, можно считать, что таким образом была продемонстрирована преемственность между литературными мероприятиями второго и третьего дней. Если в первые

Михаил Назаренко. Долго ползла Бронзовая улитка с берегов Невы, но нашла своего владельца.

Олег Ладыженский с наградой конференции

два дня конференции доминировали доклады и презентации, то третий в значительной степени был посвящён творческим встречам с писателями. И писатели выложились по полной: две встречи вместо намеченного часа заняли по полтора и вопросы из зала следовали постоянно, не давая расслабиться. Вот что сказал о прошедших встречах Григорий Панченко:

«Думаю, 13 ноября даже рядовые «потребители» могли оценить, насколько это подвижнический труд — особенно после того, как три дня подряд писателям пришлось расходовать силы, нервы и время на всяческие выездные телеинтервью и массовое общение с сословием папарацци, широко прославленным своим интеллектом и деликатностью. Между прочим, такое вот общение в

данном случае — работа не столько на свой рейтинг, сколько на рейтинге конвента: форма помощи, самой что ни на есть безвозмездной, но очень энергозатратной. Олди как мастера воинского искусства этот натиск, стоя спиной к спине (и при поддержке Валентинова), выдержали без потерь боеспособности — а вот Сергей Дяченко буквально с ног валился от усталости, и Андрей Сапковский тоже. Но на качестве субботних встреч в рамках собственно конвента это не отразилось. А ведь тут в роли слушателей и, главное, «задавателей вопросов» выступали собраты по фантастическому сообществу, чья тактичностью вполне соизмерима с нравами папарацци (зачем притворяться: что мы, сами себя не знаем?).»

После творческих встреч состоялось торжественное закрытие «Дней Фантастики в Киеве» и вручение наград. Система выдвижения и выбора лучших на конференции отличалась от привычной участникам как «Портала», так и «Звездного моста». Общественная комиссия заранее сформировала порт-лист, по которому на самом конвенте прошло демократическое голосование. По мнению организаторов, такая система должна объединить достоинства обоих подходов и улучшить результаты. В целом об эффективности такой системы судить пока рано, но в данном конкретном случае результат её применения был, безусловно, успешен. Впервые в кулуарах не было слышно возмущенных реплик типа: «А за что дали премию Имяреку?». Единственное исключение — книга Матвиенко, что следует отнести к недостаткам технологии формирования списка произведений на украинском языке.

После закрытия впервые на киевских конвентах состоялся спектакль анимешников. И вновь слово Григорию Панченко:

«И уже после занавеса — спектакль достаточно знаменитой театральной аниме-группы Fighting Dreamers. Я, по правде сказать, настроился было на достаточно «дежурный» концерт — но ошибся: потрясающая работа, высокий класс мастерства, великолепное завершение фестиваля фантастики. Единственное, что все же хотелось бы (да нет, как раз не хотелось!) злопыхательски выкнуть — это «Запад есть Запад, Восток есть Восток»: актерская

пластика группы, при всей стилизации, отчетливо гимнастично-атлетична, японский рисунок сценического действия это серьезно нарушает. Даже когда «у них» имеет место акробатика, осуществляется она иначе. Танец балерины — и танец гейши: ощутите разницу! Диссонанс же возник как раз потому,

что стилизация (скорее в духе Но, чем Кабуки) осуществлена бережно и со знанием дела. Может быть, оказались в постановке чуть меньше «японистости» — она, наоборот, сделалась бы ближе к живым традициям Но, а несовпадения выглядели бы осознанной находкой, не режущей глаз».

Завершился третий день неожиданным огненным шоу в исполнении группы «Manuskriptum» и традиционным для отечественных конвентов банкетом. О банкете, впрочем, мы писать не будем, а закончим призывом каждый ноябрь устраивать в Киеве фантастическую весну!

Спектакль аниме-группы Fighting Dreamers

ИТОГОВЫЙ ПРЕСС-РЕЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДНИ ФАНТАСТИКИ В КИЕВЕ — 2010»

С 11 по 14 ноября 2010 года в Киеве прошла Международная литературная конференция «Дни Фантастики в Киеве». Конференция была проведена на базе XIII Киевской международной книжной ярмарки «Медвін: Книжковий світ — 2010», организатором которой является выставочная компания «Мэдвін».

Несмотря на то, что конференция в таком формате проводилась впервые (ранее в первые выходные ноября традиционно проводился «День Фантастики»), для участия в ней официально зарегистрировалось более сотни участников, а общее число участников мероприятий конференции, включая «вольнослушателей», для которых вход на большинство мероприятий был свободным, в несколько раз превысило это число.

В работе конференции приняли участие известные авторы, литературоведы и критики. Среди них: почетный президент литературной конференции Анджей Сапковский, популярные писатели: Владимир Аренев, Фёдор Березин, Андрей Валентинов, Юрий Винничук, Илона Волинская, Мария Галина, Яна Дубинянская, Сергей Дяченко, Кирилл Капцеев, Константин Матвиенко, Михаил Назаренко, Генри Лайон Олди, Станислав Росовецкий, Михаил Успенский и многие другие.

В ходе конференции были проведены мастер-классы, творческие встречи и автограф-сессии авторов на территории книжной ярмарки и в крупных книжных магазинах, доклады, круглые столы, просмотры фильмов. Состоялся концерт авторской песни Дзаны Коденко и спектакль театральной аниме-группы Fighting Dreamers «Тремліві Пелюстки Сакури». Были вручены премии Международной литературной конференции.

Оргкомитет благодарит за помощь и содействие в проведении конференции генерального спонсора выставочную компанию «Мэдвін» и партнеров по проведению конференции: ООО Издательский дом «СофтПресс» и журнал «Реальность фантастики», литературное объединение «Кобзарь», интернет-сайт «Лаборатория фантастики», магазин английской литературы «Динтернал-книга», телевизионный канал «Перший національний» и телепрограмму «Книга UA», издательство «ЭКМО» и его сеть реализации в Киеве.

Оргкомитет Международной литературной конференции
«Дни фантастики в Киеве»

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ДНИ ФАНТАСТИКИ В КИЕВЕ — 2010»

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ
(вручаются по результатам голосования участников конференции):

НОМИНАЦИЯ КРУПНАЯ ФОРМА (РОМАН)

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов. Аллюмен. Книга 3. Механизм жизни — М.: Эксмо, 2009.

НОМИНАЦИЯ СРЕДНЯЯ ФОРМА (ПОВЕСТЬ)

Дмитрий Колодан. Время Бармаглота. // Время Бармаглота. — М.: Снежный ком М, Вече, 2010.

НОМИНАЦИЯ МАЛАЯ ФОРМА (РАССКАЗ)

Генри Лайон Олди. Карусель // Если. — 2009. — № 10.

НОМИНАЦИЯ ПЕРЕВОДНАЯ КНИГА

Майкл Флинн. Эйфельхайм. — АСТ, Астрель-СПб, 2010 год (перевод А. Бодров)

НОМИНАЦИЯ КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мария Галина. Без сознания // Новый мир. — 2010. — № 4.

НОМИНАЦИЯ ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

(премии вручаются литературным объединением «Кобзарь»)

1 место: Станіслав Росовецький. Помста периподрукаря. — К.: Зелений пес, 2009

2 и 3 место разделили: Костянтин Матвієнко. Гроза над Славутичем. — Вінниця: Теза, 2009 и Галина Пагутяк. Урізька готика. — К.: Дуліби, 2009

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДНИ ФАНТАСТИКИ В КИЕВЕ — 2010»

«Украинская альтернативно-историческая фантастика»

1 место: Юлія Сіромолот, «Полковник и панночка».

2 место: Юліана Лебединская, «Свободная ячейка».

3 место: Ігор Сілівра, «Епоха пари».

«Украинская фэнтези»

Зинаїда Луценко, «Петренчукова хата».

Кроме того, были вручены награды
победителям конкурса «Зоряна фортеця»

1 место: Дракон УФО, «Містер та місіс Орф».

2 место: Костянтин Козирев, «Мисливці за часом».

3 место. Ігор Сілівра, «Фокусник».

Заохочувальний диплом «за творчу наснагу»: Олег Субчак, «Останній ворог».

Дипломи майстер-класа Іллі Стронговського отримали Анна Рибалка, Ігор Сілівра та Олег Субчак.

НОВОСТИ ОКОЛОПРАЗДНИЧНЫЕ, НЕТОРОПЛИВЫЕ

ПРАЗДНИК К НАМ ПРИХОДИТ, И ПОКА ОН НЕ УЙДЕТ, НОВОСТЕЙ СОВСЕМ МАЛО. ЗАТО ПОЧТИ ВСЕ ХОРОШИЕ.

2009 Carl Brandon Awards

Похоже, последнюю награду давно покинувшего нас 2009 года вручили 16 января в Бостоне, что в американском штате Массачусетс, на конвентре Арисия. Премия Общества Карла Брэндона догнала Хироми Гото за «Полумир» и Жюстин Ларбалестир за «Ажеца». Хироми Гото премия вручена за произведение, созданное автором, идентифицирующим себя как цветной (да, нам тоже понравилась формулировка). Жюстин Ларбалестир отмечена за произведение, исследующее расовые и этнические проблемы.

Нил Гейман женился

В общем, вот и вся новость. 3 января в Берклі, штат Калифорния, в окружении семьи и друзей Нил Гейман женился на солистке, пианистке и очень альтернативной музыкантке из «The Dresden Dolls» Аманде Палмер. До этого пара уже устроила одну церемонию 16 ноября 2010 года, но это было не по-настоящему. А теперь все вполне легально.

Орсон Скотт Кард перенес микроинсульт

31 декабря 2010 года известный писатель перенес микроинсульт, поэтому извиняется за то, что не может ответить на все пришедшие ему в последнее время письма, а также некоторое время не сможет ездить на конвенты. Врачи говорят, что Орсон Скотт Кард вскоре полностью поправится и продолжит активную писательскую деятельность.

«Вояджер-1» достиг границ Солнечной системы

Запущенный 5 сентября 1977 года автоматический зонд «Вояджер-1» 13 декабря вошел в зону нулевого давления солнечного ветра, тем самым покинув пределы нашей Солнечной системы. Этот зонд — самый дальний от Земли объект, созданный человеком. Ученые надеются, что зонд будет функционировать еще около 15 лет и успеет передать данные о межзвездном пространстве. Пожелаем же ему удачи.

Харлан Эллисон продает свою первую пишущую машинку

Харлан Эллисон решил продать свою первую пишущую машинку — «бесшумный» «Ремингтон» выпуска, примерно, 1936-1940 годов. Сам Харлан так объясняет причины, приведшие его к этому решению: «Все дело в том, что мне уже 76, я очень болен, и, подобно мудрому старому псу, замечаю признаки разных вещей. ... Нужно добыть немного денег, поскольку с каждым годом твоя слава все растет, а финансовая ситуация все ухудшается».

За машинку классик просит \$40 000, хотя готов обсуждать цену.

Подозреваем, что нынешние авторы пишут не на стареньких «ремингтонах». Пусть им удастся стать столь же широко известными и любимыми читателями и продолжать радовать читателей

издательскими новостями

В «ЭКСМО» вышли или вот-вот выйдут «Генерал-марш» Андрея Валентинова, «Эпоха Стального Креста» Романа Глушкова, «Марсианин» Александра Богатырева, «Демоны рая» Михаила Кликина и «Herr Интендантуррат» Анатолия Дроздова.

В «АСТ» выйдет «Ареал» Сергея Тармашева.

В «Экслибрис-Пресс» — «Куб Пандоры» Павла Гашева и «Закон сохранения» Сергея Стояна.

В «Лениздате» выйдут или вышли «Законы войны» Владимира Мельника, «Волчья степь» Михаила Сухоросова, «Желтый пепел» Иара Эльтерруса и Марии Суворкиной и «За гранью долга» Василия Горь-а.

В «Армаде» выйдут «Чужак. Рейнджер» Игоря Дравина, «Ледяная Цитадель» Павла Корнева, «Дорога без возврата» Марика Лернера, «Капризная фортуна» Юрия Ивановича, «Академия Измерений» Натальи Мелиоранской, «Слуга чародея» Галины Романовой, «А обещали сказку» Ольги Мяхар, «Полтора элитных метра, или Получите бодрого Дракона!» Светланы Уласевич, «Скользкий сковзь ночь» Владимира Пекальчука, «Артазель. Архангел» Дениса Мухина, «Убить эльфа» Оксаны Демченко и «Некроманты, алхимики и все остальные» Яны Алексеевой.

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 12 (88), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5

Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 744-77-36,
e-mail: malahov@mercury.dp.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 799-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.

Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.